ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЭМБЕР ГАРЗА

НИ СЛОВА МАМЕ

Ни слова маме
Эмбер Гарза

Аннотация
Эмбер Гарза. Ни слова маме
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31

Аннотация

Валери живет одна в большом викторианском доме, в котором, по слухам, обитают привидения. Из-за проблем с памятью она просит своего взрослого сына на время переехать к ней, но это совсем не то воссоединение, на которое она рассчитывала. Хадсон неразговорчив, угрюм и часто пропадает.

Соседи не рады его возвращению, поэтому, когда в доме на соседней улице находят убитую молодую женщину, подозрение сразу же падает на него. Валери пытается защитить своего сына, но по ходу расследования задумывается: так ли хорошо она знает его?

Для матери ужасно даже подумать об этом… но что, если она породила монстра?

Эмбер Гарза
Ни слова маме

© Amber Garza, 2022
© Перевод. А. Ковальчук, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Все, что написано в этой книге, – плод авторского воображения. Любые совпадения с действительностью: события, имена героев, описываемые места – чистая случайность.

Посвящаю Эли, моему замечательному сыну, лучше которого нет.

«Такова природа зла Флорентийского Монстра. И такова природа зла в каждом из нас. В каждом из нас живет Монстр того же вида, различие лишь в силе»[1].

Дуглас Престон, Марио Специ «Флорентийский Монстр»

---

[1] Примечания: 1

Перевод Г. Соловьевой. — *(Здесь и далее прим. пер.)*

Глава 1

Он постучал в дверь, но я открываю не сразу. Глядя в дверной глазок, внимательно его рассматриваю. Рано или поздно — это лишь вопрос времени — совсем перестану его узнавать. Будет стоять передо мной все тот же человек, а я буду на него смотреть неузнающим взглядом. Как моя мать, что поглядывала на меня искоса и спрашивала, кто я.

Его темные густые волосы всклочены, такое ощущение, что он давно не ходил в парикмахерскую. Под пышной бородой совсем не видно рта.

Не зная, что за ним наблюдают, он смотрит по сторонам. Постучал еще раз, я отрываюсь от глазка и поворачиваю ручку. Распахнув дверь, неуверенно улыбаюсь. Наши взгляды встречаются. Поначалу он никак не реагирует. Лицо точно застыло, хотя, может, из-за густой бороды мне просто не видно улыбки.

Он шагнул вперед.

— Мама.

— Хадсон, — отвечаю я, уткнувшись ему в плечо. Пахнет древесиной, хвоей и слегка пряной

гвоздикой. Чужой запах, выражающий все те годы, что мой сын провел вдали от дома. Но за этим непривычным запахом, за этой бородой и копной волос прячется мой мальчик. Малыш, которому на ночь я когда-то читала сказки и с которым, сидя на полу, часами играла в машинки. Малыш, который когда-то плакал у меня на плече и которого, держа за пухлую ручку, я переводила через дорогу. Слишком долго его обнимаю. Он сжимает меня уже не так крепко, потом совсем опускает руки, а я все держу.

Нехотя отпускаю. Прислонившись к дверному косяку, гляжу ему через плечо. У тротуара, напротив нашего крыльца, от которого вниз спускается завитком широкая лестница, стоит машина. Старенькая «Хонда-Цивик», серая краска выгорела и местами облезла.

— Бери вещи и заходи, — предлагаю я.

— Да, хорошо. — Он наклоняется, берет спортивную сумку, что стоит у ног, закидывает ее на плечо и проходит.

— Это все? — недоуменно спрашиваю я.

Он кивает; не понимаю, чему я удивляюсь. Последние пару лет он жил словно бродяга: ночевал у друзей, иногда снимал комнату у незнакомцев. Выражая презрение к брату, Кендра не раз гово-

рила, что жить вот так она никогда не будет. И это правда. *Так* она не живет. Безопасность для нее — превыше всего. Но меня восхищает бесстрашие Хадсона, с какой легкостью он рискует.

Хадсон уехал от нас, когда ему исполнилось восемнадцать, будто только того и ждал, как бы оказаться от нас подальше. Но пропасть между нами образовалась задолго до этого.

Грудничком он улыбался лишь у меня на руках. Научившись ходить, все время вертелся под ногами. Началась школа, и все равно он ходил за мной хвостиком, тянулся ко мне своими вечно липкими ладошками. Но позже, когда ему исполнилось девять, всю себя я посвятила музыкальной группе «Танец сердец».

Я часто пропадала на репетициях, тогда Хадсон привязался к отцу. Но я его не виню: надеюсь только, что однажды он поймет, почему меня не было на его выпускном и школьном балу. Из-за больших амбиций можно многое упустить, и так часто бывает с мамами, которые много работают. Как несправедливо! Даррен умер пять лет назад, с тех пор мы с сыном мало общались, он приезжал всего пару раз. Будто ниточка, что нас соединяла, оборвалась. А, может, дело не в смерти Даррена, а в том, что я выбрала вместо сына работу, не

занималась домом.

И все же я скучала по моему мальчику — по малышу, что садился со мной рядом на диване и накрывал ладошкой мою руку, словно пытался удержать меня.

Он приехал.

Мне нужно, чтобы Хадсон был рядом, и вот он здесь.

Пару дней назад Кендра с обидой сказала: «Конечно, ему же больше некуда пойти».

Я провела его в дом. Хотелось еще раз обнять сына — руки то и дело непроизвольно тянулись к нему, но близко к нему не подходила, борясь со своим желанием.

Я помню его угрюмым подростком с брекетами, как он постоянно повторял: «Мама, я уже не маленький!»

Ему пошел третий десяток, и я совсем не понимаю, как мне себя вести. С Кендрой такого не было. Уже в пять лет она начала строить из себя взрослую: всеми командовать, ни от кого не зависеть, брать на себя ответственность. Хадсону же, чтобы повзрослеть, потребовалось чуть больше времени.

— Располагайся, тебя ждет твоя комната.

Все никак не привыкну к мысли, что Хадсон

вернулся. Вернулся в комнату, где он рос. С тех пор все так изменилось!

— Меня ждет комната? — Его спина напряглась, голова слегка склонилась набок.

— Да, что-то не так?

Я не знала, где еще его можно разместить. В комнате Кендры? В рабочем кабинете Даррена?

— Нет, все в порядке. — Он провел рукой по волосам, рукав футболки задрался, и я заметила вокруг правого предплечья татуировку. Но что на ней изображено — непонятно. — Просто… Ну… Я так давно там не был.

Он стал подниматься по лестнице, я хотела пойти за ним, но удержалась. Обхватив себя руками, прислонилась спиной к стене и смотрела на то, как он поднимается по ступенькам.

Хадсон никогда не отличался болтливостью. Вот его сестра — болтушка. Я даже шутила по этому поводу: все слова, которые были в доме, она забрала себе, ничего нам не оставив. Но сегодня его молчание меня пугает.

Услышав, как он закрыл дверь в комнату, я выдохнула с облегчением. Оттолкнулась от стены и пошла на кухню заваривать чай. На ногах домашние тапочки. Под моими шагами скрипят половицы. На стене тикают часы. На

заднем дворе лает Боуи. Не считая этих звуков, как всегда гробовая тишина. Женщина и пес — единственные обитатели этого огромного дома в викторианском стиле.

Впервые увидев этот дом, я почувствовала, как он меня притягивает. Зовет шепотом, манит костлявым указательным пальцем. Эффект сродни гипнозу.

Я стояла на тротуаре и как заколдованная смотрела на внушительную лестницу, закрытые ставнями окна, остроконечную крышу и вспоминала бабушку. Не потому, что у нее был точно такой же дом, а потому, что она была высокого роста, величественна, и на ее фоне все остальные меркли. Этот дом производил такой же эффект.

Дома по соседству были низкие, одной высоты, с парой ступенек ведущими к небольшим крылечкам. Тот дом возвышался над ними, к огромной веранде вело множество ступеней. Только у него было свое лицо.

— Только представь, сколько тайн хранит этот дом, — прошептала я.

Слова вылетели белым паром и рассеялись в воздухе, словно сигаретный дым. Даррен молча меня обнял, и мы, окутанные холодным январским воздухом, пошли к входной двери. Кендре

было всего семь, а Хадсону — пять, их мы оставили с няней.

Нашему агенту по недвижимости Яну не сразу удалось открыть замок, пришлось повозиться. С каждой секундой Даррен нервничал все больше — на лице напряглись скулы, он крепче прижал меня к себе.

Даррену казалось, что я не замечаю его состояние, не выдержав, он раздраженно вздохнул. Я понимаю: мой выбор ему не по душе. Меня это не удивляет. Он говорил, что хотел бы дом поновее: с гранитной столешницей, потолочными плинтусами и современной техникой. Но когда мы смотрели другие дома, те, которые нравились Даррену, я в них словно задыхалась. Было не по себе. Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег.

Я мечтала о доме с историей. Чтобы слышать биение его сердца. Его голос. По словам Яна, за десять лет этот дом повидал множество владельцев, но последние несколько месяцев пустовал. И вот мы его купили. Он нуждался в любви, заботе и ласке — это было понятно. Местами краска потрескалась и облезла, а в одной из комнат висели странные обои: фон красный, а на нем черные круги, как будто летающие головы.

— Ну и старье, — произнес Даррен.

— А я в восторге! — возразила я.

Наш агент улыбнулся. Несмотря на все споры, связанные с покупкой этого дома, я обрела в нем покой. Уют. В его стенах я стала рыбой, наконец оказавшейся в воде, и теперь спокойно могла дышать жабрами.

К тому же я всегда хотела жить ближе к центру, так что все сложилось как нельзя лучше. Я только начала петь в новой музыкальной группе «Танец сердец», и в планах были концерты в местных барах и клубах.

Лишь после переезда я прочла в газетах, что в нашем доме пятьдесят лет назад при странных обстоятельствах погибла шестилетняя Грейс Ньютон. Упала с лестницы. Смерть от кровоизлияния в мозг.

В ходе расследования установили, что произошел несчастный случай, но многие соседи и друзья семьи думали иначе. Кое-где писали, что за несколько месяцев до смерти на теле девочки видели следы побоев. Кроме того судмедэксперт отметил, что синяки и порезы были давние. Падение с лестницы тут явно ни при чем.

Почти все вокруг уверены, что в нашем доме живет призрак Грейс. Она блуждает по кори-

дорам, играет на чердаке, гуляет по заднему дворику.

Услышав впервые эти сплетни, Даррен назвал их чепухой. Но я сразу поверила. Как только мы переехали сюда, я стала чувствовать ее присутствие. Дыхание в затылок. Движение воздуха. Иногда, когда я фотографировала детей в комнате Хадсона, после проявки на кадрах появлялись белые пятна. Я не шучу. Вот почему я думаю, что Грейс когда-то жила в комнате Хадсона.

Над головой включается кондиционер — я пугаюсь. Крепче обнимаю себя руками.

Страшно подумать, что у Хадсона и Грейс так много общего. Оба младшие дети в семье. Судя по всему, жили в одной и той же комнате. Я видела фотографию Грейс: темные волосы, карие глаза, как у Хадсона. Очаровательная улыбка, та же ямочка на левой щеке. Но самое поразительное: жизнь обоим поломала смерть, такая преждевременная, такая загадочная.

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел тигр погулять…

На выходных мама повела нас в зоопарк. Больше всего мне понравились тигры. Один тигр прижался мордой к стеклу, я рассмеялся. Жаль,

что в вольер не попасть, я бы его погладил.

— Нет, тигра лучше не трогать, — сказала мама, тихонько цокнув.

— Почему это? — спросил я, уставившись на маму широко раскрытыми глазами. — Он очень похож на Декстера, а Декстера я гладить люблю.

— Что еще за Декстер? — удивилась мама.

— Кот Клиффа. — Клифф — наш сосед. Его кот иногда приходит к нам во двор и гуляет по лужайке.

— Ах, да, точно. Но Декстер — кот, — сказала мама, — а это тигр.

Я уставился в стекло, стоял так близко, что касался его кончиком носа. Тигр не спеша прокрался мимо и потянулся, прямо как Декстер. На правой ноге начал сползать носок, поначалу я решил, что это жук ползет. Я нагнулся и хотел смахнуть его, но жука не увидел — подтянул носок.

— Тигр классный, — восхитился я.

— Классный — не значит не опасный, — ответила мама. — По своей природе тигр хищник.

Энди оттолкнулась от стекла и отошла от вольера:

— Не хочу больше смотреть тигров! Я их боюсь, — она глядела на маму глазами, полными слез, нижняя губа тряслась. Сжала коленки вме-

сте, кружева на гольфах зашуршали, словно листва на ветру.

— Маленькая моя, не плачь. — Мама обняла ее, и они пошли в другую сторону.

Нехотя пошел за ними. Мы завернули за угол, тут сестра показала на обезьян и запищала:

— Пойдем туда!

Мне это не понравилось. На обезьян мы смотрели уже два раза. Почему бы не пойти к тиграм?

Энди повернулась ко мне и показала язык. Я злобно на нее посмотрел, и в этот миг в моей голове пронеслись мамины слова: «Классный — не значит не опасный».

Глава 2

Готовлю ужин, на стене висит календарь, напоминая, почему я попросила Хадсона приехать. И от этого напоминания мне дурно. Каждый день расписан. Отмечен каждый шаг, как бы чего не забыть. Весь холодильник увешан яркими стикерами — где я оставила ключи, сумку, во сколько выпить таблетки.

Но не всегда так было.

Началось все с малого. Вот хотела что-то сказать — раз и забыла. Не вспомнить больше. Потеряла ключи, спустя несколько часов нашла, но как их там оставила — не помню. Не туда клала вещи. Убирала в места, где их точно быть не должно. Пару раз забывала покормить Боуи.

Насколько все плохо, я поняла месяц назад.

Примерно в шесть вечера мне в ужасе позвонила Кендра:

— Ты еще дома? — спросила она, тяжело дыша.

Подогнув под себя ноги, я сидела на диване с бокалом вина.

— А где мне еще быть?

— Мам, ты серьезно? — в голосе проступило

негодование. — Мы же договорились: сегодня ты сидишь с Мейсоном.

— Неужели? — Поставив бокал на край стола, я слезла с дивана и быстрым шагом направилась на кухню.

— Да, у меня занятия, а Тео работает допоздна, — раздраженно сказала она, словно такое повторяется не раз. Но я об уговоре совсем не помню.

Останавливаюсь у настенного календаря. Кендра уговаривала меня освоить календарь в телефоне, но я предпочитаю по старинке. Мне нравится, что он висит напротив, его можно потрогать. Кендра наверняка ошиблась. Может, она просто забыла попросить. При взгляде на сегодняшний день, во рту пересохло.

«*Мейсон, 17:30*». Мой почерк.

— Вот же! — стукнула я себя по лбу. — Совсем забыла. Скоро буду!

Хорошо, что выпила всего один бокал вина.

— Не стоит, — раздался в трубке тяжелый вздох. — На занятия все равно уже опаздываю.

Попрощавшись, положила трубку; меня охватил ужас. Этим все не кончится. В списке разочарований Кендры теперь на один пункт больше. Когда ей нужно доказать свою правоту или про-

сто меня задеть, она все припоминает.

Можно с уверенностью сказать, что дочь на меня не похожа. Мы совсем разные. Но меня это не беспокоит. Кендра выросла настоящей женщиной, я горжусь ею. Хорошая жена, прекрасная мама чудесного малыша. Не говоря о том, что она параллельно ходит на курсы медсестер и учится ухаживать за больными.

Такая жизнь все-таки не по мне, но это не значит, что я не уважаю выбор дочери. Чего не скажешь о Кендре. Она меня не понимает.

Помню, что я так же не понимала свою мать. И кстати, мне кажется, что Кендра на нее очень похожа. Жаль, что мать потеряла рассудок раньше, чем Кендра успела с ней толком познакомиться. Когда у матери выявили раннюю стадию Альцгеймера, мне было за тридцать, ей — за пятьдесят.

Никогда не забуду, как она впервые спросила, кто я. О болезни я знала, но на тот момент она лишь теряла вещи и не запоминала, где их оставила, спрашивала, где она и как сюда попала, заходила в комнату и не помнила, зачем пришла. Людей она все еще узнавала. По крайней мере самых близких. Как-то я пришла проведать родителей, с весенним букетом в руках, в нем были фиолетовые и розовые цветы, — мамины

любимые. Я сказала: «Привет», протянула букет и поцеловала ее холодную щеку. Она, поджав губы, отпрянула и вытаращила на меня глаза, полные ужаса.

— Кто вы?

— Мама, я Валери, — не растерявшись, ответила я, — твоя дочь.

Похоже, мой ответ еще больше сбил ее с толку.

У меня перехватило дыхание, словно я нырнула в ледяную воду. Душа ушла в пятки.

Болезнь превратила мою умную, дееспособную маму в сбитого с толку ребенка. И это необратимо. Вот почему я отказываюсь ходить к врачу, несмотря на все уговоры Кендры. Я знаю, что это, и я знаю, что со мной будет. Лечения нет, не изобрели еще волшебной пилюли.

Оторвавшись от календаря, повернулась и заглянула в духовку — там лазанья. Жар ударил в лицо, по кухне разнесся аромат сыра и томатной пасты. Когда Хадсон был помладше, он обожал лазанью. Надеюсь, ничего не поменялось.

Он просидел в комнате весь день. Слышно было, как шумит телевизор — где-то в глубине души я пожалела, что поставила его туда.

Хотелось пообщаться с Хадсоном. Последние дни я так переживала, что он приедет, что нако-

нец в доме появится еще кто-то. А вместе с ним шум. Суматоха. Беспокойство.

Даррен умер, и с тех пор тишина для меня невыносима. Я просыпаюсь по утрам и все еще надеюсь уловить в воздухе запах кофе, услышать, как он тихонько возится на первом этаже. Прошло пять лет, а к тишине никак не привыкну. Вот поэтому я и завела Боуи, коричневого лабрадора. Последние годы этот дружелюбный пес стал моим лучшим другом. Благодаря ему я сохранила здравый ум.

Никогда не думала, что нуждаюсь в общении. Я всегда гордилась своей независимостью.

Но постоянная тишина, особенно по ночам, будит во мне жуткие воспоминания.

Скорая помощь. Носилки, накрытое безжизненное тело.

Не знаю почему, но когда Боуи по ночам лежит рядом и я чувствую его тепло, воспоминания не так сильно меня мучают. Голоса в голове становятся тише.

Из серванта достала несколько тарелок с цветочным узором по краям — достались по наследству от бабушки. Давно не брала их в руки. Поставила тарелки на большой обеденный стол и хорошенько подумала. Стол рассчитан на вось-

мерых. Так сложилось, что в столовой мы ели только по семейным праздникам или когда собирались компанией. Для меня и Хадсона слишком торжественно.

Быстро взяла тарелки и, вернувшись на кухню, расставила их на столике. *Так-то лучше.*

Вытащила из духовки лазанью, открыла бутылку вина и поставила ее в центр стола. Положила на тарелку несколько кусочков хлеба. Заправила салат. Все готово — быстрым шагом поднимаюсь на второй этаж, иду по коридору к комнате Хадсона. Стучу несколько раз, он открывает.

— Ужин готов, — говорю я и думаю, что некогда воспринимала эту простую фразу как должное. Обязанность, которая меня, пожалуй, даже тяготила. Каждый день от меня требовали материнского тепла, семейного уюта. Но сегодня приглашение к столу разлилось во мне сладким сиропом.

— Иду, — кивнул Хадсон: волосы взъерошены, на щеке след от подушки. Вот он, мальчик которого я помню: заспанный взгляд, зевок. В эту секунду показалось, что он никуда не уезжал, словно мы перенеслись в прошлое.

Будь это возможно, я бы все изменила. Не совершала бы тех ошибок. И начала бы я с того дня,

когда вышел первый альбом «Полета сердец».

Альбома я ждала много лет, чувствовала: это будет лучший день в моей жизни. В группе я начала петь, когда Хадсону было пять, а Кендре — семь. Тогда я зарабатывала деньги тем, что мы выступали по выходным и праздникам. Мы исполняли джаз-фьюжн, но с музыкальным направлением определились не сразу. Гитарист Мак, тяготеющий скорее к року, основал группу вместе с другом детства Кевином, клавишником и саксофонистом. Кевин познакомил Мака со своим другом Тони, барабанщиком. Примерно в то же время, что и я, к группе присоединился басист по имени Рик. Мы оба откликнулись на объявление и прошли прослушивание. Только когда меня поставили на вокал, группа обрела уникальное звучание. Мак считал, что во мне есть что-то от Джони Митчелл[2]. Потом я стала на клавишные: Кевин теперь мог играть только на саксофоне.

Чем больше мы выступали, тем шире становилась у нас аудитория. Мы давали концерты по всему городу и вскоре поехали в первый успешный тур. Именно после него мы и записали свой

---

[2] Примечания: 2
Джони Митчелл — канадская певица и автор песен.

первый альбом.

Выход альбома отмечали в баре «Таверна полной луны», им владела моя подруга Сюзанна. Место, где состоялся наш самый первый концерт. Даррен задерживался на работе, он позвонил и сказал, что опоздает. Работал в государственных органах, и недавно его повысили до управленца. Как это ни странно, но я не разозлилась. Можно спокойно пообщаться с ребятами из группы, не думая о том, как лучше представить им Даррена.

Я надела красное облегающее платье, леопардовые туфли, сделала прическу. Детей мы, как всегда, решили оставить с девочкой-подростком Эшли. И, как всегда, Эшли опаздывала. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, я стояла у окна и выглядывала ее. Меня ожидал главный вечер в жизни, а тут заминка. Ребята, должно быть, уже собрались в «Таверне» и опрокинули первые стаканы.

Тяжело вздохнув, я отошла от окна и поспешила на второй этаж. Кендра была в своей комнате: лежа на кровати с учебником по математике, считала на калькуляторе и делала пометки в блокноте. В ее возрасте я была совсем другой. Не такой ответственной. Прислонившись к дверному проему, засмотрелась на нее.

Оторвавшись от уроков, она подняла голову и взглянула с удивлением:

— Что?

— Эшли еще не пришла, а я опаздываю.

— Тогда поспеши. — И Кендра снова принялась считать, словно наш разговор ей наскучил.

В надежде услышать стук в дверь, я раздумывала, как поступить. Даррен убьет меня, если дети останутся одни. Но он даже не узнает. Уверена, с минуты на минуту появится Эшли. Я уйду, и она тут же появится. Хотя Кендре всего одиннадцать, она намного больше развита, чем ее сверстники, которых я знаю. К тому же она целый день присматривает за Хадсоном. Пока живу в своем собственном мире: я играю на фортепиано, сочиняю песни или пою.

Приняв решение, отталкиваюсь от дверного косяка:

— Я пошла. Когда Эшли придет, скажи ей, что деньги на кухне: вдруг захотите пиццу.

— Ладно, — ответила она, не поднимая головы.

Подхожу к комнате Хадсона, дверь закрыта.

— Хадсон. — Я постучала, через пару секунд он открыл.

На его коже выступил пот, щеки красные. За ним на полу в ряд выставлены фигурки.

— Почему не за уроками?

— Уже сделал.

Не уверена, что обманывает. Даррен наверняка бы проверил, но сейчас у меня нет времени. Поэтому я просто вытянула руки:

— Давай обнимемся, и я пойду.

Хадсон замер, скосил глаза в коридор:

— Эшли уже пришла?

— Нет еще, но скоро будет.

— Ты что, оставишь нас одних? — запищал он голосом, слишком высоким для своих девяти лет.

— Эшли сейчас придет, — ответила я, потрепав его по голове.

— Почему ты ее не подождешь?

— Я бы с радостью, но мне бежать надо.

Он крепко обнял, будто не желая отпускать.

— Ну все, хватит, — я отцепила его руки. — Очень люблю тебя, но мне пора.

— Подожди, — крикнул он, когда я подошла к лестнице.

— Что? — резко и слишком грубо спросила я.

Хадсон опустил взгляд, теребя в руках пуговицу от рубашки.

— Ничего, — пробормотал он.

Пожалев, что сорвалась, я вздохнула. Но вперe-

ди меня ждал лучший вечер в жизни. *Мой* вечер. И я хочу на него попасть! Что в этом плохого? Да, Хадсон не такой самостоятельный, как его сестра. По ночам ему бывает страшно, и я знаю: если нас с Дарреном вечером нет дома, он это тяжело переносит. Ну и что, все в детстве через это проходят. Справится.

— Я скоро приду. Хорошо? — Не дожидаясь ответа, быстро спускаюсь и выхожу на улицу через переднюю дверь.

В «Таверне» Сюзанны из колонок играет наш альбом. А ее муж Джерри, он же бармен, поджидает меня с моим любимым напитком — яблочным мартини. Я пила уже второй бокал, когда наконец появился Даррен.

Наслаждаясь вечером, я и не думала взглянуть на телефон, что лежал на дне сумочки. Достань его, я бы увидела сообщение от Эшли: по пути к нам она попала в аварию и приехать не сможет. Но был звонок еще важнее — пропущенный от Хадсона: он звонил сказать, что жутко напуган и умоляет меня вернуться.

Зазвонил телефон Даррена, он ответил, но это были не дети, а полиция. Кто-то пробрался в дом. Пока я, позабыв о детях, пила и веселилась, они, напуганные до жути, были дома совсем одни и

прятались от грабителя.

Когда мы вернулись домой, Кендра стояла в гостиной и спокойно, прямо как взрослая, отвечала на вопросы полицейского. Хадсон прятался на втором этаже, под своей кроватью, дрожал как осиновый лист, оторванный порывом ветра.

Почти ничего не украли, лишь пару моих украшений и телевизор. Полиция нашла какие-то отпечатки пальцев, но в базе их не было и преступника не нашли. Страховка покрыла ущерб; сломанное починили, купили новый телевизор.

С того момента Хадсон стал еще более тревожным: беспокойным и нервным, боялся оставаться дома один, вздрагивал от малейшего шороха. С той ночи он стал другим.

Изменились и наши отношения.

— Я приготовила лазанью, — мы шли с ним по коридору. Стены увешаны семейными фотографиями. Наша с Дарреном свадьба. Хадсон и Кендра, тут совсем малыши, а тут уже взрослые. Мы вчетвером в одинаковых свитерах. На моей любимой — мы в белых рубашках и темных джинсах стоим посреди поля. Помню, в тот день, Кендра капризничала из-за своей неудавшейся прически, а Хадсон над ней подтрунивал. Незадолго до того, как была сделана фотография, я на

них рявкнула. Но по фото этого не понять: так широко мы улыбаемся и так крепко обнимаем друг друга.

Идеальная семья.

Глава 3

— Раньше ты обожал лазанью, — продолжала я, когда мы шли по лестнице. — Ничего не изменилось?

— Ага, — пожал он плечами, на лице никаких эмоций. — Лазанья — это хорошо.

Спустившись, услышала звяканье жетона на ошейнике Боуи и стук его острых когтей по деревянному полу. Я повернулась. Мчится к нам, уши развеваются.

— Привет, малыш. — Погладила его по голове. Шерсть жесткая, чуть пахнет травой. — Это Боуи. Хадсон, помнишь?

— Помню, — ответил он, не выразив никакого желания пообщаться с псом.

Боуи, виляя хвостом, подошел к нему, но Хадсон, плотно сжав руки, сделал шаг назад. Испугался?

И тут я вспомнила. Барбекю у соседей, дети еще маленькие, лето, мы только переехали. У Питера и Карен Грейнджеров, что живут через два дома от нас, стоял бассейн, дети плескались в нем целый день. К вечеру они наконец вылезли и, закутавшись в полотенца, ели фруктовый лед

— все мордашки перепачканы разноцветным сиропом. Мы смеялись, я и Лесли, моя соседка и на тот момент лучшая подруга. Я потягивала пиво и жевала чипсы с соусом, как вдруг услышала громкий лай, затем глухое рычание. Оглянувшись, увидела собаку Грейнджеров, а в ее пасти — лицо мальчика. Хадсон был совсем рядом, он с ужасом на это смотрел.

— Боуи, нельзя! На место, — закричала я.

Пес ушел. Я перевела взгляд на сына.

— Кхм… — прокашлялась я. Почему так переживаю? Не понимаю, что говорить и как вести себя. Мои проблемы с памятью здесь ни при чем. Все, что связано с Хадсоном, я отлично помню. Просто сын вырос, отсюда все неудобство. Стал мужчиной, которого я почти не знаю. Последние пять лет мы почти не общались. За целый год перекинулись парой-тройкой слов, и то когда было нужно Хадсону. Его номер у меня есть, но когда набираю, абонент почти всегда недоступен — заблокирован из-за нехватки средств или еще почему-то. Месяц назад он мне позвонил и рассказал, что его бросила девушка, выставила за дверь. И тут же предупредил, что теперь позвонит не скоро. Не зная, чем помочь, предложила несколько месяцев оплачивать ему телефон. Я

чувствовала себя все хуже — не хотелось, чтобы наша с ним связь прервалась. Рада, что хоть как-то помогла, иначе вряд ли бы он сегодня приехал.

Мы подошли к столу, и вдруг поняла: а я ведь даже не знаю, пьет ли сын вино. На всякий случай взяла бутылку, предложила налить.

— С удовольствием, — ответил он.

Энтузиазма в голосе не услышала, но я рада, что он не отказался. Из напитков в доме больше ничего нет. Даррен любил крепкий алкоголь: виски, джин, еще порой мог порадовать себя пивом, я же пью только вино, да и то нечасто.

Раньше я пила почти ежедневно и больше всего любила коктейли, но когда Даррену, крепко подсевшему на алкоголь, поставили рак печени, я завязала. Лишь недавно стала позволять себе иногда выпить. Так я себя успокаиваю.

Из морозильной камеры достала лед. Загудел холодильник. Налила каждому по полбокала вина темно-бордового цвета. Похоже, нам обоим не помешает выпить. Надеюсь, чувство неловкости пройдет.

Я села; скрипнул стул. Хадсон уселся напротив и сделал глоток вина. За раз он осушил почти весь бокал, это напомнило мне времена, когда он

был маленький. В считанные секунды он залпом выпивал стакан апельсинового сока и за пару укусов съедал целый сэндвич.

Откинувшись на спинку, я попробовала вино. Во рту остались терпкие нотки.

— Не стоило заморачиваться, — сказал Хадсон. — Я бы мог что-нибудь заказать.

Его слова прозвучали грубо, но я знаю, он не хотел меня задеть. Будь на его месте Кендра, это точно был бы укол в мою сторону: она бы припомнила мне все те блюда, что я не приготовила им в детстве. Уверена, Хадсон просто за меня волнуется.

— Не переживай. Мне в радость накрыть на стол, — ответила я, а потом, подмигнув, добавила: — А то забуду еще, как это делать.

Сказав так, разнервничалась: неподходящая шутка. Глупая.

Но впервые за все время Хадсон рассмеялся. И я тоже, на душе стало спокойно. Не припомню, когда в последний раз по-настоящему смеялась. Вот почему я так ждала сына. Он всегда приносит радость. Беззаботность. Он любит шутить и над всеми подтрунивать.

Мы ели лазанью, пили вино, а я в это время думала, о чем поговорить. В голове кружились,

словно в парке аттракционов, десятки вопросов.

Что произошло между тобой и твоей бывшей?

Где ты был, когда расстались?

Кем работаешь?

Слышно ли о повышении?

Чем думаешь заняться?

Но задать их не решаюсь. О его бывшей я знаю немного, лишь то, что ее зовут Наташа. А может, Наталия? Натали? Ну вот, даже этого не знаю. Помню, звонила ему, просила приехать, пыталась завести разговор о расставании, но тему он тут же закрыл. И работа, похоже, для него больной вопрос. Не стоит заводить неловкие разговоры за первым ужином. Не хочу давить на сына и устраивать допрос.

Так что ужинаем молча.

Первым доедает Хадсон. Я не наелась, но все же кладу вилку, снова наполняю бокалы и приглашаю сына пройти в гостиную.

— Давай уберу, — предлагает он, бросая взгляд на стол.

— Потом, сама справлюсь, — махнула я рукой и вышла из кухни.

Плюс одиночества в том, что могу делать все тогда, когда захочу. Даррен на дух не переносил беспорядок. Если в раковине посуда, то ее надо

помыть, если стол грязный — надо протереть. Все нужно делать сразу. Я же к этому отношусь спокойно.

Из всех комнат мне больше нравится гостиная. Не одно утро я просидела в кресле у окна, наслаждаясь рассветом с чашкой кофе в руках. За последние годы в гостиной появились старые, антикварные вещи; моя любимая — диван с изогнутыми подлокотниками, обитый синим бархатом; я купила его год назад на распродаже в центре города.

Даррену бы мои перестановки уж точно не понравились.

— Что это? — подойдя к роялю в углу комнаты, спросил Хадсон. Он осмотрел коробку и папки с файлами, которые громоздились на крышке, в воздух поднялась пыль — постоянно там собирается.

— Это? — Я подошла к роялю, поставила бокал и взяла папку. — Всякое о нашем доме.

— Что за «всякое»? — Хадсон достал из коробки пару газетных вырезок.

— История дома.

— Все они о смерти Грейс Ньютон, — заметил он.

— Да, я пыталась узнать что-нибудь новое.

— Удалось?

— Честно говоря, нет. Лишь то, что полиция сначала подозревала отца, потом мать. Кто-то даже обвинял старшего брата. Но в итоге установили: несчастный случай. Ну, ты знаешь.

На лбу Хадсона выступили волнистые линии морщин:

— Почему тебя это так волнует?

Такой же вопрос мне задавала и Кендра. «Стремно, что ты решила жить в этом доме. Что за нездоровый интерес к этой жуткой истории?» — спрашивала она из года в год, только вопрос формулировала по-разному.

Я пожала плечами:

— Это мой дом. Мне интересна его история. И притом я пять лет живу тут на пару с Грейс. Должна же я знать о ней все, — в шутку сказала я и подмигнула.

Хадсон даже не улыбнулся, выражение лица стало еще более неопределенным.

Добродушно поддела его плечом:

— Ты чего. Я же шучу. — Я открыла папку. — Посмотри, я изучила родословную, и мне удалось определить первых владельцев дома. Всегда думала, что это родители Грейс, а оказалось, бабушка и дедушка, они построили его в 1910 году.

Потом дом по наследству достался родителям, следом — их детям. Интересно же!

— Наверно. — Хадсон положил статьи обратно в коробку, взял бокал и, сев на диван, отпил вино.

— Вот мне интересно! — Нахмурившись, я закрыла папку, из-за его безразличия почувствовав себя глупо.

— Да нет, мне тоже интересно, — возразил он, хотя по голосу так не скажешь. — Просто я удивился. Думал, может, в коробке новые песни…

— Шутишь? — Я села на диван рядом с сыном. — Нет, я не сочиняю.

— Совсем забросила музыку?

— Да, не до нее.

— Почему?

Молча думала, что ответить, водила по зубам языком. Не представляю, насколько Хадсон в курсе того, что происходило. Дети понимают намного больше, чем мы думаем. Когда группа распалась, он был уже подростком. Но в то время он с головой погрузился в собственную драму, имя которой Хезер. Вдобавок его отцу поставили диагноз.

Меньше знает — крепче спит.

Поэтому я не стала углубляться, бросив:

— Не будем об этом сейчас.

— А мне кажется, самое время, — Хадсон издал странный звук, похожий на усмешку.

— Неужели? — ошеломленно спросила я.

— Да. В смысле у тебя сейчас полно свободного времени.

Провожу пальцами по ножке бокала, кожа цепляется за малюсенький скол. Появляется небольшая капля крови. Вытираю ее.

— Ошибаешься. Ты даже не представляешь, что у меня происходит. Тебя рядом не было.

— И тебя тоже. Все наше детство.

— Ну знаешь ли! — Подобного упрека я ожидала от Кендры, но никак не от Хадсона. — Я работала. И одних вас никто не оставлял. С вами сидел отец.

— Хах, — он усмехнулся. — Отец…

Моя мать всегда говорила: «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

Я понимаю, на что он намекает, но у меня нет настроения заводить разговор об отце. Тем более что мы уже говорим на повышенных тонах. Меня и раньше обвиняли, мол, проводишь время не с семьей. Такие упреки чаще всего слышала от всяких мамочек.

«Она постоянно где-то пропадает», — перешептывались они у школы или продуктового

магазина достаточно громко, чтобы я услышала.

«Бедняжка Даррен, он все делает для детей!»

Неправда. Да и что с того? Даррен их отец. Делай он для детей всё, что в этом такого? Тем более он сам так мечтал стать отцом.

Все эти годы на оскорбления я не отвечала, но терпению пришел конец.

— Я не буду извиняться за то, что шла к своей мечте, — огрызнулась я. — Но тебе меня не понять.

Его губы дернулись. Бровь поднялась, вена на лбу запульсировала.

— Прости, — сказала я. Жаль, слова не вернуть обратно.

«Валери, тебя все время заносит. Сыпешь соль на больную рану» — так, помню, отвечал Даррен. И хмурился.

Вообще-то Хадсон прекрасно меня понимал. Раньше у него была мечта. Он очень хотел стать профессиональным бейсболистом. Как и я, он делал для этого все возможное, и выходило неплохо. Даррен осторожно советовал выбрать что-нибудь более практичное, но я упрекала его за неверие в сына. Мои родители точно так же не верили в мою мечту стать профессиональной певицей. Годами я просила, чтобы на Рождество мне пода-

рили уроки по вокалу или игры на фортепиано. Но просьбы не были услышаны.

Представьте себе, я начала копить деньги, что мне дарили на Рождество и дни рождения, и в десять лет купила свой первый синтезатор. Дальше я сама разучила аккорды. А в старших классах устроилась на работу в пиццерию, заработанных денег хватало на частные уроки. Родители твердили, что моя мечта глупа, что следует спуститься с небес на землю. Отец хотел, чтобы я пошла в колледж или «школу красоты» (он так говорил, не я). Мама — чтобы вышла замуж за богатого мужчину. Но меня это не интересовало, я грезила о дне, когда смогу доказать свою правоту. Показать, что мечта моя не глупая. Что музыкой заниматься стоит. Но когда вышел первый альбом «Полета сердец», мама ничего не помнила. Отец был еще жив, но мой успех он так и не признал. Думаю, до последних дней считал, что я выбрала не тот жизненный путь.

Именно поэтому я не могла допустить, чтобы сын потерял мечту. Поддерживала его как могла: оплачивала частные уроки, возила на тренировки. Но случилось то, что случилось. В старшей школе, после всего того ужаса, его жизнь сломалась, и от мечты он отказался.

Конечно, он ни в чем не виноват. Мне жаль, что наговорила лишнего.

— Пойду, наверно, спать, — сказал он, вставая с дивана.

— Стой, подожди. — Я тоже встала и взглянула на остатки красного в бокале. — Допей хотя бы.

— Ладно. — Он залпом осушил до дна. — Бокал оставлю в раковине, — он торопливо вышел из гостиной.

Со вздохом снова села на диван и допила вино. Бокал пуст — тишина, не считая сопения Боуи, размеренного тиканья часов и скрипа половиц под моими шагами. В этом доме бессмысленно ходить на цыпочках. Пол скрипит, скрежещет, как кости старухи. Честно говоря, когда дети были маленькие, меня это бесило: только уложишь их спать, выйдешь из комнаты, заскрипит половица — и они просыпаются.

Теперь же этот шум меня успокаивает. Привычная симфония. Саундтрек моей жизни.

Хотя в этом саундтреке есть и минорные ноты. Когда мы с Яном осматривали дом, снаружи на двери в комнату Хадсона я заметила крючок и петлю (зачем от тут? тем более снаружи), но решила Даррену не говорить. Только мы въехали в дом, я сразу же их сняла. Но крючок никак не

выходил из моей головы.

Кого там запирали?

И главное — почему?

В первые ночи, проведенные в этом доме, мне снилась девочка, запертая в комнате, она стучала и звала на помощь. В своих кошмарах я слышала, как она кричит; порой казалось, что это все наяву.

Когда дети разъехались, а Даррена не стало, я решила сделать ремонт на свой вкус — тогда-то я и заметила в доме другие странности. На чердаке на стенах были выцарапаны слова, почерк детский. Надпись не разобрать, прочла только два слова: «ПОМОГИТЕ» и «ЗЛО». Еще на двери детской гардеробной с внутренней стороны были следы, будто там кого-то закрыли и он пытался выбраться наружу.

Именно тогда зародилось мое непреодолимое желание изучить историю дома.

Бокал из-под вина отнесла на кухню и ополоснула в раковине. Убрала со стола: лазанью сложила в контейнер, а остатки салата и зачерствевший хлеб выбросила. Тарелки замочила в раковине — завтра помою. Вытерла руки и закрыла боковую дверь. На пути к выключателю замечаю в окне напротив движение.

В доме за окном через дорогу стоит темная фигура, уставилась прямо на меня.

Лесли.

Она меня видит, сомнения нет, но даже не пытается отойти, укрыться от моего взгляда. Стоит как вкопанная, смотрит на меня, сзади горит лампа. Я тоже не отвожу взгляд. Кто сдастся первой?

Подходит к окну еще ближе. Мне страшно.

Трясясь всем телом, быстро закрываю окно — теперь меня не видно. Хоть жалюзи и опущены, она все равно стоит у меня перед глазами — никак не забыть темный силуэт: прическа до плеч, стройная фигура. Хватаюсь за столешницу и делаю глубокий вдох.

Через пару секунд раздвигаю жалюзи, сердце бешено стучит. Ушла. Там, где она стояла, шторы задернуты.

Под окном — дивные цветы, украшают все крыльцо и передний двор. Лесли всегда умела ухаживать за растениями. Пятнадцать лет назад, когда она только-только переехала, я смотрела, как она наводит перед домом порядок, сажает и подрезает цветы. Даррен уговаривал меня познакомиться, и где-то через неделю я неспешно пошла к ней в дом напротив, заранее купив подарок — сиреневый ирис.

Знала бы я тогда, что спустя пять лет, буду стоять на этом же самом месте и смотреть, как обезумевшая Лесли вырывает из земли мой ирис, разрывает его на кусочки и разбрасывает по лужайке яркие лепестки.

Запереть его забыли.

Раз, два, три, четыре, пять.

Смотрю на свою ошпаренную руку и морщусь: ярко-красный ожог, волдыри. Хоть мама и намазала рану всеми возможными мазями, боль не стихает. Пульсирует, словно сердце в груди. Лежу в кровати, долго, очень долго. Не могу уснуть, болит.

Это не случайность, я знаю.

Но мне никак не доказать.

Все произошло тем же вечером, мы с сестрой готовили ужин. Запеканку из тунца с яичной лапшой. Лапша сварилась, Энди попросила, пока будет сливать воду, подержать дуршлаг в раковине. Я не хотел, отнекивался, но она заставила.

— Если лапша упадет в раковину, она отправится по трубам. Ты этого хочешь? Что, струсил? — подначивала она.

Я покачал головой и, рассматривая под ногами клеточки линолеума, нехотя пошел к ней. Стал у

раковины, взялся за ручку дуршлага.

Кипятком мне ошпарило кисть, и, взвизгнув, я отскочил назад.

— Ой, прости, — пожала плечами Энди.

Сжав руку, которая уже наливалась краснотой, я уставился на сестру.

На кухню влетел отец.

— Я не специально, — прохныкала Энди. — Я не хотела.

— Конечно не специально, — ответил отец, рассматривая ошпаренную кисть, на мои глазах выступили слезы. — Надо ее под холодную воду, ага?

Пока отец включал воду, я все смотрел на сестру. Она улыбалась.

Глава 4

Утро, Хадсона нет.

Дверь в его комнату открыта, внутри пусто. В груди что-то упало. Захожу. Все совсем не так, не как в детстве. Раньше стены были увешаны постерами с бейсболистами, а на полках — награды. Кровать застелена ярким зелено-желтым одеялом с эмблемой спортивного клуба. Теперь одеяло серое, и подушки на нем темно-серые. На стенах картины, что я годами собирала по антикварным выставкам и гаражным распродажам. Краски яркие, абстракционизм. Интересно, оценил ли их Хадсон?

Мои мысли перескакивают на вчерашнюю ссору.

«Но тебе меня не понять».

И зачем нагрубила? Зачем бросила в лицо гадкую неправду? Если б держала рот на замке…

За кроватью замечаю ремешок. Подхожу и вижу спортивную сумку. С облегчением выдыхаю. Слава богу, он не уехал. И как я могла такое подумать?

Куда же он делся?

Это я ему протянула руку помощи, хотя и сказала Кендре, что все наоборот.

— Ты живешь совсем одна, я переживаю, — сказала она спустя пару дней, как я забыла приехать к внуку. Ее вдруг осенило, она вытаращила глаза: — Слушай, а как насчет пожить у нас некоторое…?

Не успела договорить, как я уже закачала головой:

— Ни за что!

Она нахмурилась.

— Прости, — пробормотала я, почувствовав, что ответила слишком грубо. — Кендра, я ведь пока не дряхлая старуха. Мне нет и шестидесяти.

— Мама, дело не в возрасте, и ты прекрасно это знаешь, — вздохнула она.

— Дом я не оставлю, к тому же не хочу быть обузой.

— Но кто-то должен за тобой присматривать.

— Сама справляюсь, — ответила я.

— Я лишь хочу, чтобы рядом с тобой кто-то был. Ты знаешь, я сама бы с радостью, но не могу. О Хадсоне я даже не говорю, рассчитывать на него бесполезно.

— Если попрошу, он приедет, — возразила я.

— Ну да, конечно, — усмехнулась Кендра.

Я не говорила ей, что девушка Хадсона выставила его из дома. Насколько знаю, дети между собой общаются очень редко. Так, созваниваются на праздники и дни рождения. Кендра даже не догадывается: не позови я Хадсона к себе, он остался бы на улице.

Выйдя из комнаты, я пошла в свою. Сквозь открытые окна проник солнечный свет — воздух уже нагрелся. Обычно я просыпаюсь до рассвета. Но этой ночью спала плохо. Все время вертелась в кровати; не могла успокоиться из-за Лесли в окне. Засыпала, просыпалась, помню какие-то обрывки снов: Лесли плачет, по щекам течет тушь. Тычет на меня пальцем. Сыпет обвинениями. Руки по локоть в засохшей грязи, листва прилипла к ладоням, земля под ногтями…

Мне нравится гулять рано утром, когда небо еще темное, а воздух прохладный. В эти часы в квартале все спят. Никаких любопытных глаз. Никаких перешептываний. Предрассветный воздух свеж, трава покрыта росой, слышен только щебет птиц да редкий лай собаки, мимо проезжает одна-две машины, у кого-то на газоне шумит разбрызгиватель.

Сейчас, похоже, все проснулись. Нехотя, но все-таки переоделась в спортивный костюм и

кроссовки. В журналах вычитала, что физическое и психическое здоровье между собой тесно связаны, так что уверена: утренние прогулки помогут мне сохранить память. Но дело не только в этом. Не буду выгуливать Боуи, он с ума сойдет.

Только я сняла поводок с крючка, как пес уже у двери. Со смехом пристегиваю поводок к ошейнику.

Выхожу на улицу; Боуи, быстро сбежав по ступенькам, тянет меня за собой. Заметив припаркованную машину Хадсона, я останавливаюсь, поводок натянут. Оглядываюсь на дом: интересно, машина тут, а его самого нет. Боуи начинает тащить меня вперед, я — за ним.

Передний двор у Лесли пуст, вдоль забора ни машины — как хорошо! Обычно к этому времени, попивая кофе, она сидит на крыльце. Иногда одна, но чаще с другими соседками: Бет живет слева от Лесли, Шелли — в нескольких домах отсюда и Тесса, наши дома рядом. Эту троицу знаю с тех времен, когда мы с Лесли кутили вместе. В ту прекрасную пору я тоже с ними дружила, но ясно, что ближе им всегда была Лесли. Недавно я заметила несколько незнакомых мне женщин. Оказалось, что одна из них — новая владелица дома Уинтерсов. Откуда взялись остальные, не знаю. Как это

ни странно, но Шелли и новые гости работают, так что почти все время они приходят ненадолго. Бет в прошлом учительница, сейчас на пенсии, так что спешить ей некуда. Лесли, выйдя замуж, никогда не работала, но после развода с Джеймсом устроилась в какую-то компанию. Думаю, в страховую фирму. Но вот уже год я не вижу, чтобы она уходила на работу. Так что, наверное, она тоже вышла на пенсию. Мы с Боуи быстро прошли мимо, и я успокоилась. Через несколько домов встретила мальчонку, бегающего по улице, в пухленьких руках — фигурки супергероев, и мужчину, поливающего газон. Они тут новенькие. Не успела еще познакомиться. Взглянув на них с деланной улыбкой, я помахала рукой. Не хочется заводить разговор.

Раньше я дружила с соседями, но потом поняла, чем это может кончиться.

Мысленно возвращаюсь на пятнадцать лет назад к нашему первому разговору с Лесли, когда принесла ей ирис. В знак благодарности она пригласила меня на чай.

Помню, он был крепкий и ароматный — с мятой. Без сливок.

— А где ваша семья? — оглядываясь, спросила я. Стены голые, мебели почти нет, пол заставлен

коробками.

— Мой муж Джеймс и дочка Хезер пошли в магазин. Скоро должны вернуться.

— У вас только один ребенок?

Лесли кивнула:

— А у вас?

— Двое. Мальчик и девочка. Кендре — двенадцать, Хадсону — десять.

— Хезер тоже десять.

— Надо бы их познакомить, — предложила я, в тот миг идея показалась мне хорошей.

Одна подружка — Хадсону, одна — мне.

Какое-то время так оно и было.

Боуи остановился, и я знаю зачем. Брезгливо морщюсь. Моя самая нелюбимая часть прогулки, это точно. Убираю, и мы идем дальше.

Наша улица мне очень нравится, здесь все дома не похожи друг на друга. Их построили в начале двадцатого века, а потом не раз переделывали. Взять хотя бы дом, что справа стоит по соседству с Лесли. В нем живут Рамосы. Раньше на улице это был самый маленький дом — всего один этаж. Наша с Дарреном первая квартира была и то больше. Но пять лет назад они пристроили второй этаж, в современном стиле, дополнили его балконом и большими панорамными окна-

ми. На сегодняшний день самый маленький дом на улице — дом Лесли, он же и в самом плохом состоянии: светло-бежевая краска облупилась, темно-коричневая облицовка ужасает.

На следующем перекрестке поворачиваем направо. Пойди мы налево, вышли бы на главную улицу, а там — рестораны и магазины. Но мы пошли в другую сторону, тут еще больше домов. Над дорогой нависают деревья, на самом верху их ветки переплетаются, словно пальцы рук, что тянутся друг к другу. Боуи обнюхивает лужи, грязь, лает на зашевелившийся куст. Наверное, ящерица проскочила или птица пролетела.

Дергаю за поводок, идем по тротуару дальше. Со свистом мимо нас проносятся два велосипедиста. Убрав пряди волос с лица, ускоряю шаг, — пытаюсь поспеть за Боуи. На лопатках выступает пот, стекает каплями вниз по спине. Обычно когда мы гуляем, на улице не так жарко; я еще раз пожалела, что не проснулась раньше. Каждый сентябрь удивляюсь, как же поздно осень приходит к нам в Сакраменто.

Проходим мимо домов в викторианском и колониальном стиле, их украшают широкие, удивляющие своей красотой лестницы и просторные веранды. Идем по кварталу, который

намного красивее нашего. По левую руку — один из моих самых любимых домов в этой части города: с полукруглыми окнами и дымоходом — словно из сказки.

Возвращаемся к перекрестку и идем домой.

Завернув на свою улицу, замечаю Лесли: стоит на тротуаре перед домом и говорит с мужчиной, похоже, он был на пробежке. На нем короткие шорты, мокрая от пота футболка и кроссовки.

Он поворачивает голову, и я понимаю, что это Хадсон.

С шага перехожу на бег.

— …посмел вернуться! — в ее словах желчь, вот-вот закричит. Вижу Бет, выглядывающую из окна. Ничего удивительного. Уверена, другие соседи тоже наслаждаются сценой.

Не слышу, что ответил Хадсон, но он точно что-то ответил: повисла небольшая пауза, а Лесли заорала:

— Никто не хочет тебя здесь видеть!

Тяжело дыша, подбегаю к ним, сердце вот-вот остановится. Несмотря на пересохшее горло и жуткую одышку, с трудом произношу:

— Я. Я хочу его здесь видеть.

Лесли резко ко мне поворачивается.

Сделав глубокий вдох, продолжаю:

— Он мой сын. Ему тут всегда рады.

— Но не после того, что он сделал с Хезер.

— Я не виноват, — спокойно сказал Хадсон и попытался поймать взгляд Лесли, но она не смотрела на него. Все ее внимание было приковано ко мне.

— Я знаю, что это твоих рук дело, — без каких-либо эмоций ответила она.

Свободной рукой я схватила сына под локоть и повела домой:

— Пойдем, нечего тут делать.

Эти обвинения слышим от нее уже не первый год.

Тошно от них.

— Поверьте мне, — обернувшись к Лесли, умоляет Хадсон, я тащу его домой. — Клянусь, я не виноват.

— Перестань, — успокаиваю я его, Лесли не переубедить, проверено. Собственные домыслы для нее превыше всего, она никого не слушает. Ненависть к нам засела в ней слишком глубоко.

— Ты врешь! — закричала она нам вслед. — Уж я постараюсь, чтобы каждый в квартале знал, на что ты способен! Всем докажу, что ты за монстр.

Я почувствовала, как напряглась рука Хадсона.

— Не обращай внимания, — сквозь зубы сказа-

ла я, поднимаясь в дом. — Это лишь слова. Ничего она тебе не сделает. Пойдем домой, я завтрак приготовлю.

— Хорошо. — Он провел по потному лбу тыльной стороной ладони.

— С пробежки? — спросила я, открывая входную дверь.

Не знала, что он бегает по утрам. В детстве за ним такого не водилось.

— Ну да, начал пару лет назад.

Заходя в дом, он задел ногой горшок с суккулентами, что стоит на веранде.

— Как тут много горшков.

— Можно сказать, мое хобби.

— Покупать цветы? — удивленно спросил он.

— Делать из них композиции.

Я всегда была творческой натурой. Раньше самовыражалась через музыку, но бросив ее, начала искать другое занятие для души. Какое-то время вместе со своей лучшей подружкой Сюзанной ходила на занятия танцами. Потом узнала про студию искусств в том же центре. Я пыталась уговорить Сюзанну составить мне компанию, но ей некогда. И где-то год назад с удивлением поняла, что у меня неплохо выходят композиции из суккулентов. Обычно с растениями я не дружу,

но за суккулентами ухаживать проще.

Зайдя в дом, отстегнула поводок Боуи.

— Я тут подумала, может, на ужин что-нибудь закажем? Как насчет «Сьюзи бургерс»? — Его любимое место.

— Вообще-то я думал сегодня посидеть с ребятами. — Тыльной стороной ладони он вытер пот со лба и пошел на кухню. Я пошла следом.

— Какими такими ребятами? — Слишком уж быстро он завел новых друзей.

— Браунинг, Грифф и Зверь. — Достал из холодильника бутылку воды, открывает.

Стою соображаю. Джаред Браунинг, Марк Гриффин и Адам Стетсон. Друзья детства; эти прозвища они получили, когда играли в бейсбол. Хадсон познакомился с ними подростком.

— Думала, они разъехались, — задумчиво произнесла я.

— Не-а. — Он сделал глоток.

Вода попала на бороду, и мне вдруг подумалось: как же, наверно, жарко бегать с такой штуковиной на лице. Знаю, это сейчас модно. Если что, я еще не отстала от жизни. В городе постоянно вижу ребят с бородищами, одетых в обтягивающие джинсы, длинные футболки, а на лице — очки в толстой черной оправе. Сюзанна говорит, что

молодежь, которая у них работает, называет таких хипстерами. Даже муж Кендры Тео носит бороду, только она у него небольшая, аккуратно подстриженная. Хадсону тоже не помешало бы побриться, а то лица совсем не видно.

— Браунинг живет совсем рядом. Где-то год он провел с родителями в Орегоне, но потом вернулся. Говорит, слишком дождливо. Стетсон и Гриффин живут от нас в получасе езды.

— И куда вы собираетесь? — Я облокотилась на столешницу.

— Еще не решили. Может, посидим в баре или клубе. И кстати, Браунинг говорил о работе, вдруг что подвернется.

— Что за работа?

— Его дядя подрядчик, ищет себе помощника.

Он выкинул бутылку и, проходя мимо, коснулся рукой моего плеча.

— Все, пойду в душ.

Хадсон сказал, что встречается с ребятами, и я погрузилась в дежавю.

— Мам, — в трубке раздался короткий вздох. Связь плохая, шумит. — Приезжай быстрее. Кое-что произошло.

— Что-то серьезное? — Я села на кровать, сердце ушло в пятки. Рядом повернулся Даррен и

включил на тумбочке лампу. Яркий свет ослепил меня.

— Очень серьезное, — его голос дрожал, со мной будто говорил ребенок, а не взрослый подросток. — Мама, мне страшно. Похоже, я влип. Приезжай.

Я вспомнила ту ночь, когда мы отмечали первый альбом. Как оставила его дома одного, а потом не отвечала на звонки, хотя он был ужасно напуган и не знал, что делать. Как и в прошлый раз, он позвонил мне, но теперь я ответила, он не попросит дать трубку отцу. Вот он шанс все исправить.

— Ладно, успокойся. Скажи, где ты.

Послышалось рычание, и это вернуло меня в реальность. Холодок пробежал по спине. Хадсон замер на месте.

— Боуи! — Его шерсть встала дыбом, зубы оскалены. С ним такое нечасто. Обычно он дружелюбный. — Хватит! Это Хадсон. Хадсона ты знаешь. — Но слова не помогают. Боуи гавкает. Снова рычит. Хадсон делает шаг назад. В груди ощущаю ужас, бросаюсь вперед. Встаю между ними, кладу руку на спину Боуи и аккуратно начинаю его гладить. — Малыш, все хорошо. — Чувствую, как он успокаивается.

Хадсон, нас обходит, глядя с опаской. Только он вышел из комнаты, сузив глаза, смотрю на Боуи.

Он ведет себя так, будто мне угрожает опасность.

Глава 5

Следующие дни проходили одинаково. Я просыпалась рано утром и шла на прогулку, вернувшись, обнаруживала, что сын на пробежке. Большую часть дня он проводил в своей комнате, появляясь за столом или чтобы сказать, что идет гулять с друзьями.

Нет, наше с Хадсоном совместное проживание я представляла себе несколько иначе. По дому столько дел: сломанная дверная петля, на заднем дворе уже несколько месяцев не работает фонарь, надо почистить водосточные сливы, поменять пару москитных сеток, но я не решаюсь попросить. Мать постоянно дергала меня по любому поводу. Ей ничего не стоило составить для меня список дел, а потом все время спрашивать, как успехи. Я дала себе слово, что никогда не буду вести себя, как она, и пока обещание свое держу. Не собираюсь поступать иначе лишь потому, что сын мой уже вырос.

Но как же мне хочется, чтобы Хадсон сделал что-нибудь — ну хоть что-нибудь! — полезное. Пусть и для себя. В последний раз тема работы

поднималась, когда он собирался на первую встречу с друзьями. С тех пор он видится с ними каждый вечер, но о работе мы с ним больше не говорили.

Чувствую, что пришла пора.

— Нашел работу? — спросив, я взяла картошку фри и макнула ее в кетчуп. Мы наконец-то зашли в «Сьюзи бургерс», и сидим теперь дома друг напротив друга за кухонным столом среди смятых бумажных пакетов, упаковок из-под кетчупа и кучи салфеток. Последние дни я только и слышу, как в его комнате бубнит телевизор. Но сейчас ведь можно работать и удаленно, вдруг он нашел что-то такое. Надеюсь.

Держа гамбургер, он вскинул плечами, по руке стекает соус:

— Ну, я искал, ничего не подошло.

— А что бы тебе подошло?

Какое-то время Хадсон работал на лесопилке. Еще вроде пару раз был продавцом. Смутно припоминаю: совсем немного он проработал в магазине «Все для дома». В остальном я понятия не имею, чем он занимался последние несколько лет.

Даже не представляю, чем ему хочется заниматься. Единственным увлечением был бейсбол.

Он его бросил, и я не знаю, нашел ли что другое.

Сын дожевал. Проглотил. Вытер рот салфеткой:

— Не знаю. Мне нравится работать руками. Надеюсь, с работой у дяди Браунинга все в силе.

— Еще не узнавал?

— Дядя обещал все уладить.

Звучит не слишком обнадеживающе.

— А что за работа? — спросила я.

— У него своя шахта.

— Шахта? Разве рядом с нами есть шахты?

— Да, рядом с Вистой-Фоллс.

Туда ехать полчаса, не так уж и плохо.

— Она под землей? — Мне жутко при одной только мысли.

— Нет, мам, — он забавно улыбнулся. — Это не угольная шахта. Там в основном добывают глину. Карьер сверху. Не под землей.

Немного успокоившись, я кивнула.

И все же было бы неплохо, помогай он мне по дому. Не хочу давать ему список дел, но от этого, пожалуй, будет толк. И для него, и для меня. Ясно ведь, он не знает, куда двигаться дальше. Пока не попробует, не узнает. Нужно начать. Помню себя: записалась на вокал, стала играть на фортепиано и уже всерьез задумалась о концертах.

А прежде только и делала, что мечтала. Пред-

ставляла себя певицей: включала на всю катушку магнитофон и танцевала в комнате с расческой в руках. Пару раз пробовалась в мюзиклы — ходила на открытые прослушивания, роли так и не получила. Но на уроках по вокалу я обзавелась знакомствами, благодаря которым потом пела на свадьбах и корпоративах. Чем больше я выступала, тем сильнее мне это нравилось. И получалось у меня все лучше и лучше.

Видимо, и Хадсону нужна такая мотивация.

Мои мысли прерывает телефонный звонок.

— Ну вот. — Хадсон торопливо вытирает пальцы салфеткой и засовывает руку в карман, достает из джинсов телефон — звонок стал громче. Ответив, прикладывает трубку к уху. — Привет, дружище. Чего хотел? — Он сгреб упаковки в кучу, взял в свободную руку и выкинул в мусор. Громко рассмеялся: — Хорошо. Мне нравится! — Все за собой убрав, оторвался от телефона: — Я пойду, — прошептал он. — Спасибо за ужин.

Я кивнула.

— Да. Конечно, я в деле, — произнес он в трубку, выйдя с кухни.

Торможу его, пока не ушел из дома:

— Хадсон, подожди.

Он обернулся в дверях, бровь немного поднята,

телефон у уха.

— Вечером в пятницу на ужин придут Кендра и Тео. Хотят повидаться, так что ничего не планируй, ладно?

— Ладно. — Я ожидала чуть более восторженного ответа. Но все же удивлена не сильно.

С того самого дня, как мы с Дарреном узнали, что я беременна Кендрой, наши споры по поводу детей не утихали. Я была бы рада и одному ребенку, но Даррен хотел еще, лучше мальчика. С ним он проводил бы много времени.

В итоге своего он добился, и у Кендры появился брат. Не сказать, что она обрадовалась. Все детство они постоянно дрались. Вот бы дети стали ближе — как было бы хорошо.

Доедаю бургер, встаю из-за стола и собираю оставшиеся упаковки. Ярко-розовое солнце клонится к горизонту, небо покрывается дымкой.

В доме Лесли горит свет, окна открыты. Замечаю ее силуэт на кухне, у столешницы, похоже, что-то себе наливает. Чай, скорее всего. Она всегда отдавала ему предпочтение. В те времена, когда мы еще были друзьями, я часто заходила к ней. Мы сидели на диване перед телевизором и пили чай. Наверное, поэтому мне было с ней так хорошо. Мы прекрасно дополняли друг друга.

Она была моим якорем. Я могла расслабиться, побыть собой. Не надо было кого-то из себя строить, пытаться кому-то понравиться. И наоборот: я вытаскивала ее на тусовки, куда мы ходили только девочками, она открывала себя с новой, более эмоциональной стороны.

По мнению Даррена, она была идеальной женщиной. Знаю потому, что во время ссор он ставил ее образ жизни в пример.

«По вечерам Лесли всегда дома с семьей», — говорил он так, словно тут есть чему завидовать. Ругался, что я часто пропадаю ночами.

На деле у него не было никакого права упрекать меня в том, какую жизнь я выбрала. Ей-богу, когда он проводил вечера с детьми, он, в отличие от Лесли, на диване сидел уж точно не с чаем.

Какое-то время свою алкогольную зависимость он от всех скрывал. Но возвращаясь с концерта поздно ночью, в его дыхании я часто ощущала запах алкоголя. Уснув в нашей кровати лицом кверху, он громко храпел. Как ни странно, меня это не волновало. Думала, он пропустил пару стаканов. По этому поводу я ни капельки не злилась. Я и сама любила выпить. Еще до свадьбы я прекрасно знала о тяге Даррена к выпивке. На свиданиях мы всегда пили: до ужина — коктейли,

во время — вино, после — портвейн. Когда мы приглашали гостей, Даррена больше волновал перечень вин, что будут на столе, чем блюда. Но я и предположить не могла, что есть повод для волнения. По праздникам мои родители тоже баловали себя алкоголем и за ужином нередко пили коктейли и вино.

Но когда я начала регулярно находить в мусорном баке на улице спрятанные пустые бутылки от виски, я поняла, что у Даррена зависимость.

Однажды концерт отменили буквально в последнюю минуту. В тот вечер я и поняла весь ужас ситуации. Помню, ехала домой с мыслями, что муж и дети будут мне рады. Даже очень. По пути взяла любимое мороженое Даррена. Я была уверена, так бы поступила Лесли. У нее в холодильнике всегда лежало любимое мороженое Джеймса и Хезер. В тот раз я решила побыть идеальной женой. Той, что в своем муже души не чает. В холодильнике которой всегда лежит его любимое мороженое.

С пакетом продуктов я взлетела на крыльцо дома.

— Всем привет, я дома! — зайдя крикнула я.

Справа шумел телевизор. Когда я повернулась, Даррен вскочил с дивана, словно его застали за

чем-то непристойным. Я взглянула на телевизор — может, он смотрит порно. Сверху послышался шум, я поняла, что хотя бы один ребенок там. Но Даррен смотрел сериал «Я люблю Люси» — не совсем то, чего стоит стыдиться.

— А что, ты что-то забыла? — спросил он. Не такого приема я ждала.

— Концерт отменили. — Прохожу дальше, замечаю его раскрасневшееся лицо и стеклянный взгляд. С болью в груди беру сумку с продуктами. — Я твое любимое мороженое купила.

— Спасибо, малыш, — ответил он, что для него было совсем неестественно. Он редко звал меня «малыш».

Заглянув ему за плечо, увидела на кофейном столике бутылку виски «Макаллан», рядом пустой стакан, на дне которого оставалась янтарная жидкость. Я нахмурилась.

— Где дети?

— Дети? — Он провел рукой по лицу. — Наверху уроки делают. — Он говорил слишком медленно, немного спутанно.

— Они ужинали?

— Да, они захотели макароны с сыром. Готовила Кендра, — его лицо осветила улыбка гордости, как и всегда, когда он говорил о Кендре. Он часто

рассказывал, как дочь помогает ему, когда меня нет дома. Я думала, ей нравится помогать отцу. Они всегда были так близки. Но сейчас я задумалась, а не делала ли она это из необходимости.

От таких мыслей мне стало не по себе, я разозлилась. С горечью думала о его упреках, что после концертов я гуляла с ребятами и порой возвращалась домой пьяная. Как часто он сравнивал меня с Лесли и другими соседками, словно хотел, чтобы я была как они. Как он только смел представлять меня в роли степфордской жены[3], в то время как сам нажирался уже к шести вечера?

Все это время, оставляя сына и дочь дома, я успокаивала себя мыслью, что с ними рядом внимательный, любящий отец. Знаю, многие женщины растили детей одни, их мужья постоянно где-то пропадали. И дети их выросли полноценными людьми. Так если дома остается один родитель, то какая разница, кто это будет: мужчина или женщина? Но в тот вечер, уставившись на красное, потное лицо мужа и его мутный взгляд, я подумала: вдруг все это время я ошибалась.

---

[3] Примечания: 3

«Степфордские жены» — фантастический триллер, написанный Айрой Левином. По сюжету семья переезжает в городок Степфорд, где все женщины особо озабочены семейным бытом.

Вдруг нас обоих не хватало детям?

Я проснулась от громкого лая Боуи. Скрипели половицы. Села в кровати, с груди сползло одеяло.

Грейс?

Прислушиваюсь к знакомым звукам. Всегда думала, что это ходит она. Мягкие детские шаги. Ритмичный стук, словно играли мячом. Такой надувной мячик Даррен купил детям в супермаркете, они лежали обычно в больших отдельных ящиках.

Но на этот раз шаги громкие. Тяжелые.

Взрослые.

Кто это?

Смотрю на время. Два часа ночи. Хадсон? Встав с кровати, иду на звук. Только заслышав шаги, я решила, что кто-то в коридоре, но сейчас кажется, что ходят на первом этаже.

В доме темно, хоть глаз выколи. Зажигаю в коридоре люстру, пространство наполняется бледно-желтым светом. Чтобы привыкнуть, моргаю, потом оглядываюсь и смотрю, пошел ли Боуи за мной. Его нигде нет.

Тоже мне сторожевой пес!

Спускаюсь с лестницы и ступаю на деревянный пол.

— Хадсон? — зову я.

Тишина. Медленно иду вперед, пытаясь унять дрожь в теле.

Поворачиваю голову налево и всматриваюсь в темноту кухни. Сквозь окна, отбрасывая голубоватое сияние, льется лунный свет. Никого. Повернув направо, захожу в гостиную. Сюда падает свет со второго этажа, вижу диван, кресло, за ними пианино.

Сделав пару шагов, замечаю Хадсона — свернулся клубком на диване. Почему он тут, а не в своей постели?

Сына колотит, он лежит в одних трусах.

Беру одеяло, что накинуто на подлокотник дивана, и бережно его укрываю. Не проснулся. Внимательно на него смотрю, думаю, не ходит ли он во сне. В детстве с ним пару раз такое случалось.

Однажды Хадсон вышел на улицу и разбил мячом окно. В другой раз он вылил на сестру, пока она спала, стакан воды. Она была уверена, он сделал это нарочно, а лунатизм использовал как предлог, но я сыну верила.

В остальных случаях было так, как сейчас. Он приходил в гостиную и стоял с открытым ртом либо сворачивался клубком и тяжело дышал.

Как-то раз я пошла за халатом, что висел на дверце моего гардероба, и, открыв его, внутри на полу, среди обуви увидела Хадсона.

Пока он спит, позволяю себе нежность. Протянув руку, кладу ее на голову и желаю ему спокойной ночи — я так делала, когда он был мальчиком.

Глава 6

Ждала Кендру к определенному времени, но она приехала на час раньше. Выглядит напряженной, волосы немного взъерошены, на лице выступил пот. Обе руки заняты: на одном плече — сумка с детскими вещами, а в правой руке — детское автокресло. В нем крепко спит Мейсон, на его фарфоровых щечках покоятся длинные ресницы. Кендра поставила кресло; восхищаюсь спокойствием малыша, несмотря на нервозность дочери.

— Все в порядке? — поинтересовалась я.

— Ага. — Она бросила сумку, та стукнулась об пол. — День был длинный. Мейсон капризничал. У него лезут зубы.

— Сейчас он тише воды, ниже травы, — с улыбкой посмотрела на внука.

— И слава богу, — она вздохнула. — По пути к тебе все-таки уснул.

— А где Тео? — Я выглянула в окно.

— Он позвонил час назад и сказал, что задерживается на работе допоздна. Так что я приехала пораньше. Захотела отдохнуть.

Взяв дочь под руку, я улыбнулась. Прежде я не была тем, к кому дочь побежит за помощью. В последнее время стараюсь ей помогать. Чтобы наконец-то меня понять, ей надо было самой стать мамой.

— Пойдем, налью тебе бокал вина, отдохнешь.

Она резко остановилась:

— Мам, ты же знаешь: я не пью.

— Ах да, точно. — Еще полтора года назад Кендра иногда позволяла себе выпить. Но когда они с Тео решили завести ребенка, от алкоголя отказались. Поначалу я думала, что это только на время беременности. Она не кормила грудью, и я решила, что Кендра снова начнет выпивать. Но сейчас поняла: все еще продолжается. — Извини, забыла.

Она взглянула на столешницу, где стояло вино, две полные бутылки, а между ними — наполовину пустая.

— Вижу, без влияния Хадсона тут не обошлось, — сказала она своим вечно упрекающим тоном.

— Да ладно тебе. Мы же не упиваемся! — возразила я ей, пристыдить меня не удалось. Если она решила не пить, это еще не означает, что все остальные должны последовать ее примеру. —

Ничего плохого в этом нет.

Я открыла холодильник.

— У меня есть чай со льдом.

— Звучит заманчиво. — Кендра облокотилась на столешницу.

Взяв стакан, налила в него чай, кусочки льда стукнулись о стекло.

— Сахар?

Она покачала головой.

— Нет, спасибо.

Я посмотрела на ее длинную, безразмерную блузку. Об этом она особо не говорит, но я-то знаю: после родов ее беспокоит лишний вес. Мейсону всего полгода. Должно пройти какое-то время. Помню, каково было мне, когда родились дети. Изменения в теле давались тяжело. Так что оставив мысли при себе, я пододвинула ей стакан.

Кендра его взяла и сделала глоток.

Слышу, как открылась входная дверь.

— Мам, тут у двери кто-то ребенка забыл, — пошутил Хадсон. — Надеюсь, ты знаешь, чей он. — Он зашел на кухню, в руках пакет с продуктами.

Кендра к нему повернулась с улыбкой на лице:

— Должно быть, это твой племянник.

— Какой он большой! — Хадсон поставил сумку

на стол.

— Такое с детьми случается, если их никогда не видеть. Они растут. — Хоть Кендра и пыталась говорить доброжелательно, я напряглась, уловив нотки раздражения.

Вряд ли Хадсон понял настрой сестры. Он приобнимает сестру. Она делает то же самое — на душе мне становится легче.

— Мам, твоей любимой кокосовой газировки не было, я взял лимонад, — сказал Хадсон, разбирая сумку. Он открыл большую упаковку семечек, кинул несколько в рот, а остальное убрал в кладовку.

Брови Кендры поползли вверх.

— Лимонад — тоже хорошо, — сказала я. — Спасибо.

Заслышав шаги Боуи, выхожу в прихожую. Не хочу, чтобы Мейсон проснулся. Зову пса, он подходит, глажу его. Как хорошо, что Мейсон все еще спит в кресле, его головка наклонена вниз, ремни врезаются в нежную кожу. Небезопасно! Веду Боуи к боковой двери и обдумываю, как быть с Мейсоном. Поднять ли головку вверх и тем самым разбудить его или сказать Кендре? Я уже поняла, что дочери мои родительские советы не нужны, она и слушать не станет. Общаясь с ней,

надо следить за каждым словом.

Открываю дверь и выпускаю Боуи на улицу. Возвращаюсь на кухню и достаю из холодильника замаринованную курицу. Не глядя на Кендру, между прочим говорю:

— С вашего последнего прихода манеж так и стоит в кабинете.

Пару часов назад пошла его собрать. Была уверена, что он разобран. Запамятовала.

Кендра повернулась и выглянула в коридор:

— Да, это мысль. Похоже, он все еще спит. — Она оттолкнулась от столешницы, бормоча себе под нос: — Спасибо тебе, господи, за маленькие радости!

Она вышла с кухни, а я в это время достала из холодильника несколько видов сыра и упаковку винограда. Ужин собиралась приготовить к приходу Кендры, но, поскольку она приехала намного раньше, я решила поставить на стол закуски.

— Гриль разжечь? — спросил Хадсон, пока я нарезала и выкладывала на тарелку сыр.

— Да, было бы неплохо.

Рядом с сыром положила гроздь винограда, по краю тарелки разложила крекеры. Через открытое окно пахнуло древесным углем. Слышу в

прихожей шаги Кендры. На секунду кажется, что ничего не изменилось. Закрыв глаза, представляю, как сбоку от меня стоит Даррен и наливает в бокал виски. Неожиданно нахлынула странная грусть. Та, что порой меня тревожит.

На кухню вернулся Хадсон, положил на столешницу зажигалку. Подвигаю к нему тарелку с сыром. Он отрывает виноградинку, а в этот миг с громких вдохом облегчения входит Кендра.

— Все прошло удачно? Мейсон в манеже? — спросила я, немного расстроившись. Ясно, что Кендре нужен отдых, но мне так хочется подержать малыша на руках.

Она кивнула и потянулась за крекером. Откусив, взглянула на брата.

— Хадсон, чем занимаешься с тех пор, как вернулся?

Жуя кусочек сыра, он пожал плечами.

Кендра неодобрительно на него посмотрела:

— Ты искал работу?

Проглотив сыр, он перевел взгляд на меня.

— Допрос, я думаю, стоит отложить, сначала поужинаем, — примирительно сказала я и улыбнулась дочери. Хотелось, чтобы вечер мы провели спокойно, на позитивной ноте.

Кендра нахмурилась.

— Я всего лишь пытаюсь завести разговор.

— По-моему, у него на примете что-то есть. Я права, Хадсон?

Стряхивая крошки с бороды, он кивает.

— Вообще-то с работой все решено. Выхожу в понедельник.

Впервые об этом слышу. Почему он не сказал мне раньше?

— Ничего себе! Поздравляю. Это то, что предлагал дядя Браунинга?

Он кивнул.

— Дядя Браунинга? — Кендра удивленно наклонила голову и застыла.

Выкладываю курицу на тарелку — по рукам стекает маринад. Беру полотенце, вытираю.

— Да, мы встречались пару раз, — ответил он на повисший в воздухе вопрос.

Кендра злобно и неприятно усмехнулась.

— Так вот чем ты занимаешься. Ходишь на тусовки со старыми друзьями?

Чувствую, как напряглась спина, словно у собаки, что ощетинилась.

— Кендра, он всего лишь сказал, что выходит на работу. И он много что делает по дому. Очень мне помогает.

— Это хорошо, — говорит Кендра, и надо отдать

ей должное: прозвучало достаточно искренно. Щелкнув пальцами, она оттолкнулась от столешницы. — Чуть не забыла. Принесла тебе витамины. — Она быстрым шагом вышла в прихожую. — Также взяла тебе пробиотики. — Кендра вернулась с двумя большими банками в руках. — Я столько всего прочитала про связь между памятью и состоянием кишечника.

— Как по мне, с памятью у мамы все хорошо. — Хадсон взял еще одну виноградинку.

Кендра резко к нему повернулась и посмотрела прожигающим взглядом:

— Ну, знаешь, это пока. Сколько ты тут, неделю? — Она положила руку себе на грудь. — А я, наверное, совсем не понимаю, о чем говорю, да? Последние несколько лет я была тут каждый день, пока ты черт знает чем занимался.

— Ну вот, началось, — вздохнул Хадсон.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Все, достаточно, — вмешалась я. — Хадсон прав. На этой неделе мне и вправду лучше. — С улыбкой на лице я выхватила из рук Кендры таблетки. — Но витамины все равно возьму. Вдруг это они мне помогают. — Не уверена, что это так. Какое-то время принимала их регулярно, но все равно чувствовала себя нехорошо, в голове оста-

валась каша. Тогда я перестала пить таблетки постоянно. Уголки губ Кендры чуть поднялись, знаю, я ее успокоила. — Если честно, я безумно рада, что вы оба тут. Мы так давно не собирались вместе.

Они взглянули друг на друга и улыбнулись, это перемирие уж точно для меня — ничего против не имею.

— Хадсон, пора жарить курицу, — сказала я, показав на тарелку на столешнице.

Кивнув, он встал и обошел нас, открыл боковую дверь и вышел во двор с курицей. Комнату наполнил запах гриля вперемешку со свежим воздухом и скошенной травой.

— Не будь с ним так жестока. — Иду к холодильнику и достаю пакет с салатом.

— Я беспокоюсь о тебе, мам, — ответила она. — Он приехал, чтобы заботиться о тебе, и я хотела убедиться, что именно этим он и занимается.

Рассмеявшись, я покачала головой.

— Ты так говоришь, будто мне лет сто.

— Никто не думает, что тебе сто, правда.

— Ладно, тогда восемьдесят, — подмигиваю я.

— Даже если тебе и восемьдесят, выглядишь куда лучше, чем я, — она провела рукой по своему животику.

Она часто себя недооценивает, но в этот раз как-то по-другому. С горечью. Внешне она пошла в отца. Ей достался и его обмен веществ. И с формами ей повезло куда больше, чем мне. Чуть смуглая кожа, большие светлые глаза, пухлые губы, темные кудрявые волосы. Только открываю рот, чтобы сказать, какая она красивая, как воздух сотрясает детский крик. Брови Кендры поднимаются, в теле появляется напряжение.

— Если хочешь, я схожу за ним.

Махнув рукой, она отказалась:

— Не. Все в порядке. Сейчас вернусь.

Но когда она выходила из комнаты, я заметила, насколько тяжелая у нее походка, как она напряжена.

Кендра никогда не умела принимать помощь. Мучить себя — вот что у нее лучше всего выходит.

Пока ее нет, решаю заправить салат. Дым от гриля, густой и серый, окутал окно. Заправив салат, наполняю кувшин ледяной водой и ставлю его на столешницу рядом с раковиной.

За спиной раздается детское бормотание, оторвавшись от своих мыслей, поворачиваюсь.

Кендра вошла, держа Мейсона на руках лицом вперед. Одетый в ползунки, болтает ножками.

Во рту соска. Глаза широко открыты, щечки розовые.

— Эй, кто это пришел? — умилилась я. Вытянув руки, сказала: — Ну же. Иди к бабуле.

Никогда не думала, что из меня выйдет «бабуля». Кендра, беременная Мейсоном, однажды спросила, как меня называть: бабой, бабушкой или бабулечкой. Хорошенько подумав, в конце дня я объявила, что буду «бабулей».

Не перестаю удивляться.

Взяла Мейсона на руки, невольно заметила на лице Кендры облегчение. От него пахло влажными салфетками и слегка детской присыпкой. Провожу носом по волосикам на голове — макушка мягкая и нежная.

Открывается дверь. Входит Хадсон с тарелкой курицы в руках. Как из выхлопной трубы, за ним тянется дым. Свободной рукой закрывает дверь, но светло-серые струйки все равно попадают в кухню.

— Он жив, он жив! — проходя мимо ребенка, пропел Хадсон, словно актер из фильма про Франкенштейна.

Покачивая Мейсона, я сказала:

— Плохой дядя!

Хадсон поставил тарелку на столешницу,

неспешно подошел к племяннику и начал щекотать его под подбородком. Мейсон жмурился от удовольствия.

— Славный. Видимо, в дядю пошел, — подмигнул Хадсон.

Кендра усмехнулась.

— Да неужели!

Я и забыла, как мне этого не хватало. Подшучивания. Подтрунивания.

Нас прерывает стук в дверь, я немного злюсь. Знаю, что это Тео, ничего против него не имею. Но он пришел, и теперь общение пойдет по-другому. По характеру он скорее как Кендра. Интеллигентность, граничащая с высокомерием. Задумчивость и немного молчаливости. Не то чтобы я ожидала, что Кендра выйдет за весельчака вроде Хадсона, но я была бы этому рада. Может, это бы ее раскрепостило.

— Извиняюсь за опоздание, — входя в дом и сверяясь с часами на запястье, говорит Тео. На нем брюки и рубашка, волосы уложены гелем на одну сторону. Должна признать, выглядит хорошо. А еще он вежливый: целует меня в щеку и благодарит за приглашение.

Мейсон рад его видеть, когда Тео произнес «привет», он задергал ножками и заулыбался. Я

протянула ребенка отцу.

— Ужин готов, — сказала я.

— Я как раз вовремя! — Тео улыбнулся, показав ряд жутко белых зубов.

Пока мы с Кендрой накрывали на стол, они с Хадсоном обменялись новостями. Ужин прошел без происшествий. Тео много говорил о работе и сводил разговор к темам, которые мало кому интересны. Мир финансов совсем не мое. Хадсон со скучающим видом кладет еду в рот — понимаю, что он того же мнения, что и я. Но они с Кендрой хотя бы не ссорятся.

Спасибо тебе, Господи, за маленькие радости!

Пару раз Кендра вмешалась в монолог и рассказывала о курсах по подготовке медсестер. А Мейсон, пытаясь обратить на себя внимание, иногда лепетал на своем высоком стульчике. Когда он это делал, я задавалась вопросом: может, он, как и все мы, тоже устал от этого монолога.

После ужина Хадсон предложил убрать со стола, а я в это время залила кофейник и достала десерт.

— Тогда я займусь малышом, — Тео убрал с колен салфетку, подошел к стульчику и достал Мейсона.

— Вытри его сначала, — строго сказала Кендра.

— Все нормально, — процедил сквозь зубы Тео.

— Он испачкает тебе рубашку.

— Неважно, — ответил Тео и, улыбаясь Мейсону, поднес его к себе.

— Да неужели, это тебе-то неважно, как ты выглядишь! Что-то новенькое.

Неся в руке стопку тарелок, Хадсон бросил на меня тревожный взгляд и специально вышел на кухню. Я пошла за ним, слыша за спиной голос Кендры:

— Тео, хватит его качать. Он только поел.

— У них всегда так? — спросил Хадсон, открыв кран с водой.

— Ну… не всегда. Но ты же знаешь Кендру.

— Ага, знаю, — усмехнулся Хадсон и взял тряпку.

Ругань Кендры и Тео продолжается в соседней комнате, а Хадсон в это время перемыл все тарелки. Сварился кофе.

— Что ты думаешь о… — Всё, ступор. В голове пусто и темно. Звенящая тишина. Это слово… Оно вертится на кончике языка. Все время его произношу. Смотрю на этот предмет, вот он, на столешнице. Но как ни пытаюсь, названия не вспомнить… *Ужас! Я превращаюсь в собственную мать!* Сглатываю, губы пересохли.

— Ну? — Один уголок рта Хадсона забавно поднялся.

Он не взволнован, я это понимаю. Когда дети были помладше, со мной часто случалось подобное. Но тогда было по-другому. Тогда ко мне приходило вдохновение, в самый неподходящий момент в голове проносился текст песни, и я теряла ход мыслей.

— Эм… — Ищу другое слово, которое смогу вспомнить. — Кофе и… — Показываю на столешницу, на тарелку, где лежит то, что я не могу назвать.

— Десерт? — Хадсон выручает меня, и только тогда я замечаю, что он нахмурился.

Чтобы успокоить его, тихонько смеюсь:

— Ой, да, ну и рассеянная же я.

— Подслушиваешь их? — он с пониманием улыбается и кивает в сторону столовой, где Кендра и Тео продолжают ругаться в полголоса.

На вопрос не отвечаю, но по его ухмылке понимаю: решил, что да. Тоже ему улыбаюсь — пусть так и думает.

— Все же давай вынесем это на веранду? — предлагаю я Хадсону. Вспомнились вечера, что были десять, а то и больше лет назад: дети на ступеньках ели мороженое, а мы с Дарреном

качались на качелях. Не допущу, чтобы из-за провалов в памяти растерялись самые светлые воспоминания.

— Звучит неплохо, — сказал он как обычно холодно. Порой я спрашиваю себя: может ли он действительно чему-то обрадоваться?

Поставила на поднос чайник с кофе, очень красивые фарфоровые чашечки и тарелку с двумя кусочками яблочного пирога. Знаю, что к десерту Кендра и Тео не притронутся. Они постоянно на какой-нибудь диете. Отнесла поднос на веранду и поставила его на плетеный стол у качелей. На улице свежо, пахнет розами и мокрой травой. Солнце прячется — над головой зажегся фонарь. Вдалеке щебечут птицы. Где-то на улице мяукает кот.

Все выходят на веранду, беру Мейсона на руки и сажусь на качели. Оттолкнувшись ногой, начинаю раскачиваться, он визжит. Хадсон ковыряется ложкой в пироге, Кендра пьет пустой кофе. Тео приходит с очередным бокалом вина — я немного удивилась. Он и на ужин пропустил бокал. Похоже, их договоренность не пить алкоголь стала односторонней. С удивлением Кендра на него смотрит, как бы давая понять, что незамеченным он не остался.

— Мейс, смотри, птичка, — показываю я на колибри, та зависла над кормушкой, подвешенной к навесу крыльца. На красном оперении выделяются голубые пятнышки. Улыбаясь, Мейсон что-то щебечет и тянется к ней.

Доев пирог, Хадсон поставил тарелку на стол.

— Никогда не понимала, как можно есть так много сладкого и оставаться худым, — надувшись, заметила Кендра. — Помнишь, мы ездили в «Диснейленд»? Тогда тебе было восемь. В тебя влезало штук десять чурросов.

— Не десять, — закачал головой Хадсон. — Но все равно много.

Кендра рассмеялась.

— Десять чурросов? Да это же ужасно! — сморщился Тео.

— Ужасно? Ты их вообще пробовал? Это же еда богов! — возразил Хадсон.

— Они вкусные, но не десять же штук в день, — вмешалась Кендра.

— Это, случаем, не та поездка, когда ты выкинула мой ободок с ушами Микки Мауса из окна машины? — спросил Хадсон сестру.

— Только потому что ими ты колотил меня по голове.

— Надо же! Я думал, тебе нравится, — фыркнул

брат.

На этих словах Тео тоже расхохотался.

— А что это за девушка нам машет? — всматриваясь, спросила Кендра.

Я вскочила с качелей и тоже вгляделась. Мимо пробегала милая девушка в белых наушниках. Перейдя на шаг, она начала нам махать.

— Я ее не знаю, — продолжила Кендра. — А ты?

Думала, она обращается ко мне, но ответил Тео.

— Молли, привет! — Тео спустился с веранды.

Вытащив наушники, девушка остановилась. Она зашла во двор и, поднявшись на первые ступеньки, поздоровалась с Тео.

— Не знал, что ты тут живешь, — сказал он.

— Снимаю дом прямо за углом. Его сразу видно: на улице самый маленький, а на почтовом ящике — огромная наклейка с флагом, — ответила девушка. Знаю, о каком доме она говорит. Каждое утро, когда гуляю с Боуи, прохожу мимо. Незнакомка показала на дом. — Твой?

— Нет, тещи, — показал он на меня и добавил: — Мы с Молли вместе работаем. Молли, а это моя прекрасная жена Кендра, наш сын Мейсон, моя теща Валери и брат жены Хадсон.

Кендра поприветствовала ее не очень друже-

любно, и я понимаю почему. Сама терпеть на могла красавиц-коллег Даррена. Невольно заметила, что с появлением Молли Хадсон начал улыбаться намного шире.

Когда она убежала, Хадсон хлопнул Тео по спине:

— А эта штучка ничего.

— Ну вот, — Кендра закатила глаза.

— Дружище, организуй нам встречу.

— Ты серьезно? — удивленно спросил Тео и пожал плечами. — Ладно. Что-нибудь придумаю.

Глава 7

— Маам! Маам! — голос Хадсона отдается эхом, будто говорит он в огромном пустом соборе, слова кружат надо мной как стая ворон.

«Тепло и полно света, значит не собор», — сонно думаю я. А большая пустая сцена, сверкающая в свете прожекторов. Не хочу уходить, но его слова не оставляют меня в покое.

— Маам, — на этот раз настойчивее.

Меня хватают за плечо — резко просыпаюсь. Попадаю в реальность, из окна на пол падает свет.

— Все хорошо? — Хадсон закусил нижнюю губу. Наморщив лоб, он подозрительно смотрит на меня — выглядит намного старше своих лет.

— Который час? — присев, тихо спросила я. Вглядываюсь в окно гостиной, солнце высоко в небе.

— Половина четвертого, — ответил Хадсон.

— Дня? — На столе перед собой вижу наполовину не допитый кофе и пустой стакан.

— Да. Первый день работал на карьере, вот только вернулся.

Точно. Когда я проснулась, его уже не было дома.

На мне спортивная одежда и кроссовки. Я что, лежу тут еще с прогулки? Нахмурившись, пытаюсь убедить себя, что впереди весь день, но это не так.

В голове всплыло лицо Тео, и я не сразу поняла почему. Потом вспомнила: он заходил вчера вечером. Его визитом я была удивлена и первые секунды с ужасом думала, что снова забыла посидеть с Мейсоном.

Он сказал: «Я за Хадсоном. Отдохнем вдвоем».

Смутно припоминаю. В пятницу, когда ребята собрались уже уходить, они с Хадсоном договорились встретиться в воскресенье вечером.

Тео крикнул Хадсону, чтобы тот спускался, посмотрел на часы, достал телефон. В комнату вошел сын. На нем была идеально выглаженная рубашка, лучшие джинсы, волосы на голове уложены, надушился одеколоном. На миг я задумалась, имеет ли их встреча какое-то отношение к той симпатичной блондинке, с которой нас познакомил Тео.

Остаток вечера помню смутно. Вроде, выпив один-два бокала красного, смотрела телевизор.

Наверно, «Корону»[4], не уверена.

Это вчера. А что было сегодня?

Потянувшись, взяла со стола кружку. На дне — пара глотков кофе, все еще пахнет ванилью. На ногах до сих пор кроссовки, пальцы ног немного вспотели.

Чем я занималась, когда вернулась домой и выпила кофе?

Снова смотрю на Хадсона: надо мной он больше не стоит, расположился на другом конце дивана. Но на его лице все еще читается волнение.

— Как первый рабочий день? — вспомнила, что до сих пор не узнала.

— Нормально.

— После встречи с Тео выспался?

Он кивнул:

— Мы недолго сидели. Обоим надо было вставать рано на работу.

— Я немного удивилась, что вы сидели вдвоем, — честно призналась я.

— Я тоже. Это он предложил. Я чуть было не отказался, а потом подумал: что тут такого? Он муж моей сестры. Не стоит его отталкивать. — Хадсон едва улыбнулся. — И знаешь что? Оказывается,

---

[4] Примечания: 4
Сериал про британскую королевскую семью.

он интересный парень.

— Неужели? — Сказать, что я удивлена — ничего не сказать. — Он пил?

Хадсон ответил не сразу:

— Да. Только Кендре не говори.

— Не переживай. В чужие дела я нос не сую.

Начинает болеть голова — тру пальцами виски. Слышу, что открылась дверца для собаки. Боуи зашел на кухню. Прибежал в комнату, идет прямо ко мне. Вяло опускаю руку и кладу ему на голову.

С лица Хадсона исчезает улыбка.

— Ты что, заболела?

— Да, наверно, — тыльной стороной ладони трогаю лоб, так же я делала, когда дети были маленькие. Чувствуется температура. По правде говоря, я этому рада. Уверена, какой-то вирус. Провести весь день в постели из-за Альцгеймера — не могу себе такого позволить. По крайней мере пока.

Не пришло еще время.

Подняв руку, трогаю жирные волосы и прихожу в ужас.

— Я в душ.

— Давай помогу подняться, — говорит Хадсон, беря меня под руку.

Поблагодарив, соглашаюсь и позволяю отвести

себя на второй этаж. По пути кладу голову ему на плечо. Только мы дошли до четвертой ступеньки, как, обогнав нас, Боуи убежал в мою спальню. Во рту пересохло, язык еле ворочается. Тяжело сглатываю. Добравшись до комнаты, говорю Хадсону, чтобы занимался своими делами. Отчаянно пытаюсь снять спортивный костюм. Он весь мокрый, неприятно прилипает к коже.

— Сама справлюсь, — говорю я. — Спасибо за помощь.

— Точно?

Киваю.

— Ладно. — Он пошел к двери, но остановился: — Если что-то нужно, дай знать.

— Хорошо.

Войдя в душевую кабину, почувствовала, как накатывает тошнота, пришлось облокотиться на стенку и глубоко дышать, пока не станет легче. Когда все прошло, быстро помыла голову, тело и выключила воду. Дрожа от холода, завернулась в полотенце. Тошнота вернулась — неприятная жидкость наполнила рот.

Я упала на колени и склонилась над унитазом. Но из меня ничего не вышло. Может, просто надо что-нибудь съесть. Поднявшись, прошла в спальню и надела теплую пижаму.

Боуи запрыгнул на кровать и начал укладываться в ногах, ожидая, что я скоро залезу под одеяло.

У меня нет сил спускаться на первый этаж. Ложусь, подложив под голову подушку. Знаю, что поесть надо — обед давно прошел, а про завтрак я ничего не помню. Пишу Хадсону, прошу принести тарелку супа.

«Без проблем», — ответил он.

Через пятнадцать минут входит с тарелкой супа на подносе. Заставляю себя съесть хотя бы половину. Хадсон забрал посуду.

Немного почитала и снова крепко уснула.

Сны сумбурные, смесь совсем разных воспоминаний.

Хезер сидит в гостиной, точно такая же, как и в нашу последнюю встречу, пьет чай со своей матерью. Но возраст Лесли не соответствует тому времени. С первого взгляда тяжело сказать, сколько ей. Прическу она не меняла уже лет двадцать. Короткое обесцвеченное каре. Волосы с одной стороны всегда заправлены за ухо. Ее возраст выдает одежда: штаны на резинке, блузка в цветочек — так она одевается сейчас.

Подхожу к ним. В руках у меня чашка чая. Держу ее так, как Кендра носит на руках Мейсона.

Сидим втроем и болтаем, словно ничего не произошло.

Пару раз за ночь я просыпалась от боли в животе и тошноты. Открывая глаза, видела, что заходил Хадсон. На тумбочке — стакан воды, тарелка с крекерами и один раз каким-то чудом появился стакан с шипящим спрайтом. Благодаря сыну и пережила эту ночь.

Утром мне стало чуть лучше.

По пути на кухню заглянула в гостиную и заметила, что Хадсон за мной убрал. Кружки помыты, на ручке дивана сложен плед, подушки взбиты.

На кухне светло и просторно. Хоть мне и лучше, в животе все равно неспокойно, так что решаю перекусить одним тостом. Засовываю в тостер кусок хлеба и наполняю кофейник.

На улице Лесли разговаривает с Бет и Шелли. На ней те же штаны и блузка в цветочек, что и во сне; она будто вышла из него прямо на крыльцо своего дома. При этой мысли у меня мурашки по спине бегут. Разглядывая соседок, думаю, что наша жизнь могла сложиться совсем иначе. Во сне мы пили чай вместе с дочками. Когда мы были друзьями, именно так я и представляла себе наше будущее. На протяжении семи лет я видела Хезер каждый день. Я знала ее, будто собственно-

го ребенка. Ее смех, улыбка, манеры — я знала их наизусть. Теперь они преследуют меня во снах.

— Мам, — Хадсон напугал меня. Была уверена, что он на работе. Посмотрела на часы. Еще рано. Намного раньше, чем я обычно встаю.

Чувствуя себя ребенком, которого поймали за поеданием шоколада, я поворачиваюсь к сыну. Изобразив на лице улыбку, радуюсь, что мои мысли он прочесть не может. Тогда бы он узнал: я думаю о том, о чем мы никогда не говорили. О Хезер и о том, что он сделал.

В среду утром, возвращаясь с прогулки с Боуи, заметила, что машина Хадсона все еще стоит у дома. Он должен был уехать.

Переживая, что он проспал, стучу к нему в комнату.

— Хадсон!

Тишина.

Стучу еще раз, на этот раз сильнее.

Сквозь дверь слышу шорох, приглушенный стон. Делаю шаг назад, рука повисла в воздухе. С ним кто-то есть?

Закусив губу, ухожу от двери. Нет никакого желания видеть его в постели с девушкой. Когда он был подростком, я пару раз врывалась. Хватит и того, что было.

Так я когда-то и узнала, что их отношения с Хезер перешли на новый уровень. Она почти жила у нас. Когда ее семья переехала в наш район, спустя месяц они с сыном сдружились. На нашей улице Хезер была единственной ровесницей Хадсона. Не знаю, нужно ли было тогда переживать, что это девочка и мальчик, что они, может быть, уже знают разницу или даже чувствуют влечение… Но тогда я не видела причин для беспокойства.

Каждый день они бегали то в один дом, то в другой. Часами сидели за приставкой Хезер, пихались локтями, проходя «Гонки с Марио», и по очереди учили друг друга играть в «Зельду». Летом, когда им было по двенадцать, они снимали фильмы на новую видеокамеру Лесли. В основном это были пародии на детективы, где Хезер играла следователя, а Хадсон всех остальных, включая жертв. Мой сын любил бейсбол и всячески подначивал Хезер, чтобы вместе побросать мяч на заднем дворе. Но приходила Кэти О'Коннелл, и все прекращалось — Хадсон жутко бесился: с ее появлением Хезер выбирала «игры для девочек».

Детям тогда было по пятнадцать. Помню, после обеда Лесли позвонила и попросила отправить Хезер домой, чтобы помочь с ужином. Я знала,

что они сидели наверху в комнате Хадсона, до меня доносилась музыка. Я даже не подумала постучать, прежде чем распахнуть дверь.

Их руки переплелись в объятии, губы слились в поцелуе.

Они тут же в ужасе отодвинулись друг от друга. Хезер и говорить не надо было, что мама ее зовет, — схватив свой рюкзак, она убежала, по пути пробормотав: «Пока, Валери».

— Ты и вправду удивлена? — спросил Мак, о случившемся я рассказала ему чуть позже на репетиции. — Думаю, что нет. В них бурлят гормоны. А в мозгах ведется строительная работа.

— Ну и метафора, — нахмурилась я, хотя он был прав.

Теперь же, задумавшись у двери Хадсона, я услышала, как он слабо позвал:

— Маам.

Я толкнула дверь: он перевернулся в кровати и посмотрел на меня покрасневшими глазами. Лицо бледное, все в поту.

— Боже мой, и ты заболел? — Я как-то даже съежилась, качнулась назад.

— Видимо, — еле слышно произнес он. — Спасибо, что заразила.

Я чуть улыбнулась.

— У меня хорошая новость: вирус действует всего сутки. Завтра будет полегче. В воскресенье мне было очень плохо, но в понедельник утром я была как огурчик. — Неужели я так сказала? Про огурчик все время говорила моя мать.

Он застонал.

— Тебе что-нибудь принести?

Он покачал головой.

— Звонил на работу?

Закрыв глаза, он кивнул.

— Хорошо, отдыхай.

Он угукнул, я закрыла дверь.

В коридоре тихо, слышно, как на первом этаже тикают часы.

Вышли мыши как-то раз

Посмотреть который час…

В стене что-то было. Оно шуршало поздно ночью, родители давным-давно пожелали мне добрых снов, и я теперь лежал в кровати. Услышав шум, я сполз с постели, встал на четвереньки и залез под кровать — пытался понять, что это. Дрожа от страха, на пару секунд решил, что застрял, из-за пыльного ковра кирпичного цвета не мог дышать, но что за шум — так и не понял.

Я помчался в спальню родителей, сразу к их

кровати.

Прокрался по ковру, дошел. Засунув руки под подушку, отец спал лицом к стене. Я чуть было не рассмеялся. Мы спим одинаково. Ближе ко мне была мама: она спала на спине, руки — вдоль тела. Так же в гробницах лежали мумии, что я видел на фотографиях. Я легонько толкнул ее в плечо.

Она подскочила, выдохнула.

— Господи, как же ты меня напугал!

Спрятаться бы. В коробку на стеллаже, прямо за родительской кроватью. А лучше исчезнуть, как Девушка-невидимка.

— Мне страшно, — сказал я, поняв, что совсем не супергерой.

— Чего ты боишься? — усаживаясь, спросила она.

— В стене что-то есть. Оно скребется, я слышу.

Мама вздохнула:

— В стене ничего нет. Тебе показалось.

— Нет, есть, — возразил я, дергая ее за руку. — Пойдем посмотрим.

— Я слишком устала. — Она выдернула руку, провела ей по лицу и откинула волосы назад. — Возвращайся в свою комнату. Там никого нет.

Я взглянул на отца — его надо было будить.

— Повторяю еще раз. Иди спать. — Мама уже легла. Ее не переубедить.

Нехотя, бурча себе под нос, я выскочил в коридор. Мама даже не шелохнулась. Судя по сопению, уснула.

— Это мышь.

С криком я подпрыгнул от страха, голос Энди до жути меня напугал. Она стояла напротив, из-под длинной сорочки торчали голые ступни.

— Что? — Я тяжело дышал, прижав руку к сердцу.

— Шум в стене. Это мышь. Ей не выбраться.

— Не выбраться? — Вдруг мне стало холодно, на коже появились маленькие шарики — руки сморщились, стали похожи на куриные ножки, которые еще не приготовили.

Она пожала плечами.

— Не волнуйся. Она скоро умрет.

— Умрет?

— Ну да, — ответила она так, словно я ей уже надоел. — Но это же хорошо? Тебе больше не придется слушать ее шуршание.

Я кивнул, но в животе стало нехорошо, будто снова отравился.

— К тому же мышь сама виновата — нечего было туда лезть.

Теперь по ночам я не мог уснуть. Сжав край одеяла, я лежал на боку и слушал скрежет. Уставившись на стену, представлял себе, как мышка застряла в маленьком отверстии и не может выбраться. А вдруг это шуршание не просто так. Слышит ли мышь меня? Надеется ли она на мою помощь? Мама убьет меня, если попробую вырезать в стене дырку. Так как же мне быть? Вспомнил те секунды, когда подумал, что из-под кровати мне не выбраться, и с болью в сердце представил бедную мышку, которая сидит тут уже не первый день. Не в силах слушать скрежет, я закрыл уши руками.

«К тому же мышь сама виновата — нечего было туда лезть».

В голове крутились слова сестры. Думала ли она так на самом деле? Что мышь получила по заслугам.

Может ли один неверный шаг разрушить нашу жизнь?

Глава 8

Тук. Тук. Тук.

Поначалу звук тихий, почти не слышно — сливается с шумом телевизора. Потом становится громче. Беру пульт и делаю тише. Телевизор выключается. Сижу в темноте. Моргаю. Должно быть, нажала не на ту кнопку. В последнее время я постоянно их путаю. Когда глаза привыкают к темноте, начинаю различать предметы. Под покрывалом торчат мои ноги. Поднимаю взгляд и вижу темный силуэт. По коже бегут мурашки. У дивана стоит девочка, в ее руках большой мяч.

— Грейс, — шепчу я, проводя ладошками по покрывалу, чтобы успокоиться. В углу комнаты мирно спит Боуи. Жаль, что он не со мной на диване.

Тук. Тук. Тук.

Стоп! *Что-то не так*. Это не она стучит. Она даже не двигается.

Поворачиваюсь в темноте. Стук раздается на втором этаже. Перевожу взгляд на то место, где стояла Грейс, — внутри меня что-то сжимается. Девочки нет. Только кресло и брошенный на

спинку пиджак.

Стук не прекращается.

Спускаю босые ноги на деревянный пол и тут же замерзаю. Утром, когда завтракали, свежий воздух и легкий ветерок были как раз кстати, но в течение дня заметно похолодало. К десяти вечера температура упала до пятнадцати градусов, словно конца лета не было, и к нам сразу пришла осень. Гардероб я пока не поменяла. Все еще ношу летнюю пижаму: штаны и футболку, — в отличие от фланелевой, они легкие.

Быстро поднимаюсь наверх. Дверь в комнату Хадсона открыта, но я знаю: он не дома. Сегодня он встречается с друзьями. Как и несколько последних вечеров. Я была права. Вирус, что он подцепил от меня, продержался не больше суток. Ко вторнику уже поправился. Сегодня суббота, последние дни он дома почти не появлялся.

Сделав шаг, я вгляделась. Как и следовало ожидать, комната пуста.

Стук прекратился.

Что это было?

Прислушавшись, стою посреди коридора, почти не дышу. Единственное, что слышу, — на первом этаже глубоко дышит Боуи, на улице дует ветер, в доме тихо. Никаких стуков.

Повернувшись, делаю шаг в сторону своей спальни и снова слышу. В этот раз больше похоже на стук в дверь.

Ладошки вспотели, бегом спускаюсь на первый этаж. Вхожу в гостиную — в углу на подстилке лежит Боуи, он поднимает голову. Щелкнув пальцами, зову его к себе. Шум идет со стороны кухни. Вглядываясь, медленно крадусь по полу. На заднем крыльце, отбрасывая жуткое голубое сияние, тускло горит лампочка.

Громкий стук доносится с заднего двора. Я вздрагиваю.

Выбежав на улицу, начал лаять Боуи.

Открыла замок и повернула ручку боковой двери — сердце забилось чаще. В лицо вдруг подул ветер, я тут же перестала дышать. Стало еще холоднее, ветер жуткий — летняя буря. Волосы разлетелись во все стороны, словно в руках фен. Еле шевеля губами, зову Боуи. Его лай раздается в глубине двора.

Убрав волосы с лица, иду к нему.

Ворота раскачиваются взад и вперед, ударяясь о забор.

Тук. Тук. Тук.

Приложив усилия, закрыла и заперла их. Не пойму, почему они открыты. Ветер не мог выбить

замок. Хорошенько думаю. Может, это я их не закрыла?

Не помню.

Глаза широко раскрыты. Взгляд пустой. Рот открыт, на губах чуть видны слюни.

— Кто вы? Что вам от меня надо? — раздраженно спрашивает она.

— Мама, это я, Валери. — Тянусь к ее костлявым пальцам, но она резко их убирает.

Последним мусор выносил Хадсон. Может, он не закрыл ворота, а я это заметила только сейчас, когда подул ветер. *Да, скорее всего.*

Довольная, зову Боуи. Пока иду в дом, у меня зуб на зуб не попадает. Пару дней назад я жаловалась на жару. Теперь же, обхватив себя руками, дрожу от холода и мечтаю о горячем душе.

Когда мы поднялись на второй этаж, Боуи начал рычать. Прижал голову к полу, словно готовясь напасть. Меня охватил ужас. Прямо перед дверью в мою спальню лежит мячик. Подхожу ближе и беру его в руку. Он ярко-розового цвета, пахнет дешевым пластиком. Настоящий. Не плод моего воображения.

Осматриваю коридор. Пугающе тихо.

Откуда он взялся?!

Прежде чем уснуть, я положила мячик у кро-

вати. Утром его там не оказалось. Я искала, но ничего не нашла. Неужели он мне приснился? Или я окончательно тронулась умом? Пасмурно, на небе серые тучи, но ветер стих. Похоже, скоро будет дождь, так что спешу надеть спортивные штаны, кофту с длинным рукавом и кроссовки. Люблю утренние прогулки перед дождем — воздух свежий и прохладный.

Выхожу из спальни, Боуи за мной. Дверь в комнату Хадсона приоткрыта. Слышала, как он вернулся ночью, примерно в три. Может, это он взял мячик? Вряд ли, но не могу себя удержать. Надо проверить. Пока не уверена, был ли мячик на самом деле, но отчаянно пытаюсь себя в этом убедить.

Давлю на дверь ладонью, она открывается со скрипом. За спиной Боуи бросился вниз по лестнице — хочет на прогулку. Да, Хадсон в комнате, спит. Лежит на спине, руки за головой.

Мячика не видно. Встав на цыпочки, пытаюсь разглядеть, что там с другой стороны кровати, но я недостаточно высокая. Иду тихо, проверяя каждый уголок комнаты. На Хадсоне нет футболки, мне наконец-то удается рассмотреть татуировку на руке — он как раз задрал ее вверх. Вокруг бицепса написано слово, но оно на другом языке,

так что смысла я не понимаю.

У меня перехватывает дыхание. Под татуировкой размером с кулак синяк темно-фиолетового цвета. Всматриваясь, подхожу ближе, на лице замечаю свежую царапину, кожа вокруг нее опухла и покраснела, за бородой линии почти не видно. Он что, подрался?

Вытащив руки из-под головы, Хадсон потягивается и переворачивается в мою сторону.

Перестаю дышать. Не желая, чтобы взрослый сын увидел, как я без спроса зашла к нему в комнату, медленно отхожу назад. Сильно далеко уйти не успеваю — он хватает меня за руку. Сдерживаю испуганный крик.

— Нет, — бормочет он сонным голосом. — Не уходи.

Оглядываюсь на него. Руку он сжал сильнее, но глаза все еще закрыты, дышит глубоко.

— Все в порядке, — говорю я, разжимая его кисть. Освободив руку, ухожу на цыпочках.

— Я не хотел, — шепчет он, когда я оказываюсь в дверях.

Резко останавливаюсь.

— Извини, — говорит он так тихо, что я не понимаю: сказал ли он и вправду, или же это мое воображение.

Собираюсь закрыть дверь, тянусь к ручке, но тут экран его телефона загорается. Сама того не желая, наклоняюсь и смотрю. Из «Фейсбука»[5] пришло уведомление. Кто-то прокомментировал публикацию. Мне стало неприятно. Хадсон никогда не принимал мой запрос на добавление в друзья. Я стала сидеть в «Фейсбуке», только чтобы следить за детьми, особенно за сыном (Кендра выкладывала лишь медицинские статьи). Я не раз спрашивала у Хадсона почему. Его постоянный ответ: в социальной сети он почти не сидит. Я верила этому, потому что знала: он нечасто пользуется компьютером и телефоном. Но похоже, сейчас он заходит туда чаще.

Взгляд зацепился за сообщение выше.

Я невольно прочла: «Бро, перестань мне написывать, иначе я тебя заблокирую».

Отправитель подписан как «Блонди».

Пришло еще одно уведомление.

Хадсон зашевелился, он словно дернулся в испуге. Захлопнув дверь, быстро спускаюсь вниз. Боуи, комок скопившейся энергии, у двери, там, где я и думала. Надеваю поводок, пес бьет меня

---

[5] Примечания: 5

Социальная сеть «Фейсбук» принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

по ноге хвостом. Только я открываю дверь, как Боуи побежал по ступенькам, едва не слетаю за ним кубарем.

Этим утром тихо. На дороге ни машины. На улице никого. Невольно ловлю себя на мысли, что хочу перенестись в прошлое. В те времена не надо было беспокоиться, где Хадсон пропадает всю ночь, почему возвращается домой с синяками и царапинами и получает непонятные сообщения от некой Блонди. Откуда эта царапина? Вдруг он настолько напился, что просто упал? Но как тогда надо упасть, чтобы поцарапать лицо? А может, он поранился во время пробежки: зацепился за ветку или порезался об острый край. В таком случае рану я бы заметила вчера. И выглядела она подозрительно свежей.

Впереди замечаю какое-то движение. Полицейские машины. Туда-сюда ходят полицейские. Дом справа по периметру огорожен желтой лентой.

Внутри меня все опускается. Этот дом я знаю. На его почтовом ящике патриотическая наклейка, и это его Боуи больше всего любит обнюхивать, теперь же на нем развевается желтая полицейская лента. Коллега Тео говорила, что в этом доме она-то и живет.

Из соседнего двора за происходящим наблюдает

парочка в пижаме, на их лицах изображен ужас. Дергаю Боуи за поводок, чтобы он остановился.

— Что происходит? — спрашиваю я пару.

— Там труп, — ответила женщина, печально качая головой — из стороны в сторону развевается седое каре.

У меня пересохло во рту:

— Чей труп?

— Девушки, что там жила, — раздраженно ответил мужчина, словно ответ был очевиден.

Пытаюсь вспомнить ее имя.

— Молли? — еле выговорила я.

Женщина, стоящая рядом с ним, кивнула, подтвердив мою догадку.

— За ней заехала подруга — они вместе ходили на фитнес. Ну и увидела, что та мертва.

— О боже! — Я закрыла рот рукой, к горлу подступила тошнота. — Как она умерла?

— Без понятия, — покачала головой дама. — Вчера я видела ее с мужчиной. Какой-то парень с длинной бородой.

Меня накрыл ужас. *Хадсон*.

— Мало ли с кем она общалась, не будем гадать, полиция разберется, — выпалила я. «Вряд ли насильственная смерть» — пронеслось в голове. От этой мысли стало не по себе. Нет, она могла

умереть и в результате несчастного случая… Патология сердца, о которой никто не знал. Болезнь. Суицид. Да все что угодно!

Уж я-то знаю.

— Вы правы, — встревает мужчина, выражение его лица немного меняется: с задумчивого на осуждающий. — К ней толпы парней ходили. — В голосе слышатся нотки ревности и отвращения, мне это хорошо знакомо.

Так же говорили и обо мне.

Ее постоянно нет дома. Все время в своих клубах пропадает.

Должно быть, интересно играть в группе, где одни парни. Мой муж бы не разрешил.

С болью вспомнила, как относились ко мне. Да какая разница, сколько у нее было парней? Не буду участвовать в этих сплетнях. Годами ранее, когда дружба с Лесли рухнула, для себя решила больше никогда в жизни не поливать людей грязью за их спинами. Это нечестно, да и заканчивается обычно плохо.

Не сказав ни слова, потянула Боуи за поводок и повела в обратную сторону.

Подходя к дому заметила, что Лесли стоит на крыльце с чашкой чая в руках.

Иду не быстро, но сердце в груди все равно

колотится, не хватает воздуха. Сейчас меньше всего хочется видеть ее. Она смотрит на меня испепеляющим взглядом.

Тяжело сглотнув, отворачиваюсь и иду к своей двери.

Как я закрыла дверь в комнату сына, так ее никто и не открывал, Хадсон все еще спит. Зайдя к себе в спальню, слышу, как он, периодически похрапывая, глубоко дышит. Думаю о сообщении, синяке и царапине.

Он вернулся домой в три часа ночи.

Мам, похоже, я сильно влип.

В каком часу умерла Молли?

Я потрясла головой и попыталась отогнать мысли в сторону. Ночью он встречался с друзьями. Не с девушкой. Он видел Молли всего раз, вместе с нами. Но вдруг Хадсон и был тем самым мужчиной, о котором говорила дама. Но опять же, она в возрасте. Как и у меня, у нее проблемы с памятью.

Почему я вообще об этом думаю? Во всем виновата Лесли. Это все ее слежка и пристальный взгляд.

То, что произошло с Молли, ужасно, никто не спорит, но Хадсон тут ни при чем. И с тем, что случилось с Хезер, он никак не связан.

Глава 9

— Давай где-нибудь поужинаем? Я ужасно голодная, — предложила я в воскресенье вечером, увидев на кухне Хадсона: он доставал из холодильника бутылку воды. Проспал почти весь день. Проснувшись, он все время просидел в комнате. Слышала, что смотрит телевизор.

На улице я пересадила пару суккулентов, поиграла с Боуи, а потом сходила в душ. Кончики волос все еще мокрые.

— Давай, я тоже, — ответил Хадсон, открывая бутылку. — Только переоденусь, подожди пару минут.

На нем до сих пор теплые пижамные штаны и футболка. Когда он пьет воду, замечаю, что синяк на руке стал ярче. При ярком кухонном свете царапина на лице выглядит еще хуже.

— Что это? — спросила я, показывая на руку, встав у него на пути.

— Ну вот, — он закатил глаза. — Надо сказать спасибо парню из бара.

— Ты дрался? — Меня поразило, как недружелюбно он говорит.

Пожал плечами, словно ничего серьезного не произошло.

— С кем не бывает. — Хадсон обошел меня и пошел наверх.

Пока он поднимался, Боуи, что лежал на полу, навострил уши. Он резко проснулся, вскочил и с лаем побежал к окну.

— Дружок, что такое? — я пошла за ним.

В своем дворе Лесли разговаривала с двумя людьми. Приглядевшись, я увидела, что это Бет и Алекс, семейная пара, их дом от нее справа. В районе они новенькие. Живут тут около трех лет. У них маленькие дети — думаю, им около тридцати, хотя сама я говорила с ними лишь пару раз. Лесли вцепилась в них намного раньше, поэтому их первоначальное дружелюбие перешло в настороженность.

Мне все хорошо было видно: в основном говорила Лесли, что неудивительно. На каждом слове она дергала руками, словно изъяснялась жестами. Вдруг ее рука замерла, указательный палец показывал прямо на меня. Три головы повернулись в мою сторону. Сложилось ощущение, что я на каком-то шоу: окно — сцена, лампа в углу — прожектор. Покрывшись пунцовыми пятнами, отошла от окна.

— Боуи, пойдем, — говорю я немного трясущимся голосом.

Полицейский уставился на меня, в его взгляде читается обвинение.

Меня переполняет страх, внимательно подбираю слова. Но никакая ложь в мире не снимет с меня вину, не сотрет то, в чем меня уличают.

Хадсон спускается на первый этаж, он все в той же футболке, но теперь вместо пижамных штанов джинсы. Прическа выглядит опрятнее: он только что причесался и нанес гель.

— Готова?

— Ага. Сядешь за руль? — спросила я. Темнеет, а я вижу не так хорошо, как раньше, особенно ночью.

— Конечно, — ответил он.

С улицы доносится разговор. Выглядываю в окно и со спокойной душой замечаю, что все трое разошлись по домам. Видимо, сеанс сплетен окончен!

— Давай поедем на твоей машине? Моя грязная.

— Так помой ее, — ворчливо замечаю я.

— Когда-нибудь помою, — шутливо отвечает он.

Достаю из сумки ключи.

— Ладно, поехали на моей.

Берет ключи, садится в машину и выезжает из гаража.

— Куда едем?

— Как насчет итальянского ресторана «Паезанос».

— Раз хочешь, поехали. — Хадсон включил поворотник.

Сажусь в машину, в руках сумочка. Думаю о том, что закажу. Часто беру пасту карбонара, но сегодня хочу тортеллини.

Мои мысли прервала желтая полоска. Проезжаем дом Молли. Выпрямившись, показываю на полицейскую ленту:

— Помнишь девушку, с которой нас познакомил Тео? Это ее дом.

Сбросив скорость, он удивленно осмотрелся:

— Тот, что огорожен желтой лентой?

Я киваю и жду хоть какое-то упоминание о том, что они виделись после пятницы. Устроил ли им Тео встречу, как и обещал?

Хадсон только спросил:

— А что случилось?

— Она умерла, — прошептала я, не зная почему.

Мы поехали дальше, желтая лента потерялась

из виду.

— Это правда?

Я снова киваю.

— Как?

— Не знаю, — ответила я. — Этим утром подруга нашла ее мертвой.

— Какой ужас!

В машине воцарилась тишина, будто никто из нас не знает, что сказать.

Смерть на это способна. Окунуть в молчанье.

С облегчением замечаю, что мы уже на парковке.

В «Паезаносе» нас посадили за высокий столик у окна. Сегодня снова жарко. Как хорошо, что над нами работает кондиционер. Полно народу, все столики заняты. Слышится смех, разговоры, звон посуды. Горит приглушенный свет.

— Бывал здесь с друзьями, но что приду сюда с тобой — никогда бы не подумал! — громко сказал Хадсон, рассматривая в руках красочное меню.

— Да, твой отец не особо любил ходить по кафе, — объяснила я, закрывая меню и кладя его на стол. Уже решила, что закажу тортеллини. — Но с Сюзанной мы частенько здесь бывали.

— Сюзанна, — улыбнулся Хадсон, он наверняка вспомнил забавный случай. О ней всегда говорят

с улыбкой на лице. — Как она поживает?

— Очень даже хорошо. У Сюзанны все по-прежнему.

Принесли напитки, вскоре подошла официантка и приняла заказ.

— Держит бар? — спросил Хадсон, когда официантка ушла. Он подносит запотевший стакан пива к губам, на бороде и усах остается пена.

— Ну еще бы. И собирается работать так до конца своих дней, — говорю я и с ужасом думаю о Молли. Чем она там занималась при жизни? Пальцами стучу по ножке бокала.

— Сто лет там не был. Что-нибудь изменилось?

Сделав глоток вина, я поставила бокал на стол и пожала плечами:

— Не знаю. Тоже давно там не была.

— А почему? — спросил он. — Ты же постоянно зависала в баре.

— Ты прав, но когда? Когда выступала с группой, — заметила я. — Теперь этот бар напоминает мне о том, чего не вернуть.

Когда Даррену поставили диагноз, я ухаживала за ним дома и редко уходила по вечерам. Он уволился, ему назначили пенсию. Помимо этого, я продолжала получать роялти с написанных мною песен. Так что выходить на работу мне не

пришлось.

Даррен умер. Спустя пару месяцев я раз или два приходила к Сюзанне в бар. Но там было грустно. Слишком много воспоминаний. А с Сюзанной мы и так постоянно вместе завтракали и обедали, говорили по телефону. Пообщаться с ней я могла и вне бара.

Были времена, когда я пропадала почти каждую ночь. Это позже я стала домоседкой.

— Туда стоит сходить, — вдруг предложил Хадсон.

Я посмотрела на него с любопытством.

— Думаешь?

— Да-да, мне и тебе, — он показал сначала на меня, потом на себя. — Стоит туда сходить.

— Пойти в бар с матерью? Шутишь?

— Нет, я серьезно.

Официантка вернулась с заказом. Поблагодарив ее, беру вилку и втыкаю в пасту, от которой идет пар. Хадсон принимается за пиццу.

Проглотив кусок, вытирает рот салфеткой.

— Пойдем сегодня.

— Что? — Наверное, ослышалась. Рот прикрыт салфеткой, не пойму, что он сказал.

— Все, доедаем и идем, — отрезал он, будто уже принял решение.

— Не знаю… — Опускаю ногу, что была закинута на другую, и начинаю нервно стучать носками туфель о пол.

— Давай, будет огонь.

Огонь?!

— Не уверена…

Он рассмеялся.

— Мам, тебе стоит немного взбодриться.

Отказаться? Не хочу, чтобы с его лица пропала широкая улыбка. Боюсь испортить вечер. Впервые за долгое время он проводит его не с друзьями. Со мной, и только со мной.

— Ладно, но домой вернемся не поздно. — Нужна хотя бы видимость контроля. Мне известно, как Хадсон засиживается допоздна.

— Согласен. Мне завтра рано на работу.

Смотрю Хадсону поверх плеча. В ресторан вошла семья. Маленькая девочка говорит громко, ее губки двигаются быстро, она напоминает мне Кендру, которая научилась говорить очень рано. Выражение лица мамы мне знакомо: ей вроде и интересно, но она уже устала. Мыслями возвращаюсь к нашему столику. Наклонившись над тарелкой, Хадсон ест еще один огромный кусок пиццы.

Надо что-то сказать, так ведь? Или что-нибудь

спросить? О чем мы говорили?

Пытаюсь вспомнить, но в голове пустота.

Вздохнув, жую пасту. Приятный сливочный соус, насыщенный вкус.

— Ну что, едем?

— Куда? — проглотив, спросила я.

— В «Таверну».

Точно, мы говорили о том, чтобы заглянуть в «Таверну полной луны».

— А как же, — отвечаю я, хотя все еще не уверена.

Хадсон вырулил на парковку, я крепче сжала дверную ручку. Он встал на пустое место. Тут же в дальнем углу, рядом со служебным входом в бар, замечаю бледно-зеленый пикап Сюзанны. Нахлынули воспоминания: вон она я, после концерта помогаю ребятам загрузить оборудование в фургон. Сижу на носу пикапа Сюзанны, курю сигарету, дым рассеивается в черном ночном небе. Сюзанна развлекает меня историями про странные заказы посетителей, я смеюсь. Подтрунивая друг над другом, парни хохочут и шутят, идем к машинам. Хлопаем друг друга по спине: «Сегодня хорошо отыграли». Перемигивания. Улыбки. Палец вверх.

И Мак. Всегда был Мак.

Он провожал меня до машины. Шептал на ухо.

Потом уверенным шагом шел к своей машине, один.

И он был живым. Таким живым.

Заглушив мотор, Хадсон открыл дверцу. В салон ворвался теплый вечерний воздух, знакомый запах. Запах далекого прошлого. Сжимаю ручку еще крепче — и как я на это согласилась? Поехали бы домой, в тепло, к вину и к Боуи.

В дверях появляется парочка, девушка немного пошатывается, парень взял ее под руку, придерживает за плечо. Тяжело сглатываю. Зря мы сюда приехали.

В окне появляется Хадсон, он кивает в сторону бара и вопросительно на меня смотрит. Выглянув в огромное окно, вижу все тот же вход в бар, что я помню. Мореная древесина и большая светящаяся вывеска. Чувствую себя глупо. Сделав вдох, отпускаю руку. Хадсон открывает дверцу снаружи.

— Все в порядке? — спрашивает он.

— Да. — Вылезаю из машины и вслед за Хадсоном захожу в бар.

Внутри пусто. А чего я еще ожидала в вечер воскресенья? Никто не выступает. Вместо этого в колонках радио. Похоже, песни восьмидесятых.

Когда мы тут играли, было не пройти. Везде толпились люди, все пили, пивом и потом пахло так сильно, что у меня болела голова.

Но если не обращать внимания на безлюдность, ничего не поменялось. Все та же барная стойка из красного дерева, те же черные липкие стулья, барные столики, сбоку установлена сцена. То же тусклое освещение и неоновая вывеска, мигающая в окне.

— Валери! — из-за барной стойки к нам подлетела Сюзанна, звеня, словно музыка ветра. — И Хадсон тут? — Она обняла нас обоих. — Почему вы не сказали, что придете?

— Мы не планировали.

— Это я ее уговорил, — подмигнул Хадсон.

Улыбнувшись, Сюзанна кивнула с понимающим видом.

— Охотно верю. Я пыталась затащить ее сюда не один год. — Она оглянулась, на лице показались нотки сожаления: — Сегодня никто не выступает.

Я махнула рукой.

— Ничего страшного.

В ее глазах появился озорной блеск, она взмах-

нула рукой, как Ванна Уайт[6].

— Может, хочешь спеть пару песен?

— Нет, — покачала я головой.

— Давай, — поиграла она бровями.

Тогда я зашла с другой стороны.

— У меня даже нет музыкального инструмента.

— Могу включить караоке.

— Ну же, мам. Спой! — подталкивает меня рукой Хадсон, но по его голосу непонятно — шутит он или нет.

В любом случае ни за что не соглашусь.

— Тебе надо спеть. Показать, как это делают профессионалы. — Мак кивнул в сторону сцены, где надрывалась пожилая дама в коротком топе и кожаной мини-юбке.

— Не думаю. — Я водила трубочкой в стакане, туда-сюда.

— Давай, уверен, ты всех порвешь.

— Ну не знаю. — Сделала глоток мартини. — Никогда так не пела.

— Ты никогда не пела в караоке?! — На моем бедре лежит рука, я очень хочу его, но пытаюсь

---

[6] Примечания: 6

Ванна Уайт — актриса, ведущая американского телевизионного шоу «Колесо фортуны», где участники отгадывают слово.

этого не показывать. Стараюсь не думать о том, как давно моего бедра не касалась рука Даррена. Стараюсь вообще о нем не думать.

— В караоке поют ради веселья и смеха, — я улыбнулась. — Ночью с друзьями, после нескольких бокалов. Тут не надо сильно напрягаться и играть на публику.

Откинувшись на спинку, Мак начал осматривать меня, словно оценивая.

«Ну что, сколько стою?» — порой мне хотелось спросить, когда ловила этот взгляд.

Он подался чуть вперед, рука скользнула выше. На лице появилась легкая улыбка:

— А что, если споем вместе? Давай! Повеселимся.

Его пальцы очутились под юбкой — внизу живота почувствовала покалывание.

— Караоке не для меня.

— Но у тебя хорошо выходит, — улыбнулась Сюзанна. — Помню, вы с Маком пели из «Бриолини». — Она начала щелкать пальцами, унизанными кольцами. — Как же ее?

— «Именно ты мне нужна», — промямлила я, чувствуя на себе взгляд Хадсона.

Лишь Маку удавалось подбить меня на караоке.

— Точно! — Перестав щелкать, она всплеснула руками. — Вы классно отжигали.

— Спасибо, — я тихонько рассмеялась. — Лучше чего-нибудь выпьем. Мы ненадолго.

— Да. Конечно. — Повернувшись, Сюзанна положила мне руку на плечо и аккуратно повела к барной стойке. — Садитесь тут, а я за Джерри.

Джерри — муж Сюзанны — отвечал за бар со дня открытия. Я так рада, что все осталось по-прежнему.

Уселась на высокий стул. Сюзанна прокричала:

— Ты так же любишь сангрию? Потому что Джерри приготовил сегодня просто чумовую сангрию. Ты должна попробовать.

Я усмехнулась. Уже и забыла, насколько Сюзанна здесь в своей тарелке.

— Звучит заманчиво.

— Кхм… — Хадсон поднял правую руку, словно школьник. — Мне, пожалуйста, индийский пейл-эль.

— Хорошо, на кранах у нас есть двойной, есть нефильтрованный.

— Буду нефильтрованный.

— Супер! Пойду скажу Джерри. — Она умчалась от нас, настоящий ураган звенящих браслетов,

ароматов и струящейся одежды.

— Ну что? Рада, что мы пришли? — Пододвинув стул, Хадсон сел, облокотился на стойку.

— Рада, очень рада. — Оглядываюсь, смотрю на редких посетителей: кто-то сидит за столом, кто-то стоит у стены, пару человек за барной стойкой. Никого не знаю, но они кажутся такими знакомыми. Это мои люди. Те, с кем на протяжении долгих лет вместе проводила большую часть вечеров и выходных.

Этот бар для меня как второй дом.

Но как же все было давно.

— Валери Якобс! — раздался голос Джерри.

Он постарел. Волосы поредели, на макушке появилась лысина. Помню его густую длинную шевелюру. Он ее завязывал в хвостик… Этот хвостик Сюзанна любила накручивать на палец. Множество морщинок прорезают лицо: от глаз и до уголков рта. Кожа на носу-картошке чуть фиолетовая. Но улыбка все такая же широкая, взгляд все такой же дружелюбный.

— Джерри, привет! — говорю я, он идет в нашу сторону. — Как поживаешь?

— Не жалуюсь.

С улыбкой на лице думаю, что его немногословность никуда не делась. Ставит мне стакан,

наполненный бордовой жидкостью, сверху плавают свежие фрукты.

— Выглядит аппетитно, — замечаю я.

Прищурился, смотрит на меня какое-то время. Потом говорит:

— Как же так, ни капельки не постарела?

Его любовь к лести тоже никуда не пропала.

— Хадсон, по-моему, он напрашивается на чаевые, — посматривая на сына, шучу я.

— И в мыслях не было! — он делает удивленные глаза. — Да это же малыш Хадсон!

— Что, я тоже ни капельки не постарел? — подколол его Хадсон, и в эту секунду я поняла, почему все-таки согласилась пойти с ним в бар. С сыном я чувствую себя уверенно, спокойно.

— Нет, ты-то уж точно постарел, — ответил Джерри. — Когда я видел тебя в последний раз, ты сидел за стойкой и делал домашку, а твоя мама занималась саундчеком.

Он ставит на стойку запотевший стакан — пиво пенится по краям — и толкает его в сторону Хадсону.

Поймав, тот подносит пиво ко рту.

— Хвала небесам, то время прошло. — И делает большой глоток.

Парочка напротив позвала Джерри. Смех де-

вушки громкий и высокий, словно электрогитара визжит. Она точно считает парня безумно остроумным — все время, что мы тут, она смеется не переставая. Когда мы выступали, всегда находились такие дамочки. Их заливистые смешки слышно даже сквозь музыку.

На языке чувствую сангрию, сладковатую, как сироп. Раскусываю кислую ягоду, и в горло попадает сок, после сладкого вина — контраст сильный. Вкусно, еще глоток. Следующие несколько ягод не такие кислые. Из колонок звучит «Скажи прямо» Полы Абдулы, мое тело начинает непроизвольно двигаться, нога отбивает знакомый ритм.

— Хорошая штука, согласна? — кивая на стакан, рядом садится Сюзанна.

— Угу, — мычу я с полным ртом.

— Он готовил сангрию все лето, распродавалась как горячие пирожки.

— Классно! — Делаю еще глоток, но на губы падает только лед. — Упс. Закончилось. — Ведь только что был полный стакан. По телу разлилось расслабляющее тепло, словно погрузилась в горячую ванну. Позвав Джерри, прошу налить еще.

— Понимаю, по сегодняшнему дню не скажешь, — продолжает хвастаться Сюзанна, — но в последнее время бизнес идет в гору.

— Классно! — отвечаю я.

— Ага, — она осматривается. — Воскресными вечерами почти никого, но тебе стоит заглянуть во вторник на квиз. Тут не протолкнешься.

— Квиз? — удивленно смотрю на друзей. На них не похоже.

— Это Тони предложил. Наш новый менеджер. Молодой, помогает идти в ногу со временем.

— Ах да. Вы упоминали о нем.

Когда встречаемся или болтаем с Сюзанной по телефону, она редко говорит о баре. Знает, что для меня это больная тема. Но поскольку это заведение — огромная часть ее жизни, в какой-то момент речь о нем все-таки заходит. Рассматривая зал, обращаю внимание на небольшие изменения — я их и не заметила. На первый взгляд все та же любимая Сюзанной эклектика. Но освещение новое, более современное. Даже барный стул, на котором сижу, блестит и радует глаз своей красотой. Не такой старый и ободранный, как раньше. И сцену обновили. А на дальней стенке под стеклом висит афиша с предстоящими мероприятиями.

Должно быть, дело рук нового менеджера. Теперь понятно, что это не то место, которое я знала в молодости: бар стал чем-то большим, стал луч-

ше. Не то чтобы я собиралась снова петь в этом или каком-то другом баре, но все равно грустно.

Угрюмо пью свой напиток.

Ударило в голову — сангрия дает о себе знать. Хватаюсь за край стойки, чтобы не свалиться.

Что-то укололо в большой палец, словно в кожу вонзилась заноза. Поднимаю руку. Под ней — вырезанное на дереве имя. Писал ребенок, буквы печатные. С улыбкой вспоминаю, как сгорбившись над открытым учебником по математике, с карандашом в руке, маленький Хадсон сидел за стойкой. Меня окружают звуки: ребята настраивают инструменты; чтобы их услышали среди шума подключаемых усилителей и втыкаемых проводов, перекрикиваются шутками.

Допиваю стакан. В углу целуется парочка, смотрю на них слишком долго. Девушка это замечает. Бросает на меня сердитый взгляд. Покраснев, отворачиваюсь. В дверях появляется мужчина, идет в мою сторону.

Мак.

Широко улыбаясь, он машет.

На секунду замираю. Меня охватывает ужас.

Что он тут делает?!

Прошло столько лет.

Но я беру себя в руки. Успокоившись, машу в

ответ.

— Мак! — зову его.

— Золотце, что такое? — На руке чувствую теплые пальцы Сюзанны.

— Мак! — говорю я, продолжая махать.

Но он глядит сквозь, будто меня не видит. Почему он на меня не смотрит?

Внутри разливается отчаяние, слезаю со стула. Спотыкаюсь и теряю равновесие, меня шатает.

— Мама! — Хадсон тут же хватает меня.

Держит крепко, на мгновение перестаю дышать. Моргнув, снова вижу Мака. Только на этот раз ясно понимаю: это не он.

Его волосы чуть темнее. Глаза немного другие, разрез миндалевидный, более светлые. Скулы и подбородок острее.

Но главная разница в том, что этот мужчина живой. А Мак — нет.

Чувствуя себя глупо, высвобождаюсь из хватки Хадсона.

— Все нормально. Голова закружилась. — Провожу по волосам рукой. Глубоко дышу через нос. Я читала, что благодаря этому упражнению сердцебиение приходит в норму. Но сейчас не помогает. Сердце бешено стучит в груди, самое настоящее барабанное соло.

Сюзанна хлопает меня по спине.

— Я же говорила, что сангрия хороша!

— Ну да, — выдавливаю из себя слабую улыбку, но голос дрожит. Лицо у Хадсона стало задумчивым. Понимаю: мое странное поведение он заметил.

Когда Сюзанна ушла, он поймал мой взгляд.

— Мам, могу у тебя кое-что спросить?

— Спрашивай.

— Почему ты не пойдешь к врачу, у тебя же проблемы с памятью?

Пожимаю плечами:

— Потому что он мне не поможет.

— А вдруг?

Бросаю на него серьезный взгляд и отпиваю сангрию.

— Это Кендра тебя подослала?

Он качает головой.

— Понимаю, вы за меня переживаете. Когда моя мать болела, мне тоже было не все равно, и я заставила ее пойти к врачу. Но он никак не помог.

— Знаю. Но я бы на твоем месте записался на прием. — Он поднес пиво к губам и сделал большой глоток.

Моя голова словно шарик, наполненный гелием, его отпустили и теперь он парит под

потолком.

— Пойду в туалет, — пробормотала я и быстро скрылась от любопытных глаз Хадсона. Но макушкой чувствую, как он прожигает меня взглядом.

В туалете включаю холодную воду, мочу руки и подношу их к щекам. Вглядываясь в отражение и позади себя вижу Мака, темными глазами он рассматривает мое тело. Подошел ближе, дышит мне прямо в шею, по коже проносится тепло его дыхания. Руки скользят по спине, нащупывают застежку лифчика. Втянув носом воздух, зажмуриваю глаза.

А когда открываю, Мака из воспоминаний нет. Позади меня девушка в узких джинсах и обтягивающем топе, идет в кабинку. Выдохнув, сушу руки. Попытавшись успокоиться, возвращаюсь в зал.

В углу вокруг круглого стола собралась толпа девушек, Сюзанна с ними. Прохожу мимо и, почти дойдя до стойки, резко останавливаюсь. Хадсон с кем-то разговаривает. Со спины непонятно кто это.

— … с той девушкой прошлой ночью? — улавливаю конец вопроса. Он адресован Хадсону.

— Какой такой девушкой? — любопытство взя-

ло надо мной верх.

— Э-м, здрасте, миссис Якобс, — говорит парень, у него глубоко посаженные глаза, волосы взлохмачены.

— Мам, помнишь Браунинга? — указывает Хадсон на друга.

— Да, конечно. — И как я могла не узнать этого мальчугана? Вечно они с Хадсоном попадут в какую-нибудь передрягу. Каждый раз, когда звонил директор, я могла с точностью сказать: без Джареда Браунинга тут не обошлось. — Привет, Джаред.

С трудом забравшись на стул, говорю:

— Расскажи мне все о той девушке. Я даже и не знала, что у Хадсона кто-то есть.

Увидев недовольное лицо сына, я поняла: он надеялся, что вопрос друга я забуду. И его надежде есть объяснение. Но я слишком заинтересовалась их разговором.

— Я ни с кем не встречаюсь, — Хадсон чуть кивнул головой в сторону Джареда.

— Чувак, ты же провел с ней ночь, — сказал Браунинг, явно не понимая намека. — С той, что мы встретили в баре «Мидтаун». Как ее звали? Холли вроде?

Холли… Молли! Меня бросило в жар. Прошлой

ночью Хадсон был с Молли!

Ночью, когда она умерла…

Лицо Хадсона покраснело. Может, из-за алкоголя, может, из-за духоты, а может, из-за чего-то еще.

— Ничего не было, — сказал он скорее мне, чем Джареду. — Мы с ней случайно пересеклись в баре.

— Я бы это назвал по-другому, — подмигнул Джаред.

Мне стало нехорошо, и на этот раз не из-за сангрии.

— Это было до или после драки? — смеясь, спросила я, чтобы вопрос не выглядел запланированным.

— Драки? — не понимая, Джаред взглянул на Хадсона.

— Ты тогда был в туалете, — сказал Хадсон. — Да неважно.

Потом он поймал мой взгляд.

— Пора домой. — Он перевел взгляд на друга. — Завтра рано вставать.

— Точно. Работа, — ответил Джаред. — Не подведи меня там, друг. Головой за тебя отвечаю.

— Не подведу. — Хадсон похлопал Джареда по спине, а потом посмотрел на меня: — Готова?

— Да. — Заглянув под стойку, сняла с крючка сумку и встала. Попрощавшись с Джаредом, пошла к Джерри и Сюзанне. Пробираясь между столами, думаю: все здесь вроде знакомое, но как будто чужое. Все, даже Хадсон.

Глава 10

Голова раскалывается, во рту сухо, как в пустыне. Чертова сангрия. Потирая виски, сажусь в кровати. Слышу, как в комнате Хадсона что-то падает, летает, он ругается, тяжело вздыхая. Осторожно встав с кровати, я вышла из спальни и побрела в коридор. Дверь в комнату сына открыта, он на полу, что-то ищет под кроватью.

— Что-то случилось?

Вскочив, он стукнулся головой о край кровати.

— Ай! — Сев на постель, он растирает ушиб. — Ага, не могу найти пропуск на парковку.

— Такая карточка на брелоке? — Представляю, как она выглядит, и вспоминаю, не видела ли ее в доме. Это небольшой прямоугольник черного цвета, с одной стороны штрихкод.

Задумавшись, он начал грызть щеку изнутри.

— Я везде смотрел.

— Помочь с поисками? — В глубине души надеюсь, что он откажется. Голова болит все сильнее. Думала, он уже ушел. Надеялась, что смогу насладиться утренней тишиной в доме.

— Не-а, — он внял моему внутреннему жела-

нию. Взявшись за край кровати, он встал и провел пальцами по волосам. — Опаздываю. Придется парковаться в другом месте.

Взяв ключи с комода, он попрощался и бегом пошел к выходу. Спускаясь на кухню, замечаю на лестнице и в прихожей кусочки серой глины. Хадсон оставляет их постоянно, с самого первого дня, как вернулся с работы. «Вот бы он за собой убирал», — с горечью думаю я, наливая себе большой стакан воды и запивая обезболивающее.

Ну наконец-то в доме тишина! Не спеша поднимаюсь наверх со стаканом воды, мечтая о долгом горячем душе.

Когда я была в ванной и собиралась включить воду, на тумбочке зазвонил телефон.

Это Сюзанна. Точно звонит по поводу вчерашнего вечера, отвечать не хочу. Оттягиваю неизбежное.

— Привет, — усевшись на край кровати, я прижала трубку к уху.

— Привет, красотка, — раздался хрипловатый голос Сюзанны. — Как ты?

— Могло быть и лучше, — честно признаюсь.

— Охотно верю, — смеется она.

Захотелось разделить ее смех, но не решаюсь. Голова все еще болит.

После небольшой паузы Сюзанна сказала:

— Просто хотела узнать, как ты. Убедиться, что все в порядке.

— Не умру, — пожав плечами, ответила я. — Не в первый раз с похмелья и думаю, что не в последний.

— Да, это точно, — еще одна усмешка. Но я понимаю, что думает она о чем-то другом.

Мне стало не по себе.

— Ты… Ты точно уверена, что все в порядке?

— О чем ты? — Грызу ноготь.

— Просто вчера ты вела себя странно… — она резко замолкает, словно хотела сказать что-то еще, но передумала.

— Неужели? — Сжимаю переносицу. — Ну, я тебе уже сказала, что с алкоголем переборщила.

— Просто… Как бы… — Она замолчала. — Ты точно видела Мака?

Меня бросило в жар.

— А, ты об этом, нет. Зашел мужчина, очень на него похожий, и на долю секунды меня отбросило в прошлое.

— Со стороны выглядело иначе, — сказала Сюзанна.

Вот почему я не хотела отвечать на ее звонок.

— Может, тебе об этом с кем-то поговорить? —

продолжила Сюзанна, прежде чем я успела что-то сказать в свое оправдание.

— С психологом?

— В этом нет ничего такого.

— Знаю, — сказала я. — К одному уже ходила.

— Ты говорила с ним о смерти Мака?

— Просто упоминала.

— Тебе бы с кем-то это обсудить, думаю, станет легче.

— Не знаю, Сюзанна. Десять лет прошло.

— Вот именно. — Эти простые слова задели меня за живое.

Нет, ей не понять. Как и многим другим.

— Сюзанна, не волнуйся.

Не представляю, каково это — сидеть в кабинете психолога и заново переживать ту жуткую ночь. Пересказывать то, что видела. То, что делал он. То, что делала я. Даже спустя столько лет рана все еще не зажила, она кровоточит и болит.

Эту сцену, словно кадры из фильма, что крутят под моими веками, вижу по ночам, когда лежу в кровати. Воспоминание такое четкое и яркое, будто происходило вчера.

Порой я думаю: мои настоящие воспоминания — все то, что было у нас с Маком. Да, я связала жизнь с Дарреном — брак, семья. Но все это

меркнет на фоне воспоминаний о Маке, кажется каким-то наду-манным.

Увидев его впервые, влюбилась сразу. Знаю, это неправильно. Но ничего не поделать. Он не выходил у меня из головы. Запал, как песня из рекламы. Стыдно признать, что глупая мелодия тебе нравится. И каждый раз, заслышав ее по радио, не можешь удержаться: танцуешь и под-певаешь.

Мак был хорош собой, к нему тянуло, но почему — не объяснить. Красавцем его не назовешь. Низ лица слишком резкий, брови густые (над левой — небольшой шрам), глаза темные, нос крупный. И почему-то все это складывалось в одну при-влекательную картинку. И она завораживала не только меня. После каждого выступления его облепляла толпа девушек.

Мало кто из женщин мог устоять.

Когда мы стали выступать, был только флирт. Я решила, что в этом нет ничего страшного, это естественно, никто никого не предает. Но в глубине души я знала, что это неправда. Все к чему-то идет. И если бы я была честна с собой с самого начала, то признала, что этого и хочу.

Все границы мы перешли спустя два года. Это случилось после концерта. Владелец бара, распла-

чиваясь с нами, не переставал хлопать и сыпать комплиментами — мы были безумно счастливы. На стоянке я попрощалась с парнями и пошла к машине. Когда уже почти села, подбежал Мак.

— Валери, ты обронила. — Он держал блестящий браслет.

Я взглянула на запястье, потом на браслет.

— Это не мой.

— Да? А я думал твой, похож.

Я рассмеялась:

— Нет, совсем не похож. В самом страшном сне не надела бы такое. Слишком уж блестящий.

— Но ты же любишь блестяшки.

— Поправочка: я люблю блеск. Дорогие камни. Алмазы. Но не дешевые блестяшки.

На его лице появилась растерянная улыбка.

— Я понял. Малышка не марионетка, блестяшки эти брось. — Улыбка исчезла, вернулась глубокая задумчивость. Он провел рукой по подбородку: — Вот и слова для песни. Никак не могу дописать.

Я рассмеялась. Знаю, о какой песне он говорит. Мы долго над ней сидели, она о девушке, что бросает парня и ищет настоящую любовь.

— Малышка не марионетка, любовь свою найдет. Блестяшки брось, на них не купишь, — напел он.

— Мне нравится, — помедлив, сказала я и повторила последние слова: — Любовь свою найдет. Блестяшки брось, на них не купишь любви упавший плод.

Какое-то время он молчал.

— Похожая строчка у нас уже есть.

Я закусила губу.

— Наверно. Все слова сразу так не вспомню.

— Они у меня дома. Поехали ко мне? Добьем эту песню. — Он ничего такого не имел в виду, говорил о работе. Мы с Маком часто сочиняли песни вместе, выходило очень хорошо. Но никогда — поздно ночью после концерта.

— Что, сейчас?

— А почему нет? У нас вдохновение, самое время сочинять. — Он облокотился на машину так близко, что я почувствовала его теплое дыхание.

Мак прав. Над этой песней мы сидим уже долго, но я знаю, что зовет он меня не поэтому. Правда читается в его взгляде: он смотрит на меня с вожделением. Вожделение ощущалось и в том, как наклонил плечо и едва заметно провел по мне пальцами.

Тяжело сглотнув, я кивнула:

— Давай, хорошая идея.

— Узнаю свою малышку, — оттолкнувшись,

он подмигнул мне и уверенным шагом пошел к машине.

Сев за руль, я думала позвонить Даррену и сказать, что задержусь, но решила этого не делать. Должно быть, он уже лег, а если и нет, то я не хотела расспросов. По крайней мере нашла себе такие отговорки. Но я знала: услышь голос Даррена, повернула бы домой.

А я не хотела домой.

Первые несколько минут я, как и полагалось музыкантам, села на скамейку перед фортепиано и пролистала блокнот с песнями. Но вдруг он сел рядом. Так близко, что я почувствовала его бедро. Он опустил руку и положил ладонь мне на голую ногу. По коже побежали мурашки.

— Люблю, когда ты надеваешь эту юбку.

— Знаю, — ответила я. — Поэтому и надеваю.

Даррен ненавидел эту юбку. Говорил, что она слишком короткая. Что пока я пою, под нее заглядывают мужчины. Но Мак мне всегда делал комплименты.

— Правда? Только ради меня? — с долей иронии произнес он, я поняла: он не знает точно, шучу ли я.

Повернулась, глядя на него серьезно:

— Да, Мак, ради тебя.

Его рука поднялась по бедру выше. Напрашиваясь на продолжение, я прижалась к нему.

Этого было достаточно. Он поднял вторую руку и взял меня за подбородок. Впился в меня губами, его поцелуй был жадный. Ненасытный.

Мы не пошли в спальню. Я села на него прямо здесь, на скамейке. Позже мы часто шутили о том, как все удачно сложилось: на этом самом месте мы нередко творили чудеса, только в другом смысле.

Я могла свести все на нет в любую секунду. Поставить точку. Включить тормоза.

Но мне совсем не хотелось этого.

— Ладно, прости, — тихо сказала Сюзанна, вернув меня к нашему разговору, о том, что мне нужно с кем-то поговорить. — Зря я влезла. Звонила убедиться, что все в порядке.

— Все в порядке, — заверила я ее, хотя это была неправда — не хотела огорчать Сюзанну. Мне и так во многом помогает Кендра, а теперь и Хадсон. Не стоит ее впутывать в свои заботы.

Сбросив звонок, я сделала еще глоток воды, оглянулась и попыталась вспомнить, зачем пришла сюда. Взгляд упал на незаправленную кровать. Задумчиво ее заправляю. Беру в руки край одеяла и понимаю, что не это я собиралась

делать, когда позвонила Сюзанна. Надеясь, что машинальное действие поможет мне вспомнить, я привела постель в порядок.

Не помогло.

Как бы ни хотелось это признавать, да, знаю: мне становится хуже.

Спускаюсь на первый этаж и, налив кружку чая, плетусь в гостиную. В углу, около эркера, стоит фортепьяно. В утренних лучах солнца сильнее видна пыль. Стоит тут нетронутый. Не помню, когда в последний раз садилась за него и играла.

Так много грустных воспоминаний с ним связано.

Но после утреннего разговора с Сюзанной мне захотелось поиграть. Поставив кружку на столик, я подошла к инструменту. Подняв крышку, увидела клавиши из слоновой кости. Кладу на них руки, на ногтях сверкает красный лак — до сих пор каждые две недели хожу на маникюр. Кожа на руках иссохлась, покрылась старческими пятнами, вся в голубоватых венах.

Выбираю песню, которую знаю наизусть. На ум приходит одна из любимых. Называется «Сердце в небесах», написали ее вместе с Маком больше пятнадцати лет назад. Играю первый куплет и припев. Фортепиано расстроено, я хриплю — дав-

но не занималась. Но для меня сейчас это не имеет значения. Закрыв глаза, представляю, что играю вместе с группой. Чувствую ритм под ногами, энергию от публики. Дойдя до проигрыша, останавливаюсь, пальцы зависли над клавишами. Всеми силами пытаюсь вспомнить продолжение, но аккорды не помню. Словно выложилась на все сто, и сил больше не осталось.

Расстроенная, встаю и, не рассчитав силы, хлопаю крышкой.

Потом думаю о предложении Хадсона записаться к врачу. Если есть хоть какая-то возможность, что мне помогут, то почему бы ею не воспользоваться. Так ведь?

Открываю контакты, нахожу доктора Штайнера, звоню ему.

Поворачиваю на улицу, где стоит дом Молли, и первое, что вижу — машину с логотипом новостного канала. Думаю вернуться обратно, дергаю Боуи за поводок. Но любопытство берет верх. Журналистку видела и раньше, не помню, как ее зовут. У нас в семье новости все время смотрел Даррен, не я. Молодая такая, миловидная, со светлыми волосами. На ней костюм в черно-белую полоску, волосы уложены в высокую прическу. С микрофоном в руках она встала напротив дома

Молли, недалеко от нее оператор.

Из окон глазеют соседи. Подойдя ближе, слышу:

— … в этом тихом местечке. Следствие по делу миссис Фостер располагает фактами, которые прямо указывают на умышленное убийство.

Споткнувшись о трещину в тротуаре, резко дергаю Боуи за поводок.

— Этим утром отделение полиции в Сакраменто опубликовало обращение к населению с просьбой оказывать всяческое содействие в выяснении обстоятельств смерти. Как только узнаем что-то новое о смерти мисс Фостер, обязательно сообщим. Спасибо, что смотрели наш прямой эфир. С вами была Бетани Смит.

Смотря под ноги, иду следом за Боуи, ее слова сливаются в неразборчивый шум.

Убийство.

Слово заело в голове, как пластинка. Каждый шаг — один такт.

Убийство.

Убийство.

Убийство.

Это не несчастный случай. Не суицид и не сердечный приступ. Молли убили. Провожу пальцами по спине Боуи. Виляя хвостом, он подходит

ближе. Кладет голову мне на бедро, чувствую его тепло.

Когда Даррен умер, мне бывало страшно оставаться в огромном доме одной, особенно по ночам. Я напоминала себе, что на нашей улице всегда более-менее спокойно. Редко когда грабили дома, угоняли машины или крали с дорожки велосипеды.

Но убийство?

На моей памяти оно тут первое.

Молли я встретила всего раз. Мы не были друзьями и даже знакомыми. Но все равно тяжело осознавать, что ее нет. Страшно представить: всего неделю назад я видела ее живой и здоровой, а теперь она мертва. Я всегда тяжело переносила смерть. Многое в жизни обрывается не так резко.

Всегда есть второй шанс.

Всепрощение.

С восходом солнца приходит новый день.

Многое можно исправить.

Кроме смерти.

Если кто-то умирает, его не вернуть. Не воскресить из мертвых.

Теперь я хорошо знакома со смертью: мама, Хезер, Мак, Даррен. Мы со смертью старые подруги. Но все же, когда она приходит, я не перестаю

ужасаться.

Вместе с Боуи спешим домой, наливаю себе кофе и поджариваю хлеб.

Интересно, как убили Молли? Журналистка не сказала.

Застрелили?

Закололи?

Задушили?

Трогаю пальцами свою шею, нахожу трахею. Больше всего в жизни я боялась задохнуться. Ловить воздух ртом и не вдыхать его. Боялась быть беспомощной, до ужаса напуганной. Но страшнее всего — умирать медленно и мучительно.

От этой мысли меня охватила паника. Трясу головой. Откашливаюсь. Из тостера выстреливает хлеб — страшно пугаюсь, понимаю, что есть совсем не хочу. Отдаю тост Боуи.

Надеюсь, с Молли обошлись более гуманно. Застрелили. Безболезненно и быстро. Услышала бы я выстрел? Поняла бы, что это он? Сказали, что это умышленное убийство и только. Рядом с моим домом убили женщину. Как и я, она жила одна. Мы имеем право знать, что произошло.

Вчера на кухне я оплачивала через ноутбук счета, он стоит там же. Рядом с ним несколько сложенных бумаг и разорванные конверты. Ото-

двинув их в сторону, усаживаюсь на кухонный стул. Передо мной темный экран, в нем — мое отражение. Кладу руки на клавиатуру, но они не двигаются. Вот, блин. Забыла, как он включается.

Мама села на диван и уставилась в выключенный телевизор.

— Мам? — потрогала ее за плечо. — У тебя все хорошо?

— Хочу что-нибудь посмотреть, — ответила она.

— Ладно. — Я посмотрела на пульт в ее дрожащей руке. — Включи телевизор и выбери канал.

— Я не помню как.

Душа ушла в пятки. Нет, не сейчас.

За компьютером я сидела вчера. Я знаю, как его включить.

Но руки так и не двигаются.

В голове звенящая тишина.

Уже собралась звонить Хадсону, как пальцы пришли в привычное движение: нашли мышку, на экране загорелось поле для ввода пароля. Его я вспомнила всего за пару секунд. Но сердце в груди до сих пор бешено стучит, трясется каждая косточка.

Стараясь не обращать на это внимания, в поисковик ввела «Молли Фостер». Тут же выскочил десяток статей. Нажала на первую ссылку. Написана местным новостным каналом, для меня тут ничего нового.

Ее имя.

Где живет.

Подруга, что нашла труп.

Полиция предполагает, что это убийство.

Номер, по которому звонить, чтобы сообщить любого рода информацию.

Пролистала вниз, открыла еще несколько статей, но в них одно и то же. Закусив губу, гляжу в окно, руки лежат на клавиатуре. Сегодня среда, на улице чудесная погода, Лесли как обычно сидит на крыльце с кружкой в руках. Не сомневаюсь: с минуты на минуту за порцией сплетен придут Бет и Шелли. Не хочу участвовать в глупой соседской болтовне, на которую собираются вот уже десять лет. Но этим утром меня все же кольнула зависть. Вдруг Лесли знает то, чего не знаю я? То, чего мне не найти через компьютер?

Откуда ей знать?

Прежде у нее действительно был источник информации. Еще с тех времен, когда мы были друзьями. Джеймс. Он работал детективом в

отделе Сакраменто. Но после размолвки он перевелся в другой отдел, ближе к заливу. Не думаю, что они поддерживают общение. Разводились со скандалом.

Снова посмотрела на компьютер.

Видимо, что-то нажала, потому что статья закрылась. Открылись комментарии под ней. Прокрутила, в них почти одно и то же — не удивлена.

«Как жаль».

«Такая молодая».

«Сил ее семье».

Но когда увидела следующий, меня словно громом поразило.

«Эта сука получила по заслугам. Настоящая шлюха».

Придурок!

Когда мы пели, таких как он, я встречала часто. Мужиков, которые считали, что за деньги и время, потраченное на выступление, я что-то должна им. Будто музыки им не хватило.

Хорошо помню, как один мужик после концерта зажал меня в углу, я спокойно попросила отойти, но на это он сказал, что я строила ему глазки весь вечер. Ему не хватало мозгов понять, что из-за прожекторов мне в зале почти никого

не видно. Чаще всего, когда пою на сцене, кажется, будто улыбаюсь каждому, но на деле я никого не вижу.

Автор этого гнусного комментария подписался как «Аноним».

Ну конечно! Трус.

В его словах столько ненависти, не представляю, какую злость надо таить в себе, чтобы так написать о мертвой девушке. Этого человека я не знаю, но пытаюсь себе представить. Может, он как-то связан с тем, что произошло? Молли отвергла парня, и он потерял надежду. В моей голове разворачивается картина: разъяренный мужчина вцепился в шею Молли и изо всех сил сжимает ее. И тут всплывает давно забытое воспоминание.

Слышу грохот. Потом скрежет и топот, они сменяются, пронзительный крик.

Шум раздается со второго этажа.

Я напрягаюсь. Что еще? Только убрала разбитую Хадсоном вазу. Боже, эти двое в последнее время постоянно дерутся. Я их не наказываю — Даррен на меня из-за этого ругается.

— Ты их мать, или тебе тоже восемь? — Пару дней назад Хадсон накричал на сестру. Я была рядом, но даже не знала, что им сказать. Из-за

моей слабости они чуть не поубивали друг друга.

Вдруг шум прекратился, дом накрыла тишина.

Именно поэтому я и вскочила. Как бы ни раздражал весь этот шум, он был привычный. Тишина означала, что что-то не так.

Взлетев по лестнице, я ворвалась в комнату Хадсона. Сжав горло сестры, Хадсон сидел на ней, Кендра пыталась отбиться. Для своего возраста Хадсон был слишком большим и сильным.

— О господи! Хадсон, прекрати! — прокричала я.

Повернувшись на мой голос, он отпустил ее, а она вылезла из-под него, толкнула в грудь. Стукнувшись головой о кровать, он ойкнул и снова бросился на Кендру.

Она завизжала.

Во мне запылал пожар, маленькая искра разгорелась.

— Хватит! — Схватив Хадсона за плечи, я начала трясти его. — Да что ты творишь?

— Это она начала! — возразил мне сын.

— Врет он все!

— Мне плевать, кто начал. На сестру нельзя поднимать руку, — рявкнула я.

Скрестив на груди руки, Хадсон посмотрел на сестру. Она показала язык. Я почувствовала, как

его плечи напряглись.

— Хадсон, тайм-аут. Кендра, иди к себе.

Когда Кендра выходила из комнаты, я с ужасом смотрела на ее покрасневшую шею и думала: не зайди я вовремя, что тогда?

Закрываю комментарии и наливаю стакан воды. Делаю глоток. В моей голове, словно на отражение поверхности воды, всплывает лицо Джареда Браунинга. Чтобы вспомнить всю картину, уходит около минуты: он в «Таверне полной луны», разговариваем. Точно ли он говорил, что Хадсон виделся с Молли в ту ночь, когда ее убили?

Бро, перестань мне написывать, иначе я тебя заблокирую.

Сообщение, которое я прочла в его телефоне, было от некой Блонди. Блондинкой была Молли. И сообщение пришло в ту ночь, когда она умерла. Не помню во сколько. О времени совсем не подумала.

«Бро» чуть меня успокоило. Так друг друга обычно называют парни. А если сообщение и от девушки, то не значит ли это, что они были друзьями?

Похоже, я слишком все усложняю. Это могла быть шутка от друга, не обязательно таящая в

себе угрозу.

Думаю о заразительном смехе Хадсона, о его очаровательной улыбке и как мне рядом с ним спокойно. Не только мне, но и всем остальным. В школе говорили, что иметь такого ученика, как он, — одно удовольствие. Тренер по бейсболу отмечал, что он рожден лидером.

Знаю: в отношениях люди не такие, как в школе или на бейсбольном поле. Но я же видела, как он общается с Хезер: сначала как с другом, потом как с девушкой. Очень обходителен и ласков.

Вот почему они и стали хорошими друзьями.

— Мам, можно завтра утром Хезер поедет в школу с нами? — спросил он вечером во вторник. Хезер тогда только начала ходить в школу.

Лесли не работала, и я удивилась, почему она не может отвезти своего ребенка. Мы вот только утром болтали, но она ничего не сказала.

— Без проблем, — ответила я. — С ее родителями ничего не случилось?

— Нет, — нахмурившись, провел он рукой по непослушным волосам. — Родители тут ни при чем. Это все дети в школе.

— А что с ними?

— Несколько человек издеваются над ней.

— Почему?

— Не знаю, наверно, они просто тупые, — пожал он плечами. — Но если она поедет с нами, я смогу защитить ее.

Я улыбнулась:

— Хадсон, как это мило.

Все следующие семь лет он был защитником и другом Хезер. Это одна из причин, почему непросто смириться с враждебностью Лесли. После той роковой октябрьской ночи.

Обходительный и ласковый — такой был мой мальчик. И этот мальчик не мог обидеть Молли… Или кого другого, если на то пошло.

Когда они дрались с Кендрой, он был всего лишь ребенком. Зная характер дочки, начать могла и она.

Мне все же интересно, что это за Блонди. Возвращаюсь к компьютеру, захожу на «Фейсбук». Ввожу в поисковике имя Хадсона, появляется множество аккаунтов. Среди маленьких фотографий найти его бородатое лицо нетрудно. Нажимаю. Раньше его страничка была закрыта, теперь доступна: все фотографии и посты открыты. Может, в друзья он меня и не добавляет, но теперь я хотя бы вижу, что он выкладывает. Я почти в восторге, дрожащими руками просматриваю его страничку. Нахожу фотографии с ним и бывшей,

знаю, что ее зовут Наталия. Но это всего лишь моя догадка. Она милая. Выглядит хорошо. Кожа загорелая. Волосы темные, не блондинка. Так что вряд ли она записана как «Блонди». А вдруг это шутка? Внимательно рассматриваю фотографии. Хадсон выглядит счастливым, интересно, что между ними произошло. Пытаюсь вспомнить, говорил ли сын, почему они расстались. Даже если и говорил, ничего не помню.

Под одной фотографией, где они в ресторане, в окружении друзей, которых я не узнаю, Наталия оставила комментарий: «Классный день!»

Мысленно улыбаясь, листаю страничку дальше. Вот фотографии, их выложил некий Чейз Фолли, кажется, с какой-то тусовки. На нескольких отмечен Хадсон. На всех трех рядом с ним Наталия. Увеличиваю фотографии — сердце уходит в пятки. На Наталии нет лица. Видно, что-то не так. Хадсон широко улыбается, его лицо чуть красное. Рука так крепко сжимает плечо Наталии, что побелели костяшки. На экране какая-то грязь — вытираю пальцем, но понимаю: не грязь. Под глазом Наталии и вправду темное пятно. Синяк?

Нажимаю на имя и перехожу на ее страничку — закрыта. Расстроенная, возвращаюсь на страницу сына, внимательно рассматриваю

фотографию. Вряд ли это синяк. Может, свет так падает. Открываю другие фотографии и приближаю ее лицо. Точно, синяк.

Когда Кендре было шесть лет, она пыталась встать на руки посреди гостиной, я сидела совсем близко, читала журнал. Упав, она зарядила мне пяткой в глаз, остался синяк.

Много чего может случиться.

Подбитый глаз Наталии не обязательно что-то значит. Меня пугает ее выражение лица.

Зазвонил телефон — сердце из груди чуть не выпрыгнуло. Пытаясь успокоиться, отвечаю.

— Кендра, — тут же сказала я. — Звоню тебе со вчерашнего дня.

— Знаю. Прости. Сдавала тест, потом отработала двойную смену, так еще и у Мейсона зубы режутся. Что-то случилось?

— Ты слышала о той девушке? С которой работает Тео?

— О боже, да. Он говорил мне. Жуть просто.

— Да, жуть, — согласилась я. — Говорят, ее убили.

— Знаю. И это страшно. Так странно, мы виделись буквально в пятницу.

По спине пробегает холодок. Обхватываю себя руками.

— Не знаешь, бывал ли у нее Хадсон? Или просто с ней общался?

Ее вопрос поставил меня в ступор:

— Нет. Слушай, да не мог он этого сделать!

— Знаю, — ответила она. — Уверена, это не он. Мне просто интересно. Было видно, что она ему понравилась. Сказала, где живет.

— На что ты намекаешь?

— Ни на что, — резко сказала она. — Мне просто интересно. — Пауза. — Мне пора идти. Поговорим позже.

И снова этим все закончилось. Я вывела ее из себя.

— Кендра?

Но она уже сбросила.

На компьютере все еще открыт «Фейсбук». Меня распирает любопытство: ввожу в поисковике имя Молли. Целый список девушек по имени Молли Фостер, но в самом начале замечаю ее улыбающееся лицо. На странице только ее фотографии. Всего лишь два селфи, на которых она улыбается. На одном она среди девушек в бикини, они сидят на пляже, в руках коктейли. На втором она и какой-то парень. Наклоняюсь к экрану. Она с кем-то встречалась?

Смотрю на дату. Почти год назад.

Откидываюсь на стул. Скорее всего, они расстались.

И разве ее соседи не говорили, что парни к ней ходят толпами? В фотографии романтики почти нет. Рядом два улыбающихся лица. Никакого проявления любви. Может быть, это вообще ее друг или брат.

Встряхнув головой, закрываю вкладку. Не понимаю, на что я рассчитывала. Тянусь к стакану и пью воду. Хорошо освежает.

Закрыв ноутбук, смотрю в окно. Мое интернет-расследование ни к чему не привело. Как не знала ничего, так ничего и не знаю. Ответы, которые я ищу, очевидно, не в сети. Встаю, провожу рукой по оконному стеклу.

Было видно, что она ему понравилась. Сказала, где живет.

Слова Кендры — скрытое обвинение — не выходили у меня из головы. Но она ошибается. Хадсон не мог оказаться в доме Молли.

Так ведь?

«Вчера я видела ее с мужчиной. Какой-то парень с длинной бородой».

Боже мой, а вдруг это он?

Но даже если он не убивал, полиция обвинит его. С таким-то прошлым.

Не могу найти пропуск на парковку.

Меня словно окатили ледяной водой. Может ли быть такое, что он пошел к ней и там забыл пропуск?

Когда проходила утром дом Молли, желтой ленты не было. Уверена, журналисты уже уехали. Полиция в нашем районе не появляется. За всю свою жизнь я немало посмотрела криминальных драм, и точно могу сказать, что в доме Молли полиция все улики уже собрала. Но даже найдя пропуск на парковку, полицейские вряд ли бы что-то заподозрили. Он мог принадлежать и Молли.

Но это пока они не отсканируют штрихкод. Как только узнают, что это пропуск на парковку сотрудника шахты — сразу же позвонят Хадсону.

Какой ужас, нельзя этого допустить.

Если Хадсон виделся с Молли в ту ночь, когда ее убили, если был у нее и оставил там пропуск, мне нужно найти его быстрее, чем это сделает полиция.

Стоит дождаться ночи, но я слишком взволнована. Надеваю кроссовки, выбегаю на улицу. Гулять на улице без Боуи непривычно. На полпути к дому Молли понимаю, как глупо я выгляжу. Мой вид сразу бросается в глаза. Мимо проезжа-

ет машина — опускаю голову. В груди бешено бьется сердце.

Поворачивай обратно!

Иди домой!

Ноги меня не слушаются, иду дальше. На мне спортивные штаны, футболка и кроссовки. На затылке завязан хвостик. Любой, кто пройдет мимо, решит, что я на пробежке. Да, я без Боуи, но кто сказал, что гулять нужно только с собакой?

Немного успокоившись, ускоряю шаг. Если не буду волноваться, все пройдет как по маслу.

Дохожу до почтового ящика с наклейкой в виде флага. Осторожно смотрю на дома справа и слева. Никого. Шторы закрыты. Осматриваю улицу. И тут нет любопытных взглядов. Видимо, все на работе. Хвала небесам, сегодня понедельник.

Оглядываясь по сторонам, украдкой иду вперед, проскальзываю во двор. С правой стороны замечаю движение. Аккуратно поворачиваю голову. Рядом стоит куст, сквозь листву вижу даму, с ней я говорила в то утро, когда обнаружили труп. У нее окно на кухне выходит на двор Молли. Вон, кажется, она, стоит у раковины и по движению понятно: что-то отмывает, наверное, сковородку. Интересно, в ту ночь, когда убили Молли, что за парня она видела. Заходил ли он в дом? Или они

попрощались на улице?

Надо было задать ей больше вопросов.

Нагнувшись, прохожу под окном, большой куст меня прикрывает, стараюсь из-за него не показываться. Задний двор огорожен высоким забором, ворота закрыты на простую задвижку. Зайдя незамеченной за забор, выдыхаю с облегчением и выпрямляюсь.

Двор небольшой: газончик и бетонная терраса. Трава пожелтела, вдоль забора — сорняки. На террасе стоят два пластиковых стула, вокруг — несколько горшков с красными геранями и какими-то розовыми цветами — не помню названия.

Иду по жухлой лужайке к двери. Думала, что дверь панорамная, но нет, самая обычная. Закрыта на замок. Направляюсь к другой стороне дома и вижу открытое окно. Даже встав на носочки, еле до него дотягиваюсь. Через него в дом мне не забраться. Тяжело вздыхаю: «И почему, прежде чем идти сюда, я не продумала все до мелочей? Как я попаду внутрь?»

Завернув за угол, снова оказываюсь на террасе. Гляжу на цветы в горшках, из земли торчат зеленые листья и яркие лепестки. Странно: трава вся засохла, а за цветами на террасе она ухаживала.

Впрочем, когда снимают жилье, могут особо и не следить за чужим двором. Пока рассматриваю цветы, обращаю внимание на другое. Под листом спрятан камень. Но он не обычный, словно из пластика. С надеждой, что моя догадка верна, беру его. Переворачиваю. Ну конечно, там вырезана дырка, она закрыта. Открываю и вижу внутри ключ. С удивлением хватаю. Все слишком просто, даже подозрительно.

Быстро подхожу к двери и вставляю ключ. Он входит с легкостью, открываю замок. Распахнув дверь, вхожу — сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Как быстро я справилась, даже тяжело поверить.

О том, что совсем недавно в доме лежал труп, напоминает неприятный запах плесени и протухшей еды. Засосало под ложечкой, тут же вернулась тошнота, которую испытывала на прошлой неделе, мне хочется бежать сломя голову. Вспомнив Хадсона и почему я пришла сюда, тяжело сглатываю. Нужно сделать то, зачем пришла. Прежде всего меня поразил беспорядок.

Видно, что после полиции никто не убирал. Кофейный столик завален журналами, несколько валяются на ковре открытыми. На полу статуэтки, пульт и пустая чашка. На светлом ковре

остались следы совершенно разных форм и размеров. Интересно, вещи полетели на пол во время схватки или это полиция все разбросала, осматривая место преступления. В любом случае не собираюсь ничего двигать. Обвожу взглядом ковер, столы, столешницу, ищу пропуск Хадсона.

Стены достаточно чистые. Значит, не стреляли и не нападали с ножом. Тогда бы повсюду была кровь. Хотя, может, все убрала полиция. Думаю, да, могли. Мало представляю себе, как полиция изучает место преступления.

И еще я не знаю, в этой ли комнате ее убили. Соседка только сказала, что тело нашла подруга. А где — не упомянула. И в новостях мало что сообщали. Брезгливо заглядываю в коридор. Вдруг коридор или одна из спален в крови?

Меня колотит от страха — оглядываюсь на дверь. При мысли, что пойду дальше по дому и там меня поймают, чуть не побежала домой.

Но все-таки не побежала!

Я никогда не останавливаюсь на полпути. Тем более что зашла уже так далеко.

По дому видно, что у Молли был хороший вкус. Богемный шик с вкраплением ярких красок. В плетеных горшках подвешены цветы. Светло-серый диван, подушки на нем — ярко-оранжевые,

наброшенный плед цвета морской волны. С потолка свисает подвесное кресло — нынешний тренд.

Гостиную и кухню разделяет столешница и два высоких стула. Узкий коридор ведет через кухню к основному входу.

Иду к спальням, но резко начинает кружиться голова. Глубоко вдыхая и выдыхая, опираюсь на стену. Через пару минут становится легче. Голова все еще гудит, но от стены отталкиваюсь. Наверно, это все запах… а может, понимание того, что тут умер человек. Выдохнув, готовлюсь к тому, что меня ждет, иду дальше. На стенах ничего. Одна спальня совсем пустая, там лишь несколько коробок, в углу стоит стол, на нем — бумажки и закрытый ноутбук. Ванная похожа на мою. У раковины плойка, спутанный шнур рядом со множеством средств для волос. С другой стороны лежат кисти и палетки.

Комната в конце коридора, предположительно, спальня Молли. Кровать не заправлена, с краю смято одеяло. На стенах тут тоже ничего. Понимаю, что единственная картина в этом доме висит в гостиной. Молли, скорее всего, переехала недавно.

Но на прикроватной тумбочке все-таки стоит

фотография в рамке. Это семейное фото. Хоть девушка тут намного младше, я сразу ее узнала. Остальные, видимо, родители и, наверное, брат; в «Фейсбуке» на фото был кто-то другой. Но я по-прежнему уверена, что в профиле она не с парнем.

Подхожу ближе, чтобы рассмотреть фото. Чувствую, на что-то наступила: рядом с ногой лежат сиреневые стринги. Покраснев, отворачиваюсь. На ковре темные пятнышки. Может, крошки. На прикроватной тумбочке видела открытую пачку «Орео». Вроде, придает большое значение интерьеру, а такая неряха. Под комодом замечаю что-то блестящее и золотое. Не пропуск, но все же интересно.

Трогать ничего нельзя, знаю, но меня распирает, и я невольно хватаю: золотые часы с большим циферблатом и ремешком. Мужские. Что-то мне напоминают, но что — не помню. Так сложилось, что Хадсон не носит дорогие часы. Переворачиваю их. На обратной стороне циферблата выгравировано «777».

Что это значит?

Не знаю, но внутри меня что-то подсказывает, что ответ мне известен.

Пытаюсь вспомнить, видела ли я часы раньше

и где именно, как в кармане раздается звонок телефона. С моих губ срывается испуганный крик. С замиранием сердца засовываю часы в свободный карман, а из другого достаю телефон.

Кендра.

Сбросить? А вдруг что-то срочное? Она никогда не звонит мне дважды за день, и она не позвонила бы после утреннего неприятного разговора.

Подношу трубку к уху, говорю:

— Привет.

— Мам?

Ее голос встревоженный, начинаю волноваться.

— Мам, приезжай прямо сейчас.

Поворачиваюсь и быстро выхожу из спальни Молли.

— Что-то с Мейсоном? Он ушибся?

— Нет. С Мейсоном все в порядке. Посиди с ним.

Тогда до меня доходит.

— Что-то у тебя случилось?

— У Тео. Полиция… Его увезли на допрос.

— Почему?

— Это связано с убийством Молли.

Глава 11

Ошарашенная кладу трубку.

Зачем полиции допрашивать Тео?

Это же Молли! Они работали вместе!

Или между ними было нечто большее?

Голова идет кругом. Зажмуриваюсь, чтобы не упасть. Открыв глаза, в ужасе гляжу на комнату. На чем я, черт возьми, остановилась?

Это ужасно. О чем я думала?

Выхожу из спальни, иду по коридору с голыми стенами и прохожу в заваленную гостиную. Резко останавливаюсь. Я так и не нашла пропуск Хадсона. Искать ли?

В голове всплыл встревоженный голос Кендры. Она спешила.

Приезжай прямо сейчас.

Выскакивая из дома Молли, вспоминаю, что так же десять лет назад похожие слова говорил Хадсон, — бегу по улице еще быстрее.

* * *

Стояла холодная октябрьская ночь, до Хэллоуина оставалась неделя. Кендра и Хадсон вечером

ушли на тусовку. Стыдно признаться, но я не особо интересовалась. Хадсон сказал, что они с Хезер пошли на вечеринку в честь приближающегося Хэллоуина, мне этого было достаточно. А Кендра пошла на встречу с друзьями. Я и подумать не могла, что они на одном мероприятии. Дети редко вместе отдыхали, но меня это, повторюсь, не особо интересовало. Только Даррен расспрашивал их по каждой мелочи. Меня же мелочи не волновали.

В тот вечер, ужиная китайской едой прямо из контейнера, я в сотый раз пересматривала фильм «Без лица». Меня накрыла пелена траура по Маку. Помню, Даррен в одиночку напился до чертиков и отрубился.

Я легла достаточно рано, но уснула не сразу. Сон был глубокий и крепкий. Вот почему телефонный звонок услышала не сразу. Меня разбудил Даррен, он сильно тряс за плечо.

— Твой телефон, — сказал он сонным голосом.

Уже было за полночь. И кто додумался звонить так поздно?

Дети.

Они еще не пришли?

Сердце начало бешено колотить.

— Слушаю, — ответила я.

— Мам, — голос Хадсона. Взволнован, говорит отрывисто. Взглянула на Даррена — снова заснул. Если он и днем о детях особо не беспокоился, то ночью и ожидать нечего. Когда они были маленькие, было то же самое. Я просыпалась от детских криков, а Даррену хоть бы что, продолжал похрапывать. Злясь на него, вставала с кровати и плелась по коридору в детскую, там меня встречали красные зареванные глаза. Но все же, пока я отсыпалась по утрам, Даррен вставал рано и кормил детей. Так что мы оба хороши.

— Да. — Села в кровати.

— Мам, — повторил он, и на этот раз я поняла: точно что-то случилось. Сыну пятнадцать, не два года. Дни, когда он постоянно меня звал, давно прошли. — Приезжай скорее. Стряслось ужасное. Не могу… — у него перехватило дыхание: — Не могу сказать, что именно. Просто приезжай.

Пока ехала к обрыву с видом на реку Американ-Ривер, где, как я узнала, мой сын, его девушка и их друзья пили и веселились, в голове пронеслись тысяча вариантов того, что произошло. Но к правде я была совсем не готова.

Кендра ждала меня на пороге. Она недоумевала, почему ехала к ней так долго. Обычно на это уходит десять минут. Ну, когда не приходится

бежать из чужого дома, куда я проникла без разрешения. Итак, захожу в дом, она протягивает мне Мейсона. На ней джинсы, пиджак и балетки, на плече висит сумка.

— Он только покушал, — Кендра взяла ключи и пошла к двери. — Не знаю, как долго меня не будет. Позвоню.

— Подожди, — повернувшись, хочу взять ее за руку, но не могу из-за Мейсона. — Куда ты?

— В полицию, — как дурочке, бросила она мне.

Хочу задать еще вопросы, но она уже ушла, хлопнув за собой дверью.

На руках лепечет Мейсон. Болтает бледными пухлыми ножками. Качая его, смотрю в окно. Кендра сдает назад и выезжает на дорогу. Рот ее плотно сжат. Пытаюсь понять, что случилось, — становится не по себе.

Вдруг Тео связан убийством Молли?

Вспоминаю, как он настрадался в больнице, на родах Кендры. Страдания жены приводили его в ужас, а смотреть на кровь он не мог совсем. Пару раз думала, вот-вот потеряет сознание. Его чуть ли не выворачивает, когда он каждый раз меняет подгузник Мейсону.

Противно ему не только от экскрементов и физиологии. Взглянув на безупречную лужайку,

вспоминаю: как только переехали, они с Кендрой первым делом наняли ландшафтного дизайнера.

Тео очень законопослушный.

Никогда не превышает скорость, по рассказам Кендры, в старшей школе он не ходил на тусовки. Не пил, пока ему не исполнилось двадцать один.

Он не из тех, кто любит рисковать.

Надежный, ответственный, спокойный, рациональный. Все, что Кендра хотела видеть в своем муже. Никогда не замечала, чтобы он выходил из себя, хотя поводов было немало. После рождения Мейсона я им много помогала по хозяйству. В те дни Кендра постоянно его дергала, бурчала, они оба были вымотаны, почти не спали. Но он и тогда оставался спокойным. Лишь недавно я впервые увидела, как они ругаются. Тем вечером он злился на Кендру, но я не осуждаю его. Она может достать кого угодно. К тому же он не повышал на нее голоса, никогда бы не подумала, что он может на нее сорваться. Я и раньше видела, как мужчины выходят из себя. Мужчины, которых разрывало от злости и желания ударить.

Но к Тео это не относится.

До свадьбы я говорила Кендре, что Тео не фонтан чувств и восторга. Она же усмехнулась и ответила, что жизнь — не футбольный матч. Ей

не нужен чирлидер. Ей нужен партнер. Я вообще намекала ей на другое. Но зато поняла, что на отношения у нас совсем разный взгляд.

Нет, Тео не мог обидеть ту девушку. Да и, в конце концов, зачем?

Отвернувшись от окна, утыкаюсь Мейсону в макушку и говорю, как люблю его — на душе становится спокойнее. Опускаюсь в кожаное кресло-качалку и, оттолкнувшись ногой, тихонько раскачиваюсь. К груди прижимается Мейсон, мягкий комочек тепла, держать его на руках одно удовольствие.

Напротив стоит красивый кофейный столик из гранита (Кендра как-то сказала, что это октаэдр), декоративные фигуры золотого цвета, а на самом верху — цветочный горшок. За ними кожаный диван с кучей подушек приглушенного цвета, он хорошо сочетается с картиной, на которой изображен Нью-Йорк. Рядом высокая плетеная корзина с теплыми пледами. Дом Кендры сильно отличается от моего. Модный и современный. Даррену бы понравилось.

Мне — нет, но этот стиль точно подходит Кендре и Тео.

— Никогда не понимала, что тебя привлекает в этом доме, — сказала Кендра вскоре после смерти

Даррена. Незадолго до этого она уговаривала меня переехать в дом поменьше, но я наотрез отказалась.

— В нем есть своя душа, — ответила я, понимая, что говорить этого не надо было.

Лицо Кендры перекосило.

— Он старый. Тут все старое.

— Антикварное, — поправила я ее. — Разница есть.

— И отец терпеть не мог этот дом. — Она посмотрела на меня, ожидая, как отреагирую.

Если она хочет увидеть на лице ужас, то этого не получит.

— Да, я знаю. — Ее самоуверенность сменилась удивлением.

— Ты знала?

— Конечно.

— И вы все равно тут жили?

Я рассмеялась:

— Я никого не заставляла. Мы вместе выбрали этот дом и решили тут жить. Супружеская жизнь — один сплошной компромисс.

— Похоже, только отец шел на компромиссы, — пробурчала она. Как же мне хотелось сказать, что это не так, что она понятия не имеет, на какие компромиссы шла я. Но ничего ей не ответила.

Ей не хватало отца. Пусть думает, что хочет.

Но все-таки это не ее дело.

Смотрю на Мейсона: глазки закрыты, веки дергаются во сне. Глажу его по голове и продолжаю качаться. Кендра не любит, когда он засыпает на руках, но укладывать его нет никакого желания. К тому же он так хорошо устроился.

Рядом с прихожей Кендра повесила коллаж из семейных фотографий, все, конечно же, в одинаковых рамках. Идею взяла из «Пинтереста». Смотрю на новое фото: большое зеленое поле, небо украшено солнцем, желто-оранжевые вспышки перемешаны с ярко-синими оттенками. На руках Кендры Мейсон, его ножки свисают, лицо смотрит в камеру. Тео обнимает ее за плечи. Все широко улыбаются, даже Мейсон. Хороший момент поймал фотограф.

С улицы доносится звук мотора. Поворачиваюсь к окну и понимаю, что это не может быть Кендра, но все-таки надеюсь, что это она. Интересно, зачем полиции Тео? Кендра с ним или ждет за дверью?

Мейсон шевелится, трет глазки, но не просыпается. Руки уже устали его качать. Когда мои дети были маленькими, эту часть дня я любила меньше всего. Сидеть и качать их было для ме-

ня пустой тратой времени. В голове крутились дела, что нужно успеть переделать, но я сидела с детьми. Теперь сижу с внуком, но все иначе. Да и теперь дел у меня как таковых нет.

Чувствую, что сама засыпаю. Не переставая качаться, запрокидываю голову и на секунду закрываю глаза.

Хлопает дверь машины — я вздрагиваю и поднимаю голову. Мейсон начинает всхлипывать. Открывается дверь, входит Кендра. Повесив сумку на крючок рядом с дверью, она удивленно, а затем с укором смотрит на нас с Мейсоном.

— Так-так, кто-то спал.

Улыбаюсь.

— Мы оба.

Она смотрит все так же недовольно.

— Да, я вижу.

Мейсон замечает маму, она к нам подходит.

— Привет, дружок. Бабуля балует тебя, да? Будешь теперь все время спать на руках. И мамочке станет сложнее уложить тебя в кроватку. — Хоть ее слова и полны сарказма и в них чувствуется раздражение, она говорит мягким высоким голосом, припасенным для малыша.

Почему она такая спокойная? Будто вернулась из продуктового магазина, а не полицейского

участка.

— Где Тео? — Солнце уже заходит, темнеет.

— По пути домой заехал в магазин. Подгузники закончились. — Она забирает у меня сына и прижимает к груди. — Ты наверняка голодный, — нараспев говорит она.

С ребенком на руках идет на кухню, я за ней.

— Кендра, как все прошло в полиции?

— Задали несколько обычных вопросов, — взглянула она через плечо похлопывая Мейсона по спине. — Опрашивали всех, с кем Молли работала. Стандартная процедура.

— Ясно. — Оперевшись на дверной косяк, я скрестила руки на груди. — Все правильно делают.

Кендра усадила Мейсона в высокий стульчик и защелкнула на нем ремешок.

— Извини, что дернула. Я там оказалась не нужна. Напрасные нервы.

— Ничего, я все понимаю. Расследование убийства, мужа вызвали на допрос.

— И правда, — накладывая в пиалку пюре из батата и перемешивая его детской ложечкой, ответила она. Было заметно, что думает о чем-то своем. — Как дела дома… у Хадсона?

— Все хорошо. — Я оттолкнувшись от стены, прошла на кухню. — Сейчас он на работе.

— Неужели? Та самая работа, о которой нам говорил? У дяди Джареда?

— Ага, — в ответ произнесла я.

Она одобрительно кивнула и зачерпнула ложкой пюре.

— По крайней мере, теперь он хоть чем-то занят. — Отправив ложку в рот Мейсону, вытерла с лица остатки пюре и продолжила: — А как твое самочувствие?

— Довольно неплохо, — собираюсь рассказать ей, что записалась к врачу, но она вдруг подскакивает.

— Ой, я же хотела тебе сказать! — Она прошла через кухню к столу и открыла ноутбук. — Помнишь, я рассказывала, что читаю о взаимосвязи здоровья кишечника и мозга?

Слушаю ее. Компьютер включается с шумом — вижу вверху экрана открытые вкладки. Статьи про болезнь Альцгеймера. Сердце у меня сжимается: она так сильно хочет помочь. У меня не хватает смелости рассказать ей о записи к врачу. Она точно будет настаивать, чтобы я пошла к нему. Она будет надеяться. А что если доктор Штайнер не в силах мне помочь? Что если никто из нас не в силах мне помочь?

Помню, как я мучилась, когда через все это

проходила мама. Какой беспомощной я себя чувствовала.

Не могу позволить, чтобы такое же повторилось с Кендрой.

Она показала на экран.

— Эта статья о питании и как оно влияет на состояние мозга. Отправлю тебе по почте, договорились? Если хочешь, я помогу, составим на неделю список продуктов и блюд. Уверена: пока тут Хадсон, ты ешь не самую полезную еду.

В ее словах есть доля правды. В последнее время заказываю доставку чаще обычного, но все равно качаю головой.

— Я хорошо питаюсь.

Открывая почту, Кендра молчит.

— Вот, отправила. Прочти и поделись мыслями.

Кладу руку ей на плечо. Она вся напряглась, стараюсь не обращать внимания.

— Спасибо, Кендра. Что бы я делала без тебя.

— Ох, скажешь тоже! — На высоком стульчике начинает кричать Мейсон. — Мама уже идет. Не плачь. — Она закрывает ноутбук и встает со стула.

Скоро вернется Хадсон. Хочу поговорить с ним прежде, чем уйдет на тусовку с друзьями или на

весь вечер закроется в комнате.

— Если моя помощь больше не нужна, я пойду, — говорю я. Кендра в это время снова усаживается напротив Мейсона.

— Хорошо, спасибо, мам, — улыбается она мне, поднося к губам Мейсона ложку, полную оранжевой смеси. Он широко открывает, а потом закрывает ротик.

— Всегда пожалуйста.

Чмокнув внука в щеку и приобняв Кендру, выхожу на улицу, вечерний воздух прохладен. Не могу избавиться от странного чувства, что Кендра мне рассказала не все.

Глава 12

За простеньким ужином из томатного супа и жареных сэндвичей с сыром рассказала Хадсону, как прошел день. Только умолчала о том, как лазила по его страничке в «Фейсбуке» и проникла в дом Молли. Зато поделилась планами по поводу визита к врачу, чему он явно обрадовался. Рассказала, что сидела с Мейсоном, пока Тео допрашивали в связи с убийством Молли.

Застыв с пустой ложкой над тарелкой, наблюдаю за его реакцией.

Он лишь откусил сэндвич, положил его обратно в тарелку. Расплавленый сыр, прилипнув к зубам, потянулся ниткой и оборвался где-то на полпути. Свисая с подбородка, сыр все так же раскачивался, словно надоедливая нитка на одежде, которую надо отрезать. Убрав сыр салфеткой, он сказал:

— Ну да, правильно, что опрашивают всех, кто с ней работал.

— Всех? Думаешь, Тео много о ней знал? Разве Тео говорил, что они работают в одном отделе или занимаются одним проектом? Не находишь это странным? — Знаю, вышел бессвязный набор во-

просов, но никак не могу избавиться от странного ощущения, что Кендра что-то не договорила.

— Не вижу смысла переживать. Ты видела, какие у Тео слабые руки? Ими он точно никого бы не задушил. — Он издал звук, что-то среднее между смехом и покашливанием, как бы подчеркивая, насколько мои мысли нелепы.

Соскребая остатки супа, замираю с ложкой в руках.

— Откуда ты знаешь, что Молли задушили?

Отхлебнув суп из ложки, он облизал губы.

— Ээ… Не помню. Должно быть, где-то прочитал или услышал в новостях.

Я ищу информацию целыми днями. Это никак не могло пройти мимо меня. Но, видимо, прошло. Откуда еще Хадсону знать? Он бы тогда не говорил так непринужденно.

Остатки сэндвича он запихнул в рот, борода украшена крошками.

— Почему ты не сказал, что виделся с Молли в субботу вечером? — спросила я, опустив взгляд и водя ложкой по дну тарелки.

Повисла длинная пауза, он пожал плечами.

— Посчитал неважным.

Посмотрела на него.

— Ты встретил девушку, и этой же ночью ее

убили. Как такое может быть неважным?

— Я видел ее не больше двух секунд.

— По мнению Джареда, было иначе.

Хадсон покачал головой.

— Джаред не знает, о чем говорит.

Я поражена, что Хадсон такой спокойный. Ущипнув себя за палец, делаю глубокий вдох и задаю вопрос, что целый день жжет меня изнутри:

— Ты же не заходил к Молли?

Его глаза вспыхнули.

— Конечно нет. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

Чуть было не рассказала ему про разговор с соседями Молли, но решила промолчать. Это его сильно заденет. И, вероятно, разозлит. В наши дни бородатых парней пруд пруди. Почему я сразу подумала на Хадсона?

На языке теплится еще один вопрос. Начинает обжигать, надо спросить, не могу больше терпеть.

— Блонди, кто это?

На долю секунды он выглядит ошарашенным, будто не понял, что тема разговора сменилась.

— Что?

Я вздыхаю, плечи опускаются.

— Я… Ну… На днях тебе пришло сообщение, а те-

лефон лежал… на видном месте… Я не собиралась смотреть. — О боже, ну и кто теперь врун? — Но увидела имя. Блонди. И мне стало интересно, кто это. Какая-то знакомая, твоя бывшая?

— А, ты об этом, — качает он головой: туман непонимания рассеивается, и на его лице появляется улыбка, напоминая солнце, что пробивается сквозь серую дымку. — Нет. Это мой приятель Стив. У него светлые волосы. Давно в шутку я начал называть его Блонди. Любим подкалывать. Издеваемся друг над другом, понимаешь?

Киваю. Может, это сообщение — дружеский подкол? Ответ на дружеское подтрунивание, которыми они постоянно обменивались. Шутка для своих, я в их счет не вхожу.

Тяжело вздохнув, закрываю лицо рукой.

— Извини. Не знаю, что на меня нашло. Думаю, это обстановка нервы расшатала.

Лицо Хадсона смягчилось.

— Понимаю, но тебе не о чем беспокоиться. Ты в безопасности. Я с тобой.

Через силу киваю и улыбаюсь, тема закрыта, а я так и не призналась, что беспокоюсь не о себе.

Из головы не выходит разговор с Хадсоном. Откуда он знает, что Молли задушили? Информацию об этом я так и не нашла.

И не уверена, что я полностью поверила его объяснению про Блонди.

Стою перед дверью в комнату Хадсона. Не могу решиться. Оглядываюсь. Включается кондиционер — я вздрагиваю, хотя знаю, что сын на работе. Слышно, как на первом этаже ходит Боуи. Вдали раздается шум дрели. Должно быть, кто-то делает ремонт. Но в остальном тишина. Сглотнув, делаю шаг вперед, повернув ручку, открываю дверь.

Кровать Хадсона не заправлена, на полу разбросана одежда, у комода — пустые бутылки. Стою на пороге комнаты, внутри ведется борьба. Никогда не любила совать нос в дела детей. Это хорошо выходило у моей матери. Когда я была подростком, вернуться домой со школы и увидеть, что вещи в комнате переставлены, на полках что-то переложено — было обычным делом.

— Ну, это моя комната, — отвечала она в оправдание, когда я требовала объяснений. — Я за нее плачу. Значит, я могу заходить сюда, когда сочту нужным.

Вообще-то за дом платил отец, но я понимала, что лучше этого не говорить. Тогда я начала прятать вещи, которые хотела от нее скрыть. Журналы. Фотографии. А когда подросла — сигареты, липовые справки, письма от парней.

Я сказала себе, что никогда не буду такой матерью. Матерью, которая входит к детям в комнату без разрешения и роется в их вещах.

Но это совсем другое. Хадсон больше не ребенок. Он взрослый мужчина, что живет в моем доме. Очевидно, он что-то скрывает, и у меня есть полное право узнать, что именно.

Захожу в комнату.

Его штаны внизу в белой глине. И на рубашках пятна. Боже, да эта глина повсюду. Порой после того, как он помылся, все равно вижу куски у него в волосах. Рядом с одеждой несколько оберток от жвачки и пачка начос. В глубине души что-то потянуло, резко и неожиданно. Как тогда, когда мы с Дарреном решили полетать на парашюте над океаном, но ребята в лодке подумали: а почему бы не подергать трос. Моргаю, пусть приступ деменции пройдет. Что я ищу? Что я надеюсь, но и боюсь найти?

Ты видела, какие у Тео слабые руки? Ими он точно никого бы не задушил.

На комоде нахожу стопку чеков. Бензин. Еда. Натыкаюсь на чек из «Мидтауна» — внимательно его рассматриваю. Оплачено в ту самую ночь, когда убили Молли. Хадсон заказал несколько индийских пейл-элев и один коктейль. Коктейль

для Молли?

Представляю их вместе. Смеются, разговаривают и выпивают. Она предлагает допить и поехать домой, он ее провожает.

Нет, конечно, я не заходил к Молли.

Если бы Джаред не проговорился, Хадсон вряд ли бы мне рассказал, что видел ее тем вечером. А если он врет, что встреча была недолгой?

Дверь в гардеробную чуть приоткрыта. Заглядываю внутрь, вижу царапины. Представляю, как чьи-то пальцы скребутся по деревянной поверхности, в кожу и под ногти впиваются занозы. Поднимаю руку и кончиками пальцев провожу по следам. Дотрагиваюсь до них и понимаю, что царапины намного глубже, чем думала. Всегда представляла, что это Грейс. Хотя с трудном верится: след слишком глубокий. Могут такое сделать детские руки? Нездоровое любопытство. Представьте: во мраке гардеробной, сидя на корточках, она бьется в истерике, хочет выбраться.

Меня начинает колотить. Обхватив себя руками, отвожу взгляд от царапин и стараюсь думать о настоящем.

Рядом с байковыми рубашками висит пиджак. Внизу стоит пара кроссовок. У стены — гитара. В прошлый раз, когда заходила, ее не заметила.

Беру в руки, сажусь на край кровати и легонько провожу пальцами по струнам; интересно, играет ли Хадсон сейчас? В детстве он увлекался музыкой.

Когда Хадсону было около девяти, мы с Маком как-то днем сидели за пианино и сочиняли песню. Погрузились в нее с головой. Вот-вот сотворим чудо. Видеть, как рождается песня, — одно из моих немногих наслаждений. У слов на бумаге появляются крылья, они отправляются в полет.

В голове появилась идея — придвинулась к инструменту и сыграла аккорды, но тут в песню из коридора ворвался Хадсон. Говорил какие-то глупости об улитках и крысьих хвостах, от спешки и волнения голос срывался в фальцет. Сбил меня с мыслей. Я нахмурила брови.

— Хадсон, это не смешно, — отругала я его. Вижу, поджал губы, вот-вот расплачется. Но я встаю и все равно выпроваживаю его. — Иди отсюда. Не видишь, я работаю.

Хадсон выскочил из комнаты, в глазах боль и обида.

— Извини, — сказала я Маку и вернулась на место.

Мак покачал головой.

— Знаешь, мне кажется, ему тебя не хватает.

— Да? А может, ему не хватает отца? — Пытаюсь напеть мелодию, на которой остановилась, и вспомнить слова, что пару минут назад крутились на кончике языка, но все пропало. — Черт!

— Уверен, скоро вспомнишь, — улыбнулся Мак. — Готов поспорить, если научишь сына играть на инструменте, он, скорее всего, не будет тебя беспокоить, пока работаешь. Ему не хватает внимания.

Похожие разговоры были у нас и с Дарреном, но почему-то я прислушалась именно к Маку. Тем же самым вечером, придя пожелать Хадсону спокойно ночи, я принесла ему свою гитару, показала аккорды A и G и разрешила лечь спать попозже — пусть учится. На Рождество в том же году подарила ему собственную гитару. Но я редко видела, чтобы он играл на ней: чем больше ему нравился бейсбол, тем меньше он интересовался музыкой.

Оторвав взгляд от гитары, осмотрела пол.

На звук гитары, виляя хвостом, прибежал Боуи. Не хочу, чтобы в комнате осталась его шерсть или он что-нибудь опрокинул. Тогда Хадсон точно поймет, что я копалась в его вещах. Встала, осторожно поставила гитару на то же место, где взяла. Не до конца закрыла гардеробную — все

как было пару минут назад. Аккуратно вышла, закрыв за собой дверь.

Вернувшись к себе в спальню, беру корзину с грязным бельем и спускаюсь в постирочную. Прежде чем бросить вещи в машинку, их осматриваю, выворачиваю карманы. В джинсах нащупываю что-то тяжелое и гладкое.

Часы, которые нашла в доме Молли.

В суматохе побежала к Мейсону и совсем о них забыла. Я даже не собиралась их брать, но внутри снова появилось ощущение, что где-то их видела.

Бросила джинсы в машинку и закрыла люк. Побежала к компьютеру и загуглила «777».

Поисковик выдает миллион ссылок на какую-то модель самолета. На долю секунды задумываюсь, не встречалась ли Молли с пилотом, но понимаю, что предположение нелепое, тогда свой запрос уточняю: «777 значение». Появилось очень много статей об ангелах, число 777 — знак того, что ангел ведет вас по верному пути.

С сомнением читаю дальше.

Единственное, что удается найти про число: оно сулит удачу.

Нет, все это не то. Смотрю на циферблат, вижу свое размытое отражение. Почему они кажутся

мне такими знакомыми? И я нашла их в доме Молли. Что бы это могло значить?

Я упавшую звезду
На ладошке подержу.
А вот что я загадал —
Никому не рассказал.

— Выпусти меня! — все кричу и кричу я, пока не разболелось горло и я не охрип, пока тише не стали слова, словно взмахи крылышек угасающей бабочки. Бью кулаком по двери. Без толку.

Только костяшки стали разбитые в кровь.

Слышно, как Энди дышит. Ровный звук ее шагов в комнате, будто она стала тем тигром из зоопарка, который ходит туда-сюда по клетке. Беспокойным. Озлобленным. Охраняющим свою территорию.

С досадой я скреб пальцами деревянную стенку, занозы попали под ногти, вонзились в кожу. Скреб и скоблил, пока бороздки не стали глубиной с палец.

Первый начал в этот раз я. Она твердила, что делать, а я не слушал. Я от нее устал. Если б знал, чем все это кончится…

— Ты мне не указ, — огрызнулся я.

— Да неужели? — взвилась сестра. Схватила

меня в охапку.

Пробую высвободиться, но она крупнее. Один раз стукнул ее прямо в солнечное сплетение — минуту она не дышала. Я испугался, но в душе гордился собой. На секунду мне показалось, что победил, что одолел ее.

Но именно в этот момент она запихнула меня сюда.

— Я тебе указ. И не спорь! — прокричала она через двери.

Было темно и пахло нафталиновыми шариками и пылью. Старой одеждой. Вонючими ботинками.

Прошло несколько часов. Хочется выйти. Но у меня не осталось сил.

Сажусь на пол, прижимаюсь к стене. Остается только сдаться, отдать победу ей.

Но это в последний раз. В последний раз я добыча тигра.

Глава 13

Внимательно смотрю на аватарку Наталии. Почти час назад снова зашла на «Фейсбук» и отправила ей сообщение. Объяснила, кто я, и написала, что хочу всего лишь узнать об их отношениях с Хадсоном. Ответа до сих пор нет. Не понимаю, что меня удивляет. Я мать ее бывшего. Чего я ожидала? Но фотография, где у нее под глазом синяк, не выходит у меня из головы. Надо узнать, откуда он.

Убедиться, что ударил ее не мой сын, а кто-то другой.

Хадсона я спросить не могу.

Не станет она ничего объяснять… Но в глубине души все равно жду.

Не надеясь на ответ, отрываюсь от компьютера и отхожу от стола.

Посреди лужайки стоит Лесли и оживленно разговаривает с Бет. Пару раз она кивнула в сторону моего дома. Мне это не нравится, отворачиваюсь от окна. На столе лежат золотые часы, напоминают о том, что случилось в доме Молли. И что теперь?

Мои сегодняшние поиски так ни к чему и не привели. Ответов нет. Не помогли ни интернет, ни вылазка в дом Молли.

Из компьютера на меня глядит улыбающаяся Наталия. Не хочется признавать, но сына я совсем не знаю. Мы долгие годы не общались. Девушка могла бы помочь восполнить пробелы.

Решительно пересекаю кухню и открываю ящик. Достаю блокнот и пролистываю несколько первых страниц. Нахожу, что искала. Последние годы я записывала все номера Хадсона. Все, что высвечивались на экране телефона, когда он звонил. Многие уже заблокированы или принадлежат кому-то другому. Но я так и не смогла ни вычеркнуть их, ни вырвать листок из блокнота. Номера связывали меня с сыном, и где-то в глубине души я знала, что однажды они мне понадобятся. Если бы с ним что-то стряслось и его телефон снова был отключен, они бы мне пригодились.

Я не собиралась звонить его бывшей. Вот честно.

Первый номер у него сейчас, с трех других он звонил, когда встречался с Наталией. Пальцы вспотели, трясутся. Набираю. Почти сразу характерный сигнал — номер заблокирован.

Сердце бешено колотится, набираю следующий.

На этот раз гудок все идет и идет. Уже собиралась сбросить, но тут раздается женский голос.

«Привет, вы позвонили Наталии. Оставьте свое сообщение после сигнала». Пи-ип. От неожиданности я растерялась. Несколько секунд собиралась с мыслями. Думала, что сказать.

Начала говорить, вышло скомкано: слова рубленные, вязкие, словно леденцы, прилипшие к тротуару.

— Привет, Наталия. Это Валери… мать Хадсона. Нам нужно, эм, поговорить. Перезвони, пожалуйста… — Я продиктовала номер и положила трубку, ругая себя за то, что ничего не объяснила.

Посмотрела на часы. Уже почти вечер, и мой желудок урчит от голода. Смотрю, что есть в холодильнике. С минуты на минуту должен вернуться Хадсон. Вспомнила про ужин. Закрыв дверцу, посмотрела меню доставки, что висит на холодильнике. Пытаюсь понять, чего же мне хочется. И вдруг звонок — пугаюсь.

Номер, который только что набирала, бешено в груди стучит сердце.

— Алло, — предчувствуя недоброе, отвечаю я.

В голосе дрожь.

— Так, это дело рук Хадсона? — грубый женский голос, в словах злоба. *Наталия*.

— Ээ… Нет. Он…

— Он забыл про запретительный приказ?[7]

Я напрягаюсь.

— Запретительный приказ? — повторяю я, словно ослышалась. — Суд запретил Хадсону с вами видеться?

— А, он не сказал? — ядовито усмехнулась она. — Почему-то я не удивлена!

— П-почему запретительный приказ? Что он сделал?

— Я не хочу с вами разговаривать, — ответила она. — Перезвонила сказать: оставьте меня в покое, или позвоню адвокату.

— Подождите! — говорю я слишком громко. — Наталия, пожалуйста. Хадсон даже не знает, что мы разговариваем. Всего лишь пару вопросов.

— Мне жаль. Ничем не могу помочь. — В трубке раздались гудки.

В ужасе смотрю на телефон.

За спиной послышалось тяжелое дыхание: на

---

[7] Примечания: 7

Запретительный судебный приказ предназначен для защиты жизни, собственности, свободы и физической неприкосновенности жертвы или предотвращения повторного совершения преступления.

кухню зашел Боуи. Видимо, его пора кормить. Как в тумане медленно иду к шкафу и зачерпываю чашку сухого корма. Поворачиваюсь к миске, из горла вырывается крик, на пол падает пластиковый стаканчик, по паркету рассыпается корм. В зубах у Боуи сдутый розовый мячик.

Не могу уснуть. В голове крутятся слова Наталии.

Запретительный приказ.

Запретительный приказ.

Каждый раз, погрузившись в сон, видела Наталию, над ней нависает Хадсон, его руки на ее шее.

Лежа в темноте, сжав край одеяла, убеждаю себя: ничего страшного не произошло, все это недоразумение. Может, Наталия сильно преувеличивает. Я даже ее не знаю… Но себя не обманешь. Запретительный приказ — это очень серьезно. Просто так его не получают.

Хотела спросить о нем Хадсона за ужином. Мы заказали еду в китайском ресторане, я уставилась на свои палочки. Как бы так спросить, чтобы не вызвать подозрений? Вопрос не должен показаться надуманным, запланированным. Иначе придется многое объяснять. В голову ничего не лезло.

Я звонила Наталии, хотела получить ответы. Вместо этого получила новые вопросы.

Они крутятся в моей голове, как белье в стиральной машине, оставляя чувство тошноты и потерянности. Тяжело вздохнув, сажусь на кровать — так досадно! После смерти Даррена я неделями страдала от бессонницы. Сюзанна купила мне упаковку снотворного и какой-то успокоительный чай. Немного помогло. Может, и сегодня поможет.

От того, что ворочаюсь в кровати, становится только хуже. Я даже пыталась считать, но цифры превращались в пугающие картинки: безжизненные глаза Хезер или окровавленная голова Мака. Чтобы уснуть, надо перестать об этом думать.

Встав с кровати, побрела прочь из спальни. Сдутый розовый мячик лежит в углу. Когда Боуи притащил его вечером на кухню, я даже не обратила внимание, откуда он пришел — так была поражена звонком. Хотя, кажется, слышала, как он спускался со второго этажа. Он там его нашел? Или прятал мячик где-то в доме?

Еще больше вопросов. В последнее время я в них прямо тону.

Спустившись, я услышала тяжелое дыхание. Доносится из гостиной. Крадучись подхожу туда

и заранее представляю себе шестилетнюю Грейс в красном платье с рюшами. В нем она на фотографии, что напечатали в газетах после смерти. Точно не уверена, но надеюсь увидеть ее призрак, стоящий посреди гостиной с розовым мячиком в руках.

Вместо призрака я обнаруживаю Хадсона, свернувшегося на диване, он крепко спит. Завернулся в одеяло. Если не обращать внимания на огромную бороду, выглядит почти как ребенок: весь укутан, рот открыт, глаза крепко сжаты.

Странно. Зачем спускается сюда по ночам?

Снова ходит во сне?

Или дело не в этом?

С ним явно что-то происходит. Только мне ничего не рассказывает. Не успокоюсь, пока не узнаю правду.

Глава 14

Припарковываю машину и, натянув шляпу на лоб, поправляю на носу солнцезащитные очки. Смотрю по сторонам, открываю дверцу и выхожу. Парковка забита, свободных мест почти нет. Но людей как-то немного: у внедорожника разговаривает семья, на краю парковки бомж опирается на тележку, в руках пожитки. Мимо меня, зажав сумку под мышкой, быстрым шагом проходит девушка.

Магазин пластинок, по обе стороны от входа — большие окна. Людей внутри тоже немного, ходят туда-сюда. В молодости я часто бывала в таких местах: слушала демозаписи и прогуливалась между стеллажами. Но появились стриминговые сервисы, и все изменилось. До сих пор храню старый проигрыватель, порой его включаю. Со звуком винила ничего не сравнится. Но теперь почти вся музыка через телефон. Еще есть лазерные диски, их разложила по коробкам и храню в гараже. Диски никогда не достаю. Незачем.

В окне вижу Наталию. Стоит за прилавком, помогает покупателю. Никогда не встречала ее

лично, но сразу узнала по фотографии.

Прошлой ночью, когда лежала в кровати и не могла уснуть, меня осенила мысль. Как отследить Наталию и заставить ее со мной поговорить. Хадсон сам дал мне нужную зацепку, когда в первый раз завел о ней разговор. Он тогда вдруг позвонил, сказал, что живет с новой девушкой и что теперь будет на связи. Хорошо, ведь мы не общались несколько месяцев. Звучал он счастливым. Рассудительным.

Тогда я выдохнула с облегчением, во мне поселилась надежда.

— А как вы познакомились? — спросила я, поправляя плед, которым была укрыта. В ногах зашевелился Боуи.

— В «Чилле», — ответил он.

— Это что?

— Музыкальный магазин в Окленде.

В Окленде Хадсон провел почти год. Для него это долго, обычно переезжал чаще. Никогда не звал меня в гости, так что понятия не имела, где именно он живет. Думаю, так было лучше. Когда он жил в нашем городке, у меня была жуткая привычка заявиться к сыну без предупреждения, чтобы убраться или просто проверить, как у него дела. Ему это не нравилось. Но раз теперь он

живет с девушкой, может, они меня куда-нибудь пригласят.

— Магазин пластинок? Интересно.

— Ага, она работает там менеджером.

— Боже, как давно я не была в нормальном магазине пластинок, — сказала я, уставившись в телевизор (звук отключила, когда зазвонил телефон). Моника и Рейчел из сериала «Друзья» живо шевелили ртами, стоя посреди квартиры в Нью-Йорке. — Их еще кто-то покупает?

— Я их покупаю, — по голосу слышно, что его это задело. — И нередко. Так мы и познакомились. Она сказала, что я ее любимый покупатель.

Было слышно, что он улыбался, — на моем лице тоже появилась улыбка.

Под рубашкой зачесалась кожа, словно появилась крапивница. Со мной такое случается, когда нервничаю. Во время первых выступлений «Танца сердец» перед публикой, думала, что кожу с себя сдеру. Делаю шаг назад, спотыкаюсь о бордюр и чуть не падаю кому-то на капот.

Прошлой ночью, когда лежала в кровати, окутанная темнотой, под теплыми одеялами, идея казалась мне замечательной. Их фотографии в «Фейсбуке» вызвали у меня так много вопросов. Я знаю и о запретительном приказе. Да, Хадсон

явно от меня что-то скрывает. Нужны честные ответы, и мне кажется, только она их может дать. Но стоя на улице, под неприятно ярким солнцем, я поняла, что идея очень плохая.

Я могу по-настоящему испортить жизнь Хадсону. Может, даже нарушить запретительный приказ. Я думала об этом, пока ехала полтора часа. Пару раз даже поворачивала обратно, здравомыслящая часть меня кричала, что совершаю огромную ошибку.

Жалею, что не прислушалась к голосу разума.

Прислушаюсь сейчас.

Пригладив волосы, поворачиваюсь с мыслями вернуться к машине. И тут Наталия выходит из магазина, в руках пачка сигарет. «Она не знает, как я выгляжу», — думаю, пока она достает сигарету из пачки и идет в мою сторону. Могла увидеть мою аватарку, когда получила сообщение. Или Хадсон показал ей фотографию. Нет, вряд ли. Поднося сигарету к губам, встречается со мной взглядом.

— Что вы здесь делаете?! — на лице у нее отчаяние, возможно, даже страх.

Неужели она думает, что Хадсон со мной? Сидит в засаде?

— Он понятия не имеет, что я тут. Хочу всего

лишь с вами поговорить. — Я подняла руки, словно сдаюсь в плен.

— Не стоило приезжать, — покачала она головой и трясущимися руками запихнула сигарету обратно в пачку.

— Знаю. Знаю. — Стою на месте, боюсь хоть пальцем пошевелить. Будто она бездомная кошка, которую могу спугнуть. — Обещаю: ответите на пару вопросов и больше меня не увидите.

— Это угроза? — Она наклонила голову, взгляд пристальный.

Бог мой.

— Нет. Конечно, нет, — выдохнула я. — Давайте об этом забудем и начнем сначала.

— Ну нет, — она поворачивается назад.

Вот-вот уйдет.

— Подождите! Прошу, — кричу я, она даже не реагирует. — Я живу с ним под одной крышей.

Ей стало интересно.

— Я… мне… ну… мне надо знать, чего от него ждать.

Боже, я худшая мать на планете. Может, Кендра права. Осматриваюсь по сторонам. Если об этом узнает Хадсон, то я потеряю его навсегда.

Что же я делаю?!

— Ладно. — Она поворачивается со вздохом. —

Но у меня всего пара минут.

Она обходит здание — я за ней, из окон магазина нас больше не видно. Подогнув одну ногу, она облокотилась на стену.

— И я буду курить.

Она взяла в рот сигарету и закурила. На предплечье — тату. Я не сразу разглядела, что изображено, какие-то черные каракули. Пару секунд вникаю. Крылья ангела. Крылья мне нравятся больше, чем непонятные слова, выбитые на руке у сына.

— Ну, я жду, — она подняла одну бровь.

— Что?

— Вы говорили, что хотите задать мне пару вопросов, — теперь подняла обе брови.

— Ах, ну да. — Пути назад нет. Как бы я ни считала этот разговор ошибкой, знаю: если упущу возможность, буду корить себя. Задаю вопрос, который мучил меня всю ночь: — Почему на моего сына наложен запретительный приказ?

Приподняв подбородок, она выпустила струйку дыма поверх моей головы. Дым на секунду повис в воздухе и растворился.

— Не хочу, чтобы он со мной общался.

И так понятно. Сдерживаю язвительный ответ, вместо этого говорю:

— Ясно. Почему? Что он тебе сделал?

Затягиваясь, она внимательно на меня смотрит. В ней есть стержень, на фотографиях этого не видно, но во время встречи я поняла. Тушь под глазами чуть размазалась, тонкие губы накрашены темно-бордовой помадой, из-за чего бледная кожа смотрится еще светлее. В носу — колечко. Не сбоку, висит посередине. Кажется, с ним не очень-то удобно. Руки в татуировках, рисунки выглядывают из-под ретро-футболки с «Металликой». Волосы собраны в растрепанный хвостик. По фотографиям в «Фейсбуке» решила, что она младше Хадсона. Но стоя рядом, думаю, они примерно одного возраста, а может, она даже старше.

— Хадсон говорил, что я поклонница?

— А, — не сразу поняла, о чем она. — Имеешь в виду, моя?

Она кивнула.

— «Танца сердец». Но и ваша тоже.

— Нет, не говорил.

— Так меня и пригласил на свидание. Сказал, что ваш сын. — Она стряхнула пепел. — Решила, что здорово бы пообщаться.

Странно, Хадсон мне ничего не сказал. Поклонников сегодня днем с огнем не сыщешь. Рада

узнать, что у меня есть хотя бы один.

— Я тогда только рассталась с парнем. Бывший мне изменял. А Хадсон, он такой…

Очаровательный? Милый? Привлекательный?

— Я ему так понравилась.

Ладно. Не то, что я ожидала.

— Понимаете, так приятно быть с кем-то, кому ты очень нравишься. С кем-то, кому ты нравишься, и даже, может, больше, чем он тебе. — Скользнула по мне взглядом: как вам новость, что сыграла на чувствах Хадсона в своих целях? Я ничего не ответила, не показала никаких эмоций. — Я решила, что наши отношения будут идеальные. Что больше мне не изменят. — Она посмотрела мне прямо в глаза. Нахмурилась. — Но оказывается, есть вещи похуже измены.

По спине пробежал холодок, хотя сегодня совсем не холодно. Обхватила себя руками.

— Что ты имеешь в виду?

— Хадсон до ужаса ревнив. Он запрещал мне видеться с друзьями. Черт, ему даже не нравилось, что я хожу на работу. Он постоянно торчал у магазина… прям как вы сейчас. — Меня бросило в краску. — После расставания уже подумывала уволиться: он постоянно сюда ходил.

— Но не уволилась, — заметила я. Вряд ли Хад-

сон был таким опасным. Она точно от него не скрывалась. — Ты даже не сменила номер.

— Я собиралась. И даже собиралась переехать — он постоянно появлялся в моей квартире. Собиралась изменить всю свою жизнь. Но тогда бы он одержал верх, понимаете? И я послала все в одно место. — Она кинула окурок на землю и растоптала, на ногах у нее были вансы в клетку. — Вот почему я обратилась в суд, и на него наложили запретительный приказ. Так я могла сохранить свою жизнь и не бояться, что он отравит ее своим присутствием. — Обойдя меня, она сказала: — Перекур окончен.

— Он когда-нибудь обижал тебя? — спросила я, пока она не ушла далеко. — Я имею в виду, физически. — В памяти всплыло ее лицо с синяком.

— Мне пора, — раздраженно бросила она, не сбавляя шаг. — Больше сюда не ходите. — Она зашла в магазин, оставив меня у входа, все так же без ответа.

Какое-то время стояла в недоумении, потом пришла в себя. Повернувшись, гляжу в окно магазина. Наталию увидела не сразу. На этот раз не за прилавком — среди стеллажей говорит с покупателем. На что-то показывает, наверно, альбом. С улыбкой на лице убирает прядь темных волос

— представляю, что, должно быть, видел Хадсон. Пытаюсь представить его на месте покупателя, но в итоге злюсь.

Наш разговор перевернул с ног на голову мое представление о сыне. То, как она его описывала, идет в разрез с моими собственными воспоминаниями: мальчик, которого надо крепко обнять, прежде чем уйти. Мальчик, который боится и поэтому берет меня за руку. Человек из ее рассказа — полная противоположность тому, кто живет со мной, покупает продукты и приглашает в бар, чтобы развеяться. Ужасно, что она открыла мне глаза. Ужасно, что я смотрю на него с новой, пугающей стороны.

Но оказывается, есть вещи похуже измены.

Слова, что она произнесла, заставляют вспомнить давно забытое. Это случилось за пару дней до смерти Хезер.

Все началось, когда я ударилась мизинцем. Ругаясь себе под нос, я нашла виновника. Хадсон и его найки.

К нам собирались прийти Лесли и Джеймс, я заранее убрала весь дом. У Лесли всегда идеальная чистота, об этом все знают. И я попросила детей соблюдать порядок и чистоту, как у нее. Неужели это так сложно?

Бурча, я схватила кроссовки и пошла наверх. Дверь закрыта, но я так разозлилась, что даже не постучала. Хадсон хочет, чтобы его правила соблюдали? Пусть научится соблюдать мои.

Распахнув дверь, швырнула кроссовки. Со стуком сначала упал один, потом второй. С победоносной улыбкой на лице я подняла взгляд, но улыбка быстро исчезла — Хадсон был не один. На нем, словно одеяло, лежала девушка. Ее волосы всклочены, помада размазалась. Оттенок на губах Хадсона, будто он поел красящийся фруктовый лед. Но это губная помада.

— Прошу прощения, — пробормотала я, выходя из комнаты и плотно закрывая дверь.

Вышло крайне неловко, уже не первый раз. Недавно Даррен грозился снять дверь с петель, а Хадсон отговаривал его, убеждая, что Хезер мы знаем хорошо и им двоим можно доверять.

Но в этот раз там была не Хезер.

Через стекло меня замечает Наталия — интересно, как долго стою тут, погрузившись в воспоминания. Поджав губы, бросила на меня раздраженный взгляд. Давно пора бы уйти. Смотря себе под ноги, быстрым шагом иду к машине. Сев внутрь, надеваю солнечные очки. Делаю глубокий вдох. Не стоило сюда приезжать. Это

была ошибка.

Если Хадсон узнает, он будет вне себя от ярости. Вдруг из-за меня нарушится запретительный приказ? Никогда себе этого не прощу.

Запретительный приказ. Как же глупо звучит. До сих пор не могу поверить. Мне казалось, такие дела заводят только на опасных ребят. Наркоторговцев, бандитов, насильников. Не на таких, как Хадсон. Пока выезжала с парковки, думала, а знаю ли я своего сына. Действительно ли он тот, кого мне описала Наталия: псих-собственник, который все держит под контролем? Или же он милый юноша, что приглядывает за мной? А может, и то и другое? Голова идет кругом.

Включаю поворотник и собираюсь свернуть на автостраду. Смотрю в зеркало заднего вида — сердце перестает биться. Сзади Хадсон.

Не прямо за мной, а через несколько машин.

Секунду назад боковым зрением видела, как его машина переместилась со средней полосы и встала за мной.

Присматриваюсь. Точно ли он? Машина такая же, но водителя не разглядеть. Но точно мужчина. Понятно по комплекции. Машина пропала из виду.

Господи, а если он видел, как я выезжаю с пар-

ковки магазина пластинок?! Понятно, зачем я приезжала. Как еще могу объяснить эту поездку? Решила развеяться? Почему бы нет.

Нет, вряд ли это он… Середина рабочего дня. Он на карьере в Висте-Фоллс. Окленд совсем в другой стороне. Он никак не мог тут оказаться.

Аккуратно выехав на автостраду, снова взглянула в зеркало заднего вида. Ни на одной из полос Хадсона не видно. Выдыхаю с облегчением, хотя тревога в груди все еще сидит. Не уверена, могла ли это быть машина Хадсона. Может, это из-за чувства вины, что накопилось за день? Я поступила безответственно. Глупо. На меня не похоже.

Может, это все болезнь?

Когда маме поставили диагноз, она вела себя более чем странно.

Да, скорее всего. Проявление болезни, ничего больше.

Действую безрассудно. Будь я здорова, никогда бы на такое не пошла. Хадсон не должен ничего узнать.

По дороге домой заправилась, запах бензина въелся в пальцы. Заправка осталась далеко позади, а он все держится. Терпеть не могу этот запах! Доходит до того, что глохну с пустым баком на дороге. Так и сегодня: еще немного и оказалась

бы куковать на обочине. Долгие годы нашей семейной жизни бак за меня заправлял Даррен. Когда он заболел, мне впервые пришлось ехать самой. Разрыдалась прямо на заправке. Рабочий подошел узнать, не нужна ли мне помощь, но я послала его куда подальше. Из машин на меня таращились водители. Кончилось тем, что я залила всего четверть и юркнула в машину — так было неловко. В спешке забыла про шланг. Поехала, и он оторвался, торчал из машины. Конечно же, я сразу это заметила и вернулась. Оплатила ущерб за шланг и заплатила механику за устранение вмятин на машине, — дорогая вышла поездка на заправку.

Подъезжаю к дому, у тротуара стоит машина Хадсона. Эту же машину я видела два часа назад в Окленде. Машина, которая должна быть сейчас в Висте-Фоллс у шахты по добыче глины. Которой не должно быть здесь. Но все-таки вот она.

Беспокойство вернулось, в груди ему как дома.

Всего лишь половина третьего. Обычно он дома ближе к четырем, иногда и позже, если есть сверхурочная работа.

Захожу, Хадсон за столешницей ест сэндвич. Прохожу на кухню, он поднимает голову и рассматривает меня с любопытством. Вся сто-

лешница в крошках, буханка хлеба и колбасная нарезка не убраны. Такое ощущение, что сэндвич он делал в спешке.

— Ты рано, — говорю я, не в силах на него посмотреть. — Сегодня без сверхурочной?

— Ага, — отвечает он с набитым ртом. — А ты где была?

Слышны ли в его голосе нотки обвинения? Непонятно.

— Да так… По делам ездила. — Ложь во рту отдает горечью, словно дешевый кофе без сливок. Все так же смотрю в пол.

Он кладет сэндвич на бумажное полотенце и вытирает руки о штаны.

— Я помогу занести пакеты. — Он что, пытается вывести меня на чистую воду?

— Нет-нет, я не в магазин ездила… — Он удивленно на меня смотрит. — Я ездила на заправку и занималась машиной. — По крайней мере, сказала правду. Хотя бы отчасти.

— И почему мне не сказала? Этим мог бы заняться и я.

Внутри у меня все замерло. Слова ли это жестокого, внушающего ужас человека? Вспоминаю взгляд Наталии, когда я уставилась на нее в окно. Точнее, не только тогда, а на протяжении всего

нашего разговора: держалась холодно, чувствовалось неуважение, граничащее с грубостью. Больше я с ней не пересекалась. Ничего о ней не знаю. Может, с ней что-то не так. Вдруг это она срывается. Пошла в суд специально, чтобы запятнать ему репутацию и получить материальную компенсацию. Она могла все выдумать.

Не люблю быть против того, кто может оказаться жертвой. Что мне делать? Верить ли незнакомому человеку, его обвинению против собственного сына? Зря я говорила с его бывшей.

Словно сыпь, меня покрывает чувство вины. Он так на меня смотрит — не могу это вынести. Боюсь, что все выболтаю.

— Эм… Голова немного болит. — Тру виски. — Думаю, мне лучше прилечь.

Он кивает, лоб нахмурен, уголки рта опущены, во взгляде беспокойство. Это мой сын. Неравнодушный. Заботящийся. И как я могла подумать иначе.

Не мог он ехать за мной. Он был на работе, а потом вернулся домой и перекусил. Только и всего.

Выхожу с кухни и слышу, как кто-то настойчиво скребется, следом тревожный лай.

Боуи.

Дверца собаки закрыта на защелку. Днем я

никогда ее не закрываю, и уж точно не закрываю, когда он на улице. Лай продолжается.

— Ты закрыл дверцу Боуи?

Хадсон пожал плечами и никак это не объяснил. Стесняется, что боится пса? Мог бы сказать, мы бы что-нибудь придумали. Боуи никогда бы на него не напал, но я все понимаю. Если в детстве видишь, как другого ребенка кусают за лицо, отношение к собакам меняется.

К тому же у Хадсона никогда не было домашнего животного. Если не считать Чомперса. Стою у двери, мыслями возвращаюсь в прошлое. Хадсону тогда было десять.

Убираю челку, прижимаюсь губами. Лоб всегда горячий. Когда он был маленький, я все время боялась, что у него неспадающий жар. Выпрямившись, шепчу:

— Спокойной ночи, — тянусь к выключателю, взгляд падает на клетку Чомперса.

Хадсон долго выпрашивал хомячка, и вот пару месяцев назад хомячок появился. Сын все время о нем заботится: проверяет, есть ли еда и чистая вода. Они с Дарреном даже пару раз вместе чистили клетку. Сын старается, заботится о питомце — горжусь им. Ведь когда очарование новым питомцем улетучилось, забота по уборке грязных

опилок не свалилась на меня. И честно говоря, я этому очень рада.

Стоп. Где Чомперс? Обычно, когда укладываю Хадсона спать, он шуршит — к ночи становится активнее. Его клетка наполнена всякими коробочками и колесиками — всем тем, что нам так настоятельно посоветовали купить в зоомагазине. Внимательно осматриваю клетку, но хомяка нигде нет.

— Хадсон. Где Чомперс?

Он хватает край одеяла, нижняя губа трясется.

Мое сердце уходит в пятки.

— Хадсон? — Я отхожу от стены.

— Не знаю, — произнес он тихо напуганным голосом. — Когда я поднялся после ужина, он был в клетке.

Когда мы купили Хадсону Чомперса, моим единственным правилом было не выпускать его из клетки. Не хотелось проснуться посреди ночи и обнаружить хомяка в кровати. При одной только мысли у меня бежали мурашки по коже. Теперь, когда осматриваю пол комнаты Хадсона, мою шею и грудь охватывает пылающий пожар чесотки, вызванной волнением.

— Почему ты ничего не сказал?

— Не хочу, чтобы ты меня ругала. — Он сел в

кровати, в глазах слезы. — Я обещал, что клетку открывать не буду. Я не открывал. Не знаю, куда он делся.

Я уставилась на него и спустя пару секунд вздохнула. Ему всего десять. Может, он еще слишком маленький, чтобы нести ответственность за питомца. Я вышла из комнаты и сказала о пропаже Даррену, весь вечер мы оба искали хомяка.

Спустя пару часов это дело бросили. Мы разложили по дому корм — вдруг появится, но, казалось, наши ожидания напрасны. Даррен был уверен: хомяк перегрыз провод и умер где-то в стене. Так что мне было поручено утром сообщить Хадсону плохую новость.

— Будет лучше, если скажешь ему ты.

Не уверена, что это так. Согласилась лишь потому, что меня мучила совесть: в последнее время редко бываю дома.

Тем вечером Даррен, как обычно, лег раньше меня. Я долго не спала, смотрела телевизор. Примерно в одиннадцать захотелось чего-то соленого и вредного, так что, стащив пакет чипсов, что мы купили детям на обед в школу, на кухне я хрустела чипсами и смотрела в окно: на втором этаже в доме Лесли загорелся свет и спустя минуту потух. Кто-нибудь спустился попить воды. Я

улыбнулась. Как же хорошо дружить с соседями!

Когда ничего не осталось, я открыла мусорное ведро. Не то, чтобы Кендра и Даррен ругают меня за ночные перекусы. Но это была последняя упаковка сырных начос, которые обожает Хадсон. Не хочу, чтобы меня приняли за воровку. Скомканную упаковку засунула поглубже в ведро и сверху аккуратно положила еще мусор, но вдруг я увидела что-то коричневое. И пушистое.

Отодвинула пару оберток и пустую упаковку из-под молока — теперь видно.

Чомперс.

Его тело безжизненно, голова вывернута под странным углом.

Не желая разбудить весь дом, я сдержала крик; борясь с тошнотой, завернула его в бумажное полотенце и сказав несколько слов («Прости, малыш»), похоронила в мусорном баке на улице.

На следующее утро я поговорила с Хадсоном. Он понятия не имеет, как хомяк там оказался. Странно. Он ведь туда попал не сам по себе. Хомяки не забираются в мусорки и не умирают просто так. Сказать Даррену, что я нашла беглеца, у меня не хватило смелости.

Единственный, кому рассказала, был Мак. Он меня успокоил, мол, волноваться не стоит.

Должно быть, в порыве эмоций Хадсон слишком сильно сжал хомяка. Или выпустил из клетки, а потом случайно на него наступил. Нелепая случайность, не более. Хадсон боится признаться, вот и все. *Какой нормальный ребенок станет убивать своего хомячка?*

Мак меня успокоил. Но что если он ошибается? Что если Хадсон взял и убил Чомперса? Что если это был звоночек, на который мне стоило обратить внимание?

Боже мой, снова я к этому вернулась! Снова меня засасывает в эту пучину. Что со мной не так? Может паранойя сопутствовать Альцгеймеру? Спрошу об этом доктора.

Открываю дверцу — на кухню влетает Боуи. По тому, как сильно виляет хвостом, понимаю: рад. Ничего не сказав Хадсону, поднимаюсь в спальню, следом за мной бежит верный пес.

Глава 15

Колбасная нарезка закончилась. Недовольно смотрю на сэндвич, который теперь не собрать до конца. Сыр, листья салата, майонез, хлеб. А вот колбасы нет. Обыскала весь холодильник. Закончилась. Хадсон, стало быть, съел всю пачку.

«Этот парень съест нас, а потом и наш дом», — поговаривал Даррен, когда Хадсон был подростком.

С тех пор мало что изменилось.

Глядя на куцый сэндвич, уговорила себя перекусить тем, что есть. Откусив, думаю, куда пошел Хадсон. Когда вернулась с утренней прогулки, его уже не было. Сегодня суббота, так что вряд ли он работает.

Откусила еще, вкус сэндвича вдруг перенес меня в детство. Моя семья жила скромно, мама часто готовила простенькие сэндвичи с сыром. Представляю ее на нашей старой кухне у столешницы: достает из шуршащего целлофана кусочки белого хлеба. Мои дети и представить себе не могут, каково это — расти в бедности. Несмотря на бесконечные жалобы, что мы как-то

не так их воспитывали, они никогда ни в чем не нуждались.

Знаю, что я не Лесли и не Бет. Так и не вжилась в роль матери.

Я не из тех девочек, что все детство мечтают, как бы выйти замуж и родить детей. Я мечтала стать известной. Выступать на Бродвее. Быть солисткой в популярной группе. Вот к чему я стремилась.

Быть в свете прожекторов, сочинять музыку и петь в свое удовольствие. Я совсем не думала о семье. Будь она большая или маленькая. Об этом мечтал Даррен. Благодаря ему у нас двое детей.

Благодаря мне их двое, а не больше.

Моя мать была домохозяйкой. Заботилась о нас с отцом. При одном только взгляде на нее я чесалась, не хватало воздуха. Целыми днями она занималась уборкой. Следила, чтобы мы с отцом были счастливы. Вечера проводила на кухне: готовила и убирала. По субботам гладила все папины рубашки и брюки. По воскресеньям готовила еду на неделю. И, похоже, все ее устраивало. Тогда я думала: будь у меня такая жизнь, я бы покрылась пылью и умерла.

Потом я встретила Даррена. Нам было по семнадцать. Я пела на свадьбе у друзей семьи. «Все,

чего я прошу» из «Призрака оперы» под аккомпанемент струнного квартета. До сих пор помню, что на мне было платье цвета морской волны, туфли в тон. Я чувствовала себя такой взрослой.

Даррен подошел ко мне на церемонии. Выглядел он прекрасно: темные волнистые волосы почти доставали до воротника рубашки, огромные карие глаза. Не красавчик, каких в школе было пруд пруди, — на носу забавная горбинка. Но в отличие от них, в нем чувствовалась искренность. Спокойствие. Очаровательная улыбка. Впервые я увидела его в черных брюках, рубашке, одна рука в кармане.

— У тебя удивительный голос, — сказал он.

Лучшего комплимента не придумать. Многие парни говорили, что я милая, — мне было все равно. Мой отец говорил матери, какая она милая, и снисходительно гладил по голове. Он мило гулял с ней под руку, а она мило о нем заботилась. Хоть бы раз назвал ее умной или талантливой! Она была творческой натурой — и он даже об этом не знал. Как-то раз в ящике со старьем я нашла ее наброски.

«Да, пустяки, — махнула мама рукой, в ответ на мое любопытство. — Увлекалась на досуге».

Но я видела, что это не пустяки. У нее хорошо

получалось.

Слишком хорошо. Ей бы заниматься собой, а не ублажать отцовы прихоти.

Я искала кого-то, кто увидит во мне больше, чем просто милую девочку. Кого-то, кто оценит мой талант.

— Спасибо, — улыбаюсь, застенчиво вожу носком туфли по полу.

— Что ты сказала? Хочешь танцевать? — спросил он, показывая на танцпол.

— Конечно.

Его руки крепко держали меня за талию, от него приятно пахло, каким-то знакомым одеколоном. Тогда мне этот запах показался самым приятным.

В конце вечера я надеялась, может, он узнает у меня номер телефона, но он не спросил. Он ушел с родителями, и я решила, что больше никогда его не увижу. Сакраменто — большой город. Слишком много людей, чтобы жить надеждой на случай. Встретимся ли мы когда-нибудь? Я даже не знаю, в какой части города он живет.

Но через месяц, как начался колледж, мы все-таки встретились. Был перерыв на обед, мы узнали друг друга в кафе. И на это раз он взял у меня номер. Через год я забеременела Кендрой. Виновата

в этом только я. По вечерам часто пела, Даррен, не отрываясь, смотрел на меня взглядом, полным любви. Когда возвращалась за столик, он протягивал мне бокал; в итоге домой я возвращалась поздно, по утрам забывала выпить противозачаточное. Иногда четыре-пять дней подряд.

О младенцах я ничего не знала. Никогда с ними не сидела, разве когда приходилось побыть няней у друзей матери. Но даже они понимали: надолго меня не хватит. У меня были куклы, но я не играла в дочки-матери. Другие девочки своих кукол качали, прижимали к себе. А я своих усаживала в ряд и пела — хоть какие-то слушатели.

Я никогда не хотела быть матерью. Я хотела быть звездой.

Но несмотря на это, своих детей я люблю и делаю для них все возможное. Надеюсь, однажды поймут.

Доев сэндвич, кладу пустую тарелку в раковину и включаю кран. Крошки смываются, тарелка чистая и мокрая. Загружаю тарелку в посудомоечную машину и замечаю под ногтями грязь, с тревогой думаю, откуда она. Но потом вспоминаю: утром делала новую композицию из суккулентов. Смыв грязь, вытираю руку о полотенце. Над головой включается кондиционер. По

коже пробегают мурашки. Иду наверх за свитером. Поднявшись, заглядываю вниз в гостиную. У фортепиано на лежанке крепко спит Боуи; солнечные лучи, падающие из окна, сверкают на его шерсти. Свернулся клубком, ему хоть бы хны.

Ему, должно быть, хорошо!

Зайдя в спальню, смотрю по сторонам, но в голове пусто. Зачем я пришла сюда? Вспоминаю. Приготовила сэндвич. Без колбасы. Правильно, надо добавить ее в список покупок. Но то было на кухне. Что мне понадобилось в спальне?

Стою посреди комнаты, смотрю по сторонам и надеюсь: что-нибудь да всколыхнет мою память. Нет, ничего.

Звонит в кармане. Достаю телефон.

Это Кендра.

— Привет, мам. Как дела?

— Хорошо, — говорю я, а сама думаю о своем: пытаюсь представить, что мне понадобилось в спальне.

— Читала статью, что отправила тебе?

Вот блин. Статья о здоровом питании и как оно влияет на память.

— Нет, пока нет. Но сегодня прочту. Как раз надо сходить в магазин. Прочту утром и перепроверю список покупок. — Сомневаюсь, что там будет

что-то новое, но Кендре надо подыграть.

— Да, прочти, пожалуйста. Думаю, пригодится, — говорит она. — Ладно, мне пора бежать. Но я хотела узнать: посидишь с Мейсоном в понедельник?

— Понедельник? — Быстро спускаюсь, иду на кухню и смотрю на календарь. Запись к врачу во вторник, в понедельник у меня ничего. — Да, давай.

— Супер, Тео завезет его утром в полвосьмого.

— Договорились.

— Записала? — спросила она.

— Записала.

— Хорошо. — Молчание. — В понедельник Хадсон работает, верно?

Странный вопрос, но я отвечаю как есть:

— Да.

— Прекрасно.

Кладу трубку, интересно, к чему она это спросила.

— Мама! — закричала Кендра. Странно, что из окон стекла еще не повылетали. Ее голос раздался со второго этажа, мы с Дарреном смотрели телевизор в гостиной. Крик недостаточно громкий: посапывавший в кресле Даррен так и не проснулся. Тяжело вздохнув, я встала, внутренне уже

напряглась. День был насыщенный, и я только присела отдохнуть. А меня отвлекли. Не спеша поднимаюсь по лестнице. Захожу в комнату Кендры, она тычет на пол и говорит:

— Смотри, что натворил Хадсон!

Картина в комнате словно из фильма ужасов. На полу валялись оторванные головы кукол и тела. И это не были куклы Барби. У Барби головы без проблем прикрепляются на место. Это были тряпичные куклы. Мы покупали их, когда она была еще малышкой. Между головами и телами, что устилали деревянный пол, растянулась вата, словно декоративная паутина для Хэллоуина.

— Хадсон! — воскликнула я в ужасе и приняла отчитывать пятилетнего сына. Нет, это какой-то кошмар! Подняла с пола его детские ножницы. Их называют безопасными? О какой безопасности может идти речь, если он ими устроил такое?

— Зачем ты это сделал?

Скрестив руки на груди, он бросил на старшую сестру злобный взгляд:

— Я не хотел играть в дочки-матери. Она заставила. Это она виновата.

Кладу телефон в карман, слышу, как открылась входная дверь. Залаял Боуи. Выйдя в коридор,

вижу, что в дом зашел Хадсон, в руке у него пакет продуктов. Подпрыгивая и лая, за ним бежит Боу. Хадсон прикрывается пакетом.

— Боуи, фу! — кричу я. Пересекаемся взглядом с Хадсоном. — Ходил в магазин?

В детстве его попробуй уговори сходить вместе за продуктами. Он тащился следом и все время ныл. Брала его с собой, только если Даррена не было дома. Не хотела оставлять сына одного. А так, конечно, походы в магазин его страданий не стоили.

Дернув плечами, он пошел на кухню и поставил пакет на столешницу.

— Твой список видел.

— Спасибо.

Заглянув в продуктовую сумку, нахожу нарезку из индюшиной колбасы. Стыдно, что утром на него разозлилась. Не стоило из-за Кендры плохо думать о сыне. Их детские ссоры — всего лишь вражда брата и сестры. Мое с ним общение — это совсем другое. И не надо смешивать. Кендра его плохо знает.

Разумеется, я вижу в нем недостатки. Да, он не идеальный. Но такой милый. Был и есть. Он делает ошибки, иной раз может напортачить, но всегда загладит свою вину.

— Что ты тут делаешь? — Было уже поздно, за окном стемнело. В комнате Хадсона тускло, лампа на комоде едва освещает желтым светом. Он сидит в углу, что-то от меня прячет. Десять минут назад сказала ложиться спать. На нем пижама с Бэтменом, подойдя ближе, услышала запах зубной пасты.

— Хадсон. Дай посмотрю, — я чуть к нему наклонилась.

Он повернулся и показал то, что прятал. Это была кукла Кендры. Пытался приклеить голову скотчем. Почти получилось, только вот ненароком он прилепил ее задом наперед. Выглядело жутко: из спины торчало лицо, при каждом движении рук Хадсона голова слегка клонилась набок и покачивалась.

Выдавив из себя улыбку, нежно погладила Хадсона по голове.

— Чинишь куклу Кендры? Какой молодец! Но уже поздно, пора спать. Давай-ка ты закончишь завтра, идет?

Хмурясь, он кивнул.

У меня кольнуло в груди. Он обидел свою сестру, но теперь пытается все исправить. И это очень важно.

— А знаешь что, — сказала я, ведя его к кро-

вати. — Завтра мы поедем в магазин, и ты поможешь мне выбрать пару новых кукол для Кендры, согласен? — Уголки его рта чуть приподнялись. Лег на подушку, кажется, настроение у него поднялось. Пока я укрывала его одеялом, кукла с выкрученной головой таращилась на нас с пола. Меня пробрала дрожь: черные глаза-бусинки и вывернутая шея — жуть.

— Давай помогу, — говорю я, выходя на улицу следом.

На другой стороне улицы в доме Лесли открывается дверь. Хадсон достает из багажника сумку. На крыльцо выходит мужчина. Крупный, волосы седые. Хадсон распрямляется и удивленно спрашивает:

— У Лесли появился бойфренд?

— Насколько знаю, нет. — Мужчин рядом с ее домом не видела несколько лет.

Я приглядываюсь.

— Господи! Это что, Джеймс?

— Думаешь? — Хадсон тоже прищурился.

— Может быть.

Немного поднабрал, волосы уже не каштановые, а скорее седые, но это точно он.

Чем дольше смотрю, тем больше убеждаюсь.

Но что он тут делает?

Смотрит в нашу сторону, машу ему рукой. С ним у нас не такие плохие отношения, как с Лесли. На самом деле, когда он уезжал, у нас состоялся достаточно теплый разговор. Но сегодня на мое приветствие он не ответил. Вместо этого он внимательно следит за Хадсоном со спины: тот с сумками поднимается по ступенькам.

Глава 16

В манеже агукает Мейсон. Он лежит на спине и болтает в воздухе ножками, словно йогой занимается. Взгляд его ярко-голубых глаз устремлен на сводчатый потолок. Этим утром у Кендры занятия, а Тео на работе. Мейсон совсем не хочет спать, но думаю, скоро устанет. Тео сказал, что он плохо спал. А значит, и Тео с Кендрой тоже.

— Выглядишь уставшим, — заметила я, когда Тео завалился к нам: в одной руке — Мейсон, в другой — сумка с детскими вещами. Зевает. — Понедельники всегда тяжело даются.

— Дело не только в этом. Я сидел с ребенком, пока Кендра готовилась к сегодняшнему экзамену. Легла она поздно. — Он протянул мне внука, рад от него отдохнуть, по лицу видно. — Кендра, чтобы успокоить малыша, катает его в машине. Этой ночью я тоже попробовал, но ничего не вышло. Ребенок всю ночь играл и лепетал.

— Совсем не выспался? — говорю сейчас Мейсону.

В ответ он хихикнул.

Рассмеявшись, быстро пошла на кухню го-

товить ему смесь. Насыпаю ложку порошка и включаю кран, жду, когда вода станет теплой. Выглядываю в окно — у меня во рту пересыхает.

Как и каждое утро на крыльце с кружкой кофе стоит Лесли. Но на этот раз она говорит не с толпой соседок-сплетниц. Она говорит с полицейским.

Хнычет Мейсон.

Из крана льется вода, она стала такой горячей, что в лицо поднимается пар.

Но не могу двинуться с места. Стою ошеломленная, ошарашенная — Лесли показывает на мой дом, полицейский смотрит по направлению протянутой руки. Словно дежавю. Словно мы перенеслись на десять лет назад.

Мейсон расплакался, отрываюсь от плохих мыслей.

— Бабуля идет, сладенький, — кричу я из кухни, сделав воду похолоднее. — Подожди немного. Почти готово.

Разбавив смесь и перемешав, бегу к внуку. Беру его на руки, усаживаюсь на диван, кладу его на колени и даю ему бутылочку.

Он жадно пьет, рукой играет с рукавом моей блузки.

К окну сижу спиной, что там происходит у Лес-

ли, мне не видно. Но, может, оно и к лучшему. Пытаюсь думать только о внуке. Еще месяц назад я часто с ним сидела. Минимум два раза в неделю. Кендра меня заверила, что теперь она и сама справляется. Но я-то знаю правду. Ее беспокоят мои провалы в памяти. Мейсон тут всего на пару часов, так что надо наслаждаться каждым мигом. И не думать о Лесли.

Тяжело вздохнув, устраиваюсь на подушках поудобнее и немного меняю положение руки. Мейсон потяжелел.

Вскоре он заснул, губки сомкнулись, соска выпала. По подбородку стекает молочная слюна. Перед тем как сесть, забыла взять из его сумки полотенечко, поэтому вытираю пальцем. Не хочу его тревожить. К тому же мне некуда спешить. Прижав его покрепче, смотрю на милое сонное личико. Веки дрожат, похоже, ему что-то снится.

Нежно провожу костяшками пальцев по пухленькой щеке, он сжал губки — я улыбнулась.

Раздался настойчивый стук в дверь. Я вздрогнула. Мейсон слегка зашевелился.

Повернувшись, выглядываю в окно. На крыльце Лесли одна. У тротуара все еще припаркована полицейская машина.

Сердце ушло в пятки.

Прижав Мейсона к груди, поднимаюсь, смотрю на его лицо. Он так же крепко спит, иду к входной двери, стараясь не разбудить его. Через глазок вижу мужчину в рубашке.

Тяжело сглотнув, свободной рукой открываю дверь, другой крепче держу Мейсона.

— Чем могу помочь? — тихо спрашиваю я, чтобы не разбудить Мейсона.

— Здравствуйте, Миссис Джейкобс, все верно?

— Да, зовите меня просто Валери.

«Миссис Джейкобс» у меня всегда ассоциируется с матерью Даррена. Когда дети были маленькими, я настаивала, чтобы их друзья называли меня Валери. Но другие мамочки предпочитали, чтобы их дети звали меня миссис Джейкобс, по их мнению, обращаться по имени неуважительно. Никогда я их не понимала. Меня зовут Валери. Так почему бы не обращаться ко мне так?

— Валери, я детектив Дэниелс. Я говорил с вашими соседями о деле Молли Фостер. — Он показал удостоверение.

Я кивнула, меня наполнило чувство облегчения. Видимо, он опрашивает всех соседей, как и полиция — всех коллег Молли. Я говорила и с Кендрой, и с Тео по поводу поездки в участок: допрос прошел доброжелательно.

Был ли хорошо с ней знаком?

Подозревает ли он кого-то?

Вела ли она себя странно за несколько дней до смерти?

Примерно такие вопросы были.

— Понимаю… Боюсь, не сильно вам помогу. Но с радостью отвечу на все вопросы, — говорю я.

— Очень мило с вашей стороны, но мне нужен ваш сын Хадсон.

Чувство облегчения мгновенно улетучилось.

— Хадсон? Зачем?

— Мне нужно задать ему пару вопросов.

— Он пока на работе, но вряд ли вам чем-то поможет. С Молли они не были знакомы.

— Неужели? — От удивления брови детектива Дэниелса поднялись. — Несколько ваших соседей сказали, что видели, как ваш сын и Молли разговаривали перед вашим домом.

Укладываю Мейсона по-другому.

— Ну и ну… — Будь проклята эта Лесли. Должно быть, она снова за нами шпионит. — Вообще-то да, как-то вечером на ужин к нам с Хадсоном приходили моя дочь с мужем. Мы сидели на крыльце и ели десерт, а в это время мимо пробегала Молли. Оказалось, что с моим зятем они вместе работают, он нас представил. Всех.

— Кто ваш зять?

— Тео Притчетт.

Он что-то записал — думаю, имя Тео — и снова поднял на меня взгляд.

— Тогда почему вы говорите, что Хадсон не был знаком с Молли?

Я покраснела. Боже, веду себя как лгунья!

— Потому что он не знал ее. Мы все видели ее один раз и все.

Мейсон моргнул, потянулся и снова уснул. Всей душой хочу: пусть он проснется и заорет так громко, чтобы детектива вмиг отсюда сдуло.

— И больше они не виделись?

С полной уверенностью собираюсь ответить нет, открываю рот, но хорошенько подумав, его закрываю. Если он задает вопрос, то наверняка ответ ему уже известен. Вранье еще больше вызовет подозрение к Хадсону, может, он подходит по приметам. Но я знаю: Хадсон не виновен, ведь так? Когда была у Молли, не нашла ничего, что бы указало на его присутствие в доме. Может, всем будет лучше, если скажу правду.

— Он вроде в субботу вечером был с другом в баре «Мидтаун», там же оказалась и она.

— Может, вам известно, общались ли они? Выпивали ли вместе? Провожал ли он потом

ее домой? — он говорил равнодушно и безэмоционально, хотя спрашивал у матери о личной жизни ее сына.

Думаю о соседке. О той, которая сказала, что видела у Молли бородатого парня. Говорил ли Дэниелс с ней? Даже если и говорил, это еще ничего не значит. Бородатым парнем мог быть кто угодно.

— Нет, они не общались, — отвечаю я.

— Вы уверены?

— Да, уверена.

Мейсон выскальзывает из рук, приподнимаю его. И вот этот момент настал. Кожа краснеет, он корчится, открывает рот и начинает плакать. Бросаю на детектива извиняющийся взгляд.

— Если это все, то мне надо срочно идти.

Он засовывает руку в карман и достает оттуда визитку. Протягивает ее мне.

— Когда сын будет дома, пусть мне наберет.

— Да, конечно. — Беру визитку.

Хадсон уставился на визитку в руках. Успела перехватить его у двери — собирался на встречу с друзьями; он только вернулся с работы, а я переодевалась. Блузку, в которой была, обслюнявил Мейсон.

— А зачем ему со мной разговаривать?

— Думаю, он просто опрашивает всех в районе.

— Ты с ним говорила?

Я кивнула.

— Тогда зачем меня допрашивать?

Вздыхаю, знаю, что рассказать стоит.

— Он знает, что ты виделся с Молли в субботу.

— Как он об этом узнал? — Его взгляд потух.

— Хадсон, прости, — сморщилась я. — У меня не оставалось выбора.

— Это ты ему сказала? Зачем? — Повысив голос, злобно спросил он.

— Мне показалось, что ему все уже известно. Если соврала бы, то тебя бы стали подозревать.

— Да откуда ему знать?

— Не знаю, — покачала я головой. — Но перед тем, как ко мне прийти, он говорил с Лесли. Видела, как она показывала на наш дом. И ему было известно о нас, о тебе, он знал, что в пятницу вечером мимо нашего дома пробегала Молли.

Он заскрежетал зубами, на лбу запульсировала вена — так бывает, когда он расстраивается.

— Я должен был догадаться, что без Лесли тут не обошлось. Она когда-нибудь оставит меня в покое?

В комнату заходит Боуи, провожу пальцами по шерсти.

— Не стоит переживать. Тебе же нечего скрывать, так что звони детективу Дэниелсу и говори все как есть.

— Ладно, хорошо. — Растерянно он убрал визитку в карман брюк. — Позвоню завтра. — Он взялся за ручку двери. — Постараюсь вернуться пораньше.

Смотрю, как он выходит на улицу, гляжу через витражное стекло двери: то его много, то он уменьшается — преломление света; а в голове все крутятся и крутятся слова:

Она когда-нибудь оставит меня в покое?

Десять лет — это долго. Надеялась, что спустя столько лет, она перестанет мстить Хадсону. Мстить нашей семье. Но похоже, все стало еще хуже.

Когда Хадсон сел в машину, отъехал и скрылся вдали, я надела кроссовки и куртку. Вышла из дома и стала осматривать улицу.

Пришло время поговорить с Лесли.

Тишина, слабо горят уличные фонари, тащусь через ее лужайку и стучу в дверь. На улице свежо, пахнет росой и чем-то сладким.

— Что тебе надо? — открыв, спрашивает она настороженно, выглядывает из-за моего плеча.

Она скрестила руки на груди, видимо, за-

щищается от меня. Будто дама за пятьдесят представляет собой смертельную угрозу. Чуть не засмеялась.

Но пока шла сюда, дала себе слово быть любезной соседкой. Так что смех я засунула куда подальше и выдавила из себя приветливую улыбку.

— Подумала, что мы могли бы поговорить.

— Уже поздно. — Она пристально на меня посмотрела.

— Понимаю. Видишь, как для меня это важно. — По выражению лица понятно, что ее это ни капельки не заботит. — Лесли, прошу тебя. Всего пару минут, и обещаю, я тебя больше не побеспокою.

На кухне засвистел чайник. Она не знала, как быть: сначала сделала шаг в сторону кухни, потом вернулась ко мне. В конце концов она со вздохом сказала:

— Ладно.

Не приглашая меня пройти, она повернулась и побежала на кухню, оставив входную дверь нараспашку.

Посмотрев по сторонам, я вошла и закрыла дверь.

С моего последнего визита мало что изме-

нилось. Ей всегда нравилось старье. Словно продолжает жить в восьмидесятых. В гостиной все та же плетеная мебель и акварели, на которых изображен пляж в оттенках морской волны, нежно-розового цвета. В горшке, облепленном ракушками, растет папоротник, а в дальнем углу из горшка торчит огромная пальма. Терпеть не могу эту побережную чушь. И живем-то мы вдали от океана.

Захожу на кухню и вижу стены тошнотно-желтого цвета, Лесли у столешницы, наливает себе чай. Мне не предлагает.

— Ну что, — поднимает она одну бровь. — У тебя три минуты.

Так же она разговаривала с юной Хезер.

— Лесли, ты заблуждаешься по поводу Хадсона. Заблуждалась и раньше. — Плечом задеваю листья лотоса, свисающего с потолка. Бог ты мой, в теплицу будто попала! Лесли всегда любила растения, но, похоже, она впала в крайность.

— Если ты пришла только ради этого, то зря теряешь время.

— Ты же знаешь Хадсона… точнее, знала его ребенком. Он постоянно проводил тут время. Ты любила его. — Начинает чесаться горло. И нос. Должно быть, из-за растений. У меня легкая

аллергия. Вот почему занимаюсь только суккулентами. И еще, их не надо постоянно поливать. А то я забуду — завянут.

— Все это в прошлом. — Выражение ее лица никак не изменилось.

— Понимаю, потерять Хезер нелегко, но…

— Нет, не понимаешь, — огрызнулась она. — Не смей приходить в мой дом и говорить о том, каково это — потерять ребенка. Ты понятия не имеешь. Оба твоих ребенка живы. — Ее руки дрожат. Губы трясутся.

Тяжело сглатываю и жду пару секунд.

— Ты права. Я не в силах понять всю твою боль, Лесли. Но Хезер я тоже любила. Как и Хадсон. Когда она умерла, нам всем было непросто.

— Он ее не любил. Он убил ее.

— Это неправда, ты же знаешь. Он не трогал Хезер, как и не трогал ту девушку, Молли. Он никого не убивал, — говорю я, понимая, что она меня даже не слышит. — То, что случилось с Хезер — ужасно, но это всего лишь несчастный случай. Даже полиция считает, что она подошла слишком близко к краю и упала.

— Он толкнул ее, — слишком резко ответила она: изо рта вылетела слюна и упала на грудь.

— Лесли, он никогда бы так не поступил. Я отка-

зываюсь в это верить, — возразила я. — И хватит ему мстить за то, чего он не делал. Оставь его в покое. Дай спокойно жить. Перестань распространять слухи и обсуждать с полицией недавнее убийство. Он никак с ним не связан, из-за тебя расследование заходит в тупик, а настоящий убийца гуляет на свободе.

— Кто сказал, что я распространяю слухи?

— Я это знаю. Сразу после разговора с тобой ко мне пришла полиция и начала спрашивать про Хадсона. Вряд ли это совпадение.

— Какое тебе дело до моих разговоров? Если он такой невинный, то почему тебя волнует, с кем я разговариваю?

— Потому что знаю: если несколько человек начинают сплетничать, то даже невиновный превращается в виновного. Так было со мной, когда умер Мак. Помнишь, да? — Тогда мы еще дружили. Я доверилась ей.

Она пристально на меня посмотрела, но неуверенно кивнула, проявив толику милосердия. Позади нее на крючках под кухонным шкафчиком висят любимые кружки.

Меня наполнила невероятная грусть: мы с Лесли столько потеряли. Годы дружбы, которая могла продолжаться. Но случилось то, что случи-

лось. В роковую октябрьскую ночь.

Стоя сейчас на кухне, задаюсь вопросом, что же мучает меня все эти годы: могла ли я тогда сказать что-нибудь, что сохранило бы наши отношения?

Но она смотрит на меня: губы плотно сжаты, злобное недоверие во взгляде — и я понимаю, что не могла. Смерть Хезер изменила Лесли до неузнаваемости. Даже разрушила ее брак. Если рухнули отношения с Джеймсом, то почему я надеюсь, что можно было сохранить наши?

На протяжении многих лет жалею, что в ту ночь отпустила детей. Стою и разглядываю лицо бывшей подруги — в этот миг сожаление становится еще больше. Вижу какой-то огонек, что вот-вот потухнет и исчезнет, и я целюсь в трещину в ее броне. Всеми силами хочу разбудить в ее душе бывшую подругу, ту, которая верила мне и моей семье.

На короткий миг вспоминаю те времена, когда мы еще не поссорились. Сидим на этой самой кухне, смеемся и болтаем, попивая дымящийся чай. Лесли была единственной подругой, которой я рассказывала об алкоголизме Даррена. Доверила свои страхи, что я плохая мать. Не осуждая, она выслушивала меня, накрывала своей рукой мою. Говорила, мол, в этой жизни всем непросто

и каждый из нас делает все, что в наших силах.

После смерти Хезер я ожидала такой же поддержки и понимания. Разве это странно?

Встряхнув головой, возвращаюсь в настоящее. К тому, что надо решить сейчас.

— Джеймс приходил к тебе, я видела. О чем еще ты могла говорить с ним, как не о небылицах про Хадсона?

На место мягкости к ней снова вернулась жесткость:

— Увы, но твои три минуты истекли.

Киваю и выхожу с кухни. Все-таки жалко уходить.

Уходить из дома, полного цветов и воспоминаний.

Глава 17

Склоняюсь над безжизненным телом Хезер. Из головы натекла лужа крови, по земле разошлись струйки алого цвета. Мои туфли забрызганы липкой жижей, отхожу, руки тоже в ней. В ужасе зажмуриваюсь. Открываю глаза — вокруг густая зелень. Она наступает на меня, листва щекочет кожу. Отпихиваю ее рукой, нос чешется, горло дерет. От прикосновения один лист крошится, всматриваюсь и вижу: растение пожелтело, концы веток голые, оно умирает.

Носками упираюсь во что-то жесткое и неподвижное. У меня в ногах больше не труп Хезер.

Это Мак.

Просыпаюсь от громкого стука. Открываю глаза. Вся мокрая. В свете луны, что падает сквозь шторки, смотрю на руки. Чистые. Белые. Сухие, их бы смазать кремом, но, благо, не в крови. В памяти все еще безжизненный взгляд Мака. Делаю глубокий вдох, столь мне необходимый.

Еще один стук. Подскакиваю в постели. *Грейс*?

Осматриваюсь, ожидая увидеть в ногах кровати ребенка с ярко-розовым мячиком в руках.

Даррен все время говорил, что мой интерес к Грейс нездоровый. Как и Кендра.

«По-моему, это жутко. Жить в одном доме с призраком ребенка», — твердили они на протяжении многих лет.

Но я так не считала. На душе становилось спокойнее при мысли, что она тут со мной. Что я могу на нее рассчитывать, словно она мой ангел-хранитель.

Когда шум повторился снова, я поняла: не стучат, а что-то хлопает. Боуи навострил уши и поднял голову. Откинула одеяло и слезла с кровати. Боуи спрыгнул и пошел за мной. Выхожу в коридор — холодно. Холоднее, чем обычно. Ощущаю влажный уличный воздух. *Окно открыто*?

Дверь в комнату Хадсона приоткрыта. Раскачивается со скрипом, будто ребенок играет.

Заглядываю внутрь и всматриваюсь в темноту. Хадсона нет.

Топая, спускаюсь по лестнице. Внизу дует ветерок. Непонятно откуда взявшийся ледяной порыв. Обхватываю себя руками, словно это поможет разгладить гусиную кожу. Шум громче, нахожу виновника. Входная дверь нараспашку, ветер хлопает ею о стену. Становится не по себе. Глажу Боуи.

— Хадсон! — дрожащим голосом зову я.

Сердце бешено стучит в ушах, вглядываясь и вслушиваясь, выхожу наружу.

— Хадсон! — на этот раз увереннее. Ответа так и не последовало.

На веранде пусто, ветер раскачивает цепи качелей. Ладошки мокрые, ледяные, нервы натянуты. Дом кто-то взломал? Вор внутри? Поворачиваюсь в полной уверенности, что там кто-то есть: преступник, одетый во все черное, на руках резиновые перчатки — вот-вот задушит. Но, к счастью, никого.

Выхожу на веранду босиком, под шагами скрипят доски. На улице, окутанной темнотой, тихо. Осматриваю газон перед домом. Взгляд падает на противоположную сторону.

Именно тогда я Хадсона и заметила. Без футболки он стоит ко мне спиной и не шевелится. Посреди лужайки Лесли.

Боже мой!

Что он тут делает?

Сорвавшись с места, бегу по ступенькам вниз. Звеня жетоном на ошейнике, следом бежит Боуи. В деревьях свистит ветер, листья, словно маленькие насекомые, мчатся по асфальту. Не обращая внимания на грязь под ногами, изо всех сил мчусь

через газон. Перебегаю дорогу и заскакиваю на лужайку к Лесли.

Отсутствующим взглядом Хадсон смотрит в ее окно, взгляд пустой, зрачки неподвижны.

Он ходит во сне.

Знаю: в таком состоянии его лучше не будить, но мне нужно как-то отвести его домой.

— Хадсон, пойдем.

Аккуратно беру его под руку и осматриваю улицу, молясь, чтобы никто нас не увидел. Не представляю, какие сплетни поползут, если нас заметят.

— Нам надо идти.

Обхватываю его за туловище и поворачиваю. Он не сопротивляется, делаем пару шагов.

— Мама? — Выйдя из транса, Хадсон моргнул. Растерянно на меня смотрит. — Что происходит?

— Ты ходишь во сне.

— Но как я тут оказался?

— Не знаю, — покачала я головой. Шорох шин, звук двигателя. Переживая, хватаю Хадсона за руку. — Давай быстрее уйдем с лужайки Лесли… Пока нас не увидели.

— Знаешь, я все время о ней думаю. — Похоже, меня он не слышит.

— О Лесли? — сдвинув брови, спрашиваю я.

— О Хезер.

— Ах да. — Визг тормозов где-то неподалеку, от испуга дергаюсь. — Точно-точно. Понимаю.

— Я не все тебе рассказал… — он моргает, — о той ночи.

Моя душа уходит в пятки. От холода Хадсон стучит зубами.

— Давай поговорим об этом чуть позже? Нам надо вернуться. — Почувствовав, что он сомневается, сжала руку сильнее. — Ну же. Пойдем.

На лицо падает лунный свет, будто порез. Ровная полоса. Взгляд потух, он кивает и молча идет за мной. Вернувшись на наш двор, свистом зову Боуи, он вылезает из-под веранды, где все обнюхал. Войдя в дом, захлопнула дверь и закрыла ее на замок. Бросаю еще один взгляд в окно на пустую тихую улицу и потом долго, тяжело дышу, выдыхая весь воздух из легких. Ступни ног покалывает от холода. Встаю на придверной коврик — какой же он теплый!

— Мам? — тишину разрезал голос Хадсона.

— Уже поздно. Стоит снова лечь спать, — качаю я головой.

Не поднимая головы, иду на второй этаж, взгляд опущен на голые ноги, на ногти, накрашенные красным. Все время, что поднимаюсь по лест-

нице, меня не оставляют в покое слова, что не позволила ему произнести.

Когда я подъехала, Хадсон меня ждал. Он стоял на дороге, посыпанной гравием, один, вдали от друзей. Издалека я увидела полыхающий костер. В последний раз на обрыве с видом на Американ-Ривер я была в старшей школе. Местные подростки для тусовок выбирают все то же место, за десятилетия ничего не поменялось. Выйдя из машины, услышала громкие разговоры и музыку, пахло дымом.

Его колотило, зуб на зуб не попадал, плечи тряслись.

Я взяла его за плечи и посмотрела прямо в глаза.

— Что случилось?

— Хезер. Она… она упала.

— Где она? — Я осмотрелась. — С ней все в порядке?

Какое-то время он смотрел на меня молча. На душе стало нехорошо. Он слегка помотал головой из стороны в сторону, взгляд наполнился слезами.

Оглянувшись, он указал трясущейся рукой на скалы.

— Понимаешь, мы говорили у реки, наверху. Она

была пьяная. Кричала. Раз — и она… Я пытался спасти ее, — сказал он надтреснутым голосом и замолчал.

Меня захлестнула волна ужаса, в голове появился водоворот вопросов: «Что она кричала? Где Хезер сейчас?» И потом он посмотрел мне в глаза слишком отчаянным взглядом, я не поверила ему.

— Мама, это вышло случайно.

Тогда-то я и узнала о смерти Хезер. «Раз — и она…» Я пыталась восстановить цепочку событий. Потом она упала. Если она поскользнулась и не смогла ухватиться за какую-нибудь сосну, растущую на обрыве, то удар был сильный, после падения с такой высоты она никак бы не выжила. Подступил ужас, но я отодвинула его куда подальше. Сейчас не время. От того, что произойдет дальше, зависит будущее моего сына.

Я тяжело сглотнула.

— Ты звонил в полицию?

— Нет еще.

Я наполнила легкие воздухом. Вспомнила смерть Мака, полицию, которая забросала меня личными вопросами, жуткое подозрение, с которым ребята из группы, друзья и совсем незнакомые люди ко мне относились. У Хадсона

еще было время.

— Мама, мне страшно, — сказал он.

— Знаю, ответила я. — Все будет хорошо, обещаю.

Когда он сказал, что все вышло случайно, я поверила ему.

Звенит будильник, переворачиваюсь на спину и не понимаю, почему с него начинается день. Обычно я не ставлю будильник. На утреннюю прогулку просыпаюсь сама. Веки тяжелые, будто склеены. Вытягиваю руку и ставлю будильник на повтор. Звенит еще раз, выключая, конечно же, срываю крышку. Замечаю стикер, на нем написано: «В 9 утра доктор Штайнер».

Уставившись в потолок, думаю об отмене приема. Забрав Хадсона с лужайки Лесли, несколько часов не могла заснуть. А когда уснула, то просыпалась каждую минуту, один кошмар сменялся другим. Я жутко не выспалась. Сидеть в приемной доктора Штайнера, возвращаться в его кабинет снова и снова, проходить неприятные осмотры и отвечать на унизительные вопросы насчет моего психического состояния — все это сейчас выше моих сил. Хуже не представишь.

— Какое у тебя милое личико. — Мама тро-

гает локон Кендры. — Ты очень похожа на мою дочурку. Знаешь ее? — Водянистым взглядом она осматривает комнату. — Она где-то тут, наверное. Постоянно во что-то играет.

Нижняя губы Кендры затряслась, вот-вот заплачет. Сморщившись, она бросила на меня взгляд, в нем — отчаянная мольба. У меня сердце кровью обливалось. Чуть раньше мать понравилась бы Кендре, вот только она уже выжила из ума. Не то чтобы мы стали для мамы чужими людьми, скорее, она для нас стала чужой. И при мысли об этом мне становилось безумно грустно. Странное чувство: оплакивать того, кто еще жив.

Не хочу, чтобы на моем месте оказались Хадсон, Кендра и, если уж на то пошло, даже Мейсон. Решившись, силой заставляю себя выбраться из постели и, собираясь к доктору, выпиваю поллитра кофе. Я встала позже, чем планировала, но каким-то чудесным образом на запись не опоздала.

Доктор Штайнер узнал про мое самочувствие, провел пару тестов на когнитивные способности: попросил определить время по часам со стрелками и за шесть секунд назвать как можно больше животных, а потом направил в лабораторию сда-

вать анализ крови. На следующее утро он записал меня на МРТ.

По пути домой чувствую прилив надежды, которую не испытывала уже давно. Сюзанна права. С тех пор как болела моя мать, медицина шагнула далеко вперед. Доктор Штайнер объяснил: когда придут результаты анализов, он назначит соответствующие лекарства. Лечения все еще не изобрели, но развитие болезни можно приостановить. Так почему бы не попробовать?

Припарковываюсь у магазина, надо закупиться продуктами. Снова чувствую в походке легкость, давно ее не было. Зайдя в магазин, начинаю рыться в сумке, ищу список покупок, что всегда висит у меня на холодильнике. Точно помню: выходя утром из дома, я взяла его. Но никак не могу найти.

— Кхм, извините… — раздается у меня из-за плеча женский голос. Поворачиваюсь: женщина держит за руку мальчика. Чем-то похож на Хадсона в детстве. Волосы не причесаны, торчит чубчик, на лице озорная улыбка.

— Ой, прошу прощения.

Отхожу с прохода и продолжаю рыться в сумке. Нахожу чеки, несколько мятных конфеток без упаковки, блеск для губ, свою фирменную крас-

ную помаду и маленький тюбик крема для рук. Должно быть, не до конца его закрыла, потому что тюбик липкий и скользкий. Вся рука в креме. Вытираю и продолжаю поиски, но списка нет.

Забыла? В голове у меня, похоже, какое-то другое утро. Сегодня я спешила. Взяла его, но потом… оставила где-то в доме?

Кусая нижнюю губу, пытаюсь вспомнить, что было в списке. Всего несколько пунктов, но какой-то один продукт точно был сегодня на ужин. Что же я собиралась приготовить?

Какой ужас. Я даже этого не помню.

— Извините, с вами все хорошо? — ко мне осторожно подошла девушка, на бейджике написано «Стелла».

«Мам, с тобой все хорошо?» — беру ее за плечо, она дергается, рассеянность во взгляде проходит, будто вышла из транса.

— Да, — моргая, смотрю на нее. — Все в порядке. Боже мой, как это, должно быть, нелепо: встала посреди прохода и уставилась в пустоту. Закинув сумку на плечо, поворачиваюсь и выхожу на парковку. В машине откидываюсь на спинку сидения и тяжело вздыхаю.

Благо, пошла к доктору Штайнеру сегодня. Могла бы и позже. И почему я такая упрямая.

Чувства переполняют: в горле ком, глаза на мокром месте. Делаю глубокий вдох через нос и выдох через рот. Так несколько раз, пока не успокаиваюсь. Вставляю ключ в замок зажигания, поворачиваю — включается музыка. Это радио с хитами из восьмидесятых, пока выезжаю с парковки, звучит знакомая песня Мадонны. Успокаиваюсь.

Подъезжаю к дому, замечаю напротив собравшуюся группу соседей. Меня тут же охватывает злость. Но потом она проходит: понимаю, что в центре сборища нет Лесли и никто не поворачивается в мою сторону. Значит, собрание по обмену сплетнями не связано со мной или моей семьей, слава богу. С Бет разговаривают несколько женщин, которых я не знаю. По улице разносится болтовня, путаница слов, прерываемая смехом. На секунду задумываюсь, кто на этот раз их жертва.

Странно, что в этом собрании по трепу Лесли не участвует. Обычно она не упускает возможность посплетничать. Подхожу к двери и оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть, как Лесли подсматривает в окно или как открывается дверь и она выходит из дома, торопливо присоединяясь к компании Бет. Но жалюзи на окнах закрыты, на

крыльце никого. Когда уезжала утром, на улице ее тоже не было.

Странно.

Может, уехала. Но открывая дверь, замечаю, что ее машина стоит у дома. Вижу газон, и в голове всплывает картинка: окутанный темнотой, посередине лужайки стоит Хадсон.

Разувшись и оставив сумку на входе, иду на кухню. Ну конечно. Список продуктов лежит на столике. Значит, я открепила его от холодильника. Только вот в сумку не положила. Пробегаюсь по нему взглядом.

Молоко.

Репчатый лук — 1 шт.

Неострые итальянские колбаски.

Ах да, конечно. Я собиралась готовить пасту. В магазине мне нужны были лук и колбаски. Жаль, что не вспомнила. Положив список, иду к шкафчикам. Нахожу пару банок консервированного томатного супа и остатки хлеба. На вечер будет суп с сэндвичами. Снова ехать к магазин не хочется.

Усевшись на стул, включаю компьютер.

Воспоминание о том, как Хадсон стоял у Лесли на лужайке, никак не выходит из головы. С ночи не дает мне покоя. Как он оказался там, расха-

живая во сне? В поисковике набираю: «Почему ходят во сне».

Открываю первую ссылку и пробегаю по статье глазами.

Первая причина — генетическая предрасположенность. В моей семье этим вроде никто не страдал. Но, может, во сне кто-то ходил со стороны Даррена. Он об этом никогда не говорил, хотя мог и не знать. Родители у Даррена — люди закрытые. Вроде бы одна дружная семья, но на деле какие-то серьезные темы никогда не поднимали.

Среди причин указывают недосып — удивительно! Куда логичнее, что человек, если хочет спать, тут же отрубается, а не ходит по дому. Но откуда мне знать? По ночам Хадсона постоянно нет дома, а по утрам ему рано на работу. Но все равно не скажешь, что ему не хватает сна.

В списке есть и алкоголизм. Хадсон всегда много пил. Но не больше, чем его отец, и, насколько мне известно, Даррен не ходил во сне.

О стрессе я всегда знала. Когда Хадсон только начал ходить во сне, педиатр спросила, не был ли он подвержен стрессу. Сыну было всего десять лет, и мне этот вопрос показался глупым. Но оглядываясь в прошлое, я понимаю: для стресса причин было немало. Мы только-только переехали в этот

дом, и я все чаще пропадала на репетициях. Из-за этого он мог переживать, а я просто-напросто вовремя не обратила на него внимания.

Но подвержен ли он стрессу сейчас?

Возможно.

Тяжело вздохнув, сворачиваю вкладку со статьей. Спустя пару минут снова оказываюсь на страничке Хадсона в «Фейсбуке», пролистываю их совместные с Наталией фотографии. Теперь, когда я встретилась с ней лично, смотрю на них по-другому. Они больше не кажутся такими счастливыми и влюбленными, как я вбила себе в голову в первый раз. По тому, как Наталия стоит, по выражению ее лица понятно: что-то не так. Не сразу заметишь: уголки рта печально опущены, бегающий взгляд, одно плечо выгнуто — не хочет касаться Хадсона.

На одной фотографии он крепко держит ее под руку… Чтобы не дергалась? И тут я вижу другое, от чего у меня перехватывает дыхание. Застыв, в ужасе смотрю на его запястье.

Золотые часы.

Сердце забилось как сумасшедшее. Быстро поднимаюсь по лестнице в спальню. Резко выдвинув ящик из прикроватной тумбочки, вожу рукой в поисках часов, что нашла в доме Молли. Нащу-

пав, несусь обратно к компьютеру. Приближаю запястье Хадсона, в руке сжимаю часы. Увеличиваю еще, фотография становится зернистой — тяжело понять, те ли это часы. Но, видимо, да.

Не замечала, что он носит часы. Впрочем, он постоянно ходит в кофтах. Чаще всего в байковых рубашках. Так что, может, часы прячутся под рукавом. Сравниваю фотографию и находку еще и еще — убеждаюсь, что это они. Пролистываю другие фотографии, но там кисть Хадсона в кадр не попала.

Переворачиваю часы и нащупываю на задней крышке гравировку «777».

Хадсон не из тех, кто верит в ангелов, и не думаю, что ему интересна нумерология. При воспоминании о татуировке на руке Наталии меня словно окатывает ледяной водой. Эту татуировку я увидела, когда она подносила сигарету к губам.

Крылья ангела.

Может, это она подарила ему часы.

В ужасе смотрю на синяк на лице Наталии, потом перевожу взгляд на часы на запястье Хадсона. Копия того, что держу в руках.

Но оказывается, есть вещи похуже измены.

Чувствую на ладони тяжесть часов. Засовываю их в карман и хлопаю крышкой ноутбука силь-

нее, чем рассчитывала.

Встаю — начинают ныть колени. В горле пересохло. Надо выпить воды. Иду к холодильнику мимо окна. На крыльце Лесли так никого и нет. Жалюзи закрыты. Машина припаркована. По спине почему-то пробегает холодок.

Глава 18

Просыпаюсь от того, что, поскуливая, Боуи толкает меня лапой. Несколько раз моргаю — веки тяжелые — и переворачиваюсь на спину. В комнате светло. Все залито солнцем.

Который час?

В глазах размыто, цвета перемешаны, как на картине импрессионистов. Моргнув еще несколько раз, пытаюсь разглядеть время на будильнике.

Десять утра?!

Никогда не просыпалась так поздно.

Не сильная, но постоянная боль появляется во лбу и переходит в виски.

Господи, надеюсь, я не заболела снова…

Шаркая босыми ногами, выхожу из спальни к лестнице. Дверь в комнату Хадсона открыта, но его там нет. Пытаюсь вспомнить, где он, но не получается. Понимаю, что в голове совсем пусто — меня охватывает паника. Изо всех сил вспоминаю, чем занималась вчера вечером, ну или хотя бы какой сегодня день, но ничего.

Пусто.

Белый лист бумаги без каких-либо слов.

Во рту пересохло, двигаюсь дальше. Следом бежит Боуи. Стуча ногами, словно конь на ипподроме, спускаюсь с трудом. Дойдя до кухни, смотрю на календарь и ищу, какой последний день вычеркнут: следующая за ним дата — сегодняшний день. Среда. Вот что сегодня за день недели. Хадсон работает. Скоро на прием к врачу.

Хватаю стакан, наливаю воды и делаю глоток. Запиваю витамины.

«Ничего страшного», — говорю я себе. Только проснулась. Ну, не сразу поняла, что к чему. Такое случается.

Никогда не забуду, какой бред нес Хадсон, когда просыпался после обеденного сна. «Мама, какой сегодня день? Завтра уже наступило?»

После воды голова проходит, паника сходит на нет — начинаю припоминать вчерашний вечер. Ничего такого. Спокойный ужин дома. Сэндвич с индейкой и консервированный суп. Хадсон ко мне не присоединился, сказал, поздно пообедал на работе. Когда он собирался на встречу с друзьями, я спросила, звонил ли детективу Дэниелсу, он ответил:

— Неа, да и зачем.

— А я думаю, позвонить стоит. Мы и представить не можем, что ему наговорила Лесли. Ты же знаешь, какая она сплетница.

У двери он легонько коснулся моей руки.

— Мам, все хорошо. Не думай больше о Лесли.

Верится с трудом, но я кивнула. Он был таким спокойным и уверенным, что захотелось ему поверить. После разговора с Лесли я все-таки переживала. Он-то о разговоре ничего не знает.

Поужинав, посмотрела несколько серий «Неразгаданных тайн»[8] и пошла спать. Может, поэтому у меня так натянуты нервы. Лучше мне не смотреть такое поздно ночью, особенно, когда, кроме меня, в доме никого нет.

Насыпала Боуи корма и поменяла в его миске воду. Потом достала из холодильника упаковку яиц. Разбиваю одно за другим со странным чувством: что-то забыла. Что-то важное.

Мою руки в раковине и выглядываю в окно. На крыльце Лесли так никого и нет, из почтового ящика торчат конверты, жалюзи до сих пор закрыты. Если она никуда не уезжала, то что тогда происходит?

Может, она заболела. Как раз осень. Честно го-

---

[8] Примечания: 8

Американский сериал о криминальных преступлениях, основанный на реальных событиях.

воря, сегодня утром я нехорошо себя чувствовала. К тому же осенью обостряется аллергия, а Лесли вся завалена этими идиотскими растениями. Да, скорее всего, в этом дело. Наверняка, чтобы совсем не расклеиться, она попивает чай, лежа в постели.

Болезнь.

Доктор.

А вдруг… У меня сегодня прием?

Подхожу к календарю и ищу сегодняшний день.

«МРТ, 11:30».

Кажется, эту надпись я уже видела, словно во сне, который после пробуждения ускользает. И как я ее упустила?

Хвала небесам, на календарь посмотрела вовремя: успею позавтракать и собраться.

Жду не дождусь, когда получу ответы на все вопросы и когда мне, наконец-то, выпишут лекарства. Я понимаю: Кендра хочет как лучше, но не уверена, что ее витамины и пробиотики вообще помогают. Как начала принимать, так мне стало как будто хуже. С другой стороны, болезнь наверняка тоже прогрессирует.

Взбалтывая яйца, вижу: через свой двор к Лесли идет Бет. С любопытством наблюдаю, как она под-

нимается на крыльцо и стучит в дверь. Проходит несколько секунд, она еще раз стучит. Ожидая, она проводит рукой по волосам и ходит туда-сюда у двери. Потом достает из кармана телефон, набирает чей-то номер и прижимает к уху.

Не отрывая от нее взгляд, наливаю в разогретую сковороду омлет. Беру лопатку и помешиваю. Бет в это время выключает телефон, кладет обратно в карман и неспешно возвращается к себе. Непонятно, дозвонилась ли.

Позавтракав, поднимаюсь в спальню и начинаю собираться. Иду в душ, мою голову и наношу легкий макияж. Следом надеваю джинсы, длинный свитер и любимые коричневые полусапожки на каблуке. Выбираю серьги-цепочки и длинное ожерелье, а потом понимаю — на МРТ все придется снять. Вешаю обратно на подставку. Редко выхожу из дома без украшений, без них чувствую себя голой.

У выхода хватаю сумку и ключи. Распахнув дверь, замираю на месте, кровь в жилах застыла.

У дома Лесли стоит скорая. Погружаюсь в дежавю: фельдшеры закатывают носилки в машину.

Это точно Лесли. Кроме нее в доме никто не живет.

Словно в тумане, наблюдаю, как фельдшеры

закрывают двери скорой и уезжают.

Многие соседи вышли на улицу, стоят на лужайках и таращатся на дом Лесли. Стою в дверном проеме раскрыв рот, не понимаю, что делать. Меня замечает Бет. Она шевелит губами, ее муж Алекс кивает в мою сторону. Тут же отшатываюсь назад, но потом беру себя в руки.

Даже не заморачивайся. Ты имеешь полное право узнать, что происходит.

Хватит всего бояться.

Делаю глубокий вдох, собираюсь с силами и перехожу улицу.

— Что случилось? — зайдя к ним во двор, спросила я.

Поджали губы, смотрят на меня с подозрением.

Ой, да ладно вам.

— С Лесли все в порядке? — не отступаю я от своего.

Бет качает головой, в глазах стоят слезы.

— Они сказали, что она мертва.

— Мертва? — Душа у меня ушла в пятки.

Она кивнула, губы трясутся. Алекс приобнимает ее за плечи.

— Господи боже! Они знают, что произошло?

Сзади подбегают две женщины — я пугаюсь — они с Лесли пили по утрам кофе. Увидев, как

я подошла, они тоже решились покинуть свой двор и приблизиться к нам.

— Утром я заходила к ней, — сказала одна из них. — Обычно мы общаемся каждый день, но ни вчера, ни сегодня утром она из дома не выходила, и я заволновалась. Стучала в дверь и звонила несколько раз. Никто так и не открыл. Я вызвала 911. Приехала скорая, Лесли была без сознания. — Из глаз Бет закапали слезы. Муж прижал ее, она уткнулась ему в плечо и разрыдалась.

Внимательно смотрю на дом Лесли, замечаю полный почтовый ящик.

— Значит, в последний раз вы виделись в понедельник?

— Угу, — уткнувшись в плечо мужа, кивнула Бет. Закивали и остальные женщины. — Вечером в книжном клубе.

К горлу подступает тошнота — тяжело сглатываю.

Похоже, я последняя видела Лесли живой.

Темнеет, небо темно-угольного цвета, проносятся тучи, словно множество столбов дыма. Луна сегодня пугающе бордовая. До странности соответствует обстоятельствам. Хадсон не дома, на мои СМС и звонки не отвечает.

Жутко волнуюсь.

В углу тихонько шумит телевизор, но на него я внимания не обращаю, голова забита другим.

К этому времени Хадсон обычно возвращается. Где же он? Даже когда встречается с друзьями, он заходит домой, чтобы помыться и переодеться. Поворачиваюсь, в стекле отражается мое лицо: не от мира сего, какое-то размытое. За стеклом дом Лесли, в нем темно, если не считать автоматического освещения на крыльце. Из-за него у меня вечно глаза слезятся. В доме никого, а свет все равно горит, сам по себе. Мне становится невыносимо грустно. Теперь она не сидит на веранде и не сплетничает с друзьями. Лишь одинокий фонарь освещает входную дверь. В душе разливается боль.

Мне всегда казалось странным: жизнь не останавливается, многое идет своим чередом, даже если кто-то умирает. Даже когда жизнь вокруг замирает.

Представляю Лесли такой, какой я ее впервые увидела: юной идеалисткой, ладони грязные, под ногтями земля. Я наблюдала, как она менялась из года в год, как работала во дворе, сидела на крыльце с чашкой чая. В год, когда погибла Хезер, цветы в палисаднике она не поливала, и они засохли. Протащив сумки по коричневой траве, в

конце лета от нее съехал Джеймс.

По щеке покатилась слеза — вытерла ее. В последнее время мы не были слишком любезны друг с другом, но когда-то мы были подругами. Непросто осознать, что ее больше нет.

Я не все тебе рассказал о той ночи. Эти слова Хадсон произнес, стоя посреди ее лужайки.

Достаю телефон и отправляю сыну еще одно СМС: «Ты где? Позвони мне. Срочно».

С каждой минутой мне становится все страшнее. Может, он на допросе в полиции? Сильно ли он перепугался? Или сбежал от полиции?

Подтвердились ли мои подозрения на его счет?

Собираюсь звонить еще, но замечаю на улице свет фар, направленных прямо в окна, он гаснет. У меня перехватило дыхание, резко подаюсь вперед. Перед домом стоит машина Хадсона. Он выскочил из нее, быстрым шагом поднимается на веранду. Беру салфетку, промакиваю щеки и вытираю под глазами. На ней остаются следы от черной туши. Высмаркиваюсь, в этот момент распахивается дверь.

С круглыми глазами в комнату влетает Хадсон. На рубашке коричневые пятна, руки в грязи. Уставился на меня, будто ищет на мне раны.

— Все в порядке?

Не знаю, что ответить. Физически вроде да, так что не сразу, но киваю.

Он проходит дальше в комнату.

— Что тогда стряслось? Ты написала, чтобы срочно приехал.

— Да, но со мной ничего не случилось.

— Фух, — вырвался вздох облегчения из его уст, он чуть расслабился.

— Лесли умерла, — говорю я, не желая откладывать. Все равно он рано или поздно узнает.

— Что? — Ноги подогнулись, и он рухнул на диван.

— Ее труп обнаружили сегодня утром, — киваю я.

— К-как?

— Не знаю. Но в новостях сказали, что ее убили.

— Когда она умерла? — Он сжал рукой бороду.

— В последний раз ее видели в понедельник вечером.

Он резко поднял голову.

— В понедельник вечером? Т-то есть… — Повернувшись, смотрит в окно, наверняка вспоминает, как ночью стоял посреди двора Лесли.

Выглядит он испуганным, словно потерянный ребенок. На языке вертится вопрос, никак не

осмелюсь его задать. Но надо.

— Хадсон, ты мне сказал, что не нужно больше думать о Лесли. Что ты имел в виду?

— Господи! — Его глаза широко раскрыты, уголки рта печально опущены вниз. — Думаешь, это я? Так вот к чему все эти сообщения! Хочешь сказать, это моих рук дело? — Растерянно он проводит рукой по волосам.

— Я всего лишь спросила, — говорю я как можно спокойнее. В своем расследовании я зашла слишком далеко, надо дать ему возможность объяснить все самому.

Мы пересекаемся взглядами, он качает головой.

— Я всего лишь имел в виду, что в убийстве Молли полиция меня больше не подозревает.

— Кто тебе это сказал? — Я не удивлена, об этом говорила Лесли.

— Лесли.

— Ты говорил с ней?

— Не совсем, — ответил он. — В последний раз, собираясь на пробежку, я слышал, как она разговаривает с подругами. Это было в понедельник утром, я еще не ушел на работу.

— Что именно она сказала?

— Я мало что услышал. Из уха выпал эйр-

подс: я искал его в траве, а в это время Лесли с подругами прогуливались по улице. Не хотел здороваться, спрятался за деревом. Сначала они говорили что-то про отпечатки пальцев, что в базе их нет. Потом Лесли сказала, что полиции удалось выяснить: Молли с кем-то встречалась.

— С кем?

— Без понятия, — сморщился он. — Они тогда ушли далеко вперед.

Тяжело вздохнув, я села. Если он говорит правду, то это меняет дело. Ее убил ухажер, разве обычно не так бывает? А Лесли принялась вынюхивать, что к чему. Может, даже напала на след? У того, кто убил Молли, были все основания убить и Лесли. Из-за того, что подозревала Хадсона, я покрылась пунцовыми пятнами.

— Вот почему я не собирался звонить детективу. Но теперь, пожалуй, все-таки стоит.

— Что? Зачем? — спросила я.

— Той ночью я был у дома Лесли. Мы оба там были. Что если нас кто-то видел?

Эта же мысль весь день крутится у меня в голове. Но выбежав за ним, я осмотрелась. Никого не было.

— Вряд ли кто нас видел, — отвечаю я, надеясь в глубине души, что это правда. Хотя я не знаю,

как долго Хадсон там простоял. Вдруг его кто-то заметил раньше меня?

— Но мы не знаем наверняка, — сказал он, словно услышав мои мысли. — Зато все знают, как Лесли меня ненавидела.

— Она и меня ненавидела. И много кого еще. Не делать же убийцу из всех подряд.

Он взглянул на меня раздраженно.

— Она винила меня в смерти дочери и много лет меня изводила. Так что вот он, мотив.

Я отшатнулась, словно получила пощечину.

— Не говори так.

— Это правда. — Скулы дергаются, взгляд прищурен.

— На самом деле нет. Хезер давно умерла. Только Лесли продолжала об этом говорить. Тебя уже никто ни в чем не подозревает. И похоже, она не обвиняла тебя в смерти Молли. Нет никаких оснований.

— Но, может, все же стоит позвонить детективу и сказать, что той ночью я ходил во сне и оказался у дома Лесли? Пока не поздно. Просто на всякий случай.

— Не думаю, что это хорошая мысль.

Даже представить себе не могу, какое он вызовет к себе подозрение, признайся, что видел

Лесли вечером за пару часов до ее смерти… А потом был у ее дома в ту самую ночь. Если расскажет о косвенных уликах. Вот так возьмет и все выложит. Дело тут же закроют. Не станут даже искать других подозреваемых. При одной только мысли мне становится дурно. Если не высовываться, то, может, на него не подумают.

— Не лучше ли им узнать все от меня? — настаивает Хадсон.

— Лучше нам с тобой сидеть тихо и ждать. Заявятся так заявятся. Зачем привлекать к себе лишнее внимание?

Несколько секунд Хадсон ничего не отвечает, потом, как и десять лет назад, послушно кивает.

— Кто еще знает? — спросила я его, приехав на поле в ту роковую ночь. — Где были твои друзья? Где Кендра? Она тебя просто подкинула или тоже осталась?

Из-за деревьев и кустов нас не было видно, но я все равно была начеку. Никто не должен увидеть, что я тут.

— Мы были только вдвоем, — покачал он головой.

— Как думаешь, вас кто-нибудь слышал? — Ненавижу расспрашивать детей, но у меня нет выбора. — Она кричала?

Обхватив себя руками, он стучит зубами от холода. Кожа лица болезненно бледная. Он в полной растерянности.

— Эм… нет, все произошло так быстро. Она начала кричать, но тут же… умерла. — Последнее слово еле было слышно, он всхлипнул, готовый разрыдаться. Казалось, его вот-вот вырвет: скрючился, лицо жутко сморщилось. — Здесь так шумно, вряд ли кто услышал.

Пожалуй, он прав. Мало того что ребята громко говорили и смеялись, так еще и над головами деревья шумели — дул сильный ветер. На него накатила еще одна волна паники, глаза широко раскрылись.

— А вдруг меня начнут обвинять? — еле произнес он. — Я же ни в чем не виноват!

— Так, послушай, — я схватила его за плечо. — Делай все так, как я говорю, договорились?

Он кивнул, глядя на меня огромными глазами, полными надежды — хоть кто-то ему поможет.

— Возьми себя в руки. Найди друзей. Выпей пива… — мне стало неловко. Какой родитель будет советовать такое своему пятнадцатилетнему ребенку? — Веди себя так, словно ничего не произошло. Скажи, что решил прогуляться и пообщаться с другими ребятами. Придумай

что-нибудь о Хезер, что давно ее не видел. Потом отыщи ее подруг. Найди Кэти. Скажи им то же самое. Спроси, где она, — напирала я. — Это очень важно. Сделай так, чтобы ее нашли другие, пусть звонят в 911. После этого набери меня, и я вернусь.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на жуткий страх. Я вспомнила тот вечер, когда мы отмечали первый альбом. На этот раз я сына не подведу.

— Куда ты поедешь?

— Недалеко. Буду в нескольких милях отсюда. Главное, чтобы меня не заметили.

Он стоял в нерешительности. Глаза красные, лицо мокрое. Я вытерла слезы на его щеках.

— Давай, ты сможешь.

Но, похоже, я его не убедила.

— Ты должен пойти, пока меня никто не увидел. — Я разжала руку на его плече. — Помнишь, что делать?

Медленно, очень неуверенно он качнул головой вперед-назад.

— Хадсон? — вся на нервах давила я на него.

— Да, помню, — на этот раз голос его был более спокойный. Ответил увереннее. По-моему, даже послышались нотки раздражения.

— Хорошо. Скоро увидимся.

Взглянув на него в последний раз, поспешила к машине. Я думала о Хезер, о маленькой девочке, которая на моем заднем дворе строила домики, которая за моим обеденным столом делала уроки и сидела, положив ноги на колени моему сыну, пока мы все вместе смотрели фильмы. Но она разбилась, упав со скалы. Насмерть. Лежит теперь бездыханно где-то у меня за спиной. Хоть бы Хадсон справился.

Хадсон пошел наверх, в душ. Я направилась на кухню. Если и бывают вечера, когда обязательно надо выпить вина, то сегодня как раз такой вечер. Не спеша достаю из шкафчика бокал и ставлю его на столешницу. Наливая вино, ловлю себя на том, что снова смотрю в окно на дом Лесли. Никак не могу перестать.

В те далекие времена, когда мы были подругами, в доме Лесли раз в месяц проходил книжный клуб — эта традиция определенно продолжается. Точнее, *продолжалась*. В любом случае меня давно не приглашали. Но прежде звали много раз, уговаривали. Мне надоело отказывать, и я в конце концов согласилась. Собираясь на первую встречу, я прочла книгу и набросала несколько вопросов. Но уже через полчаса поняла: это ско-

рее винный клуб, чем книжный. Целых два часа мы пили вино и сплетничали. О книге, думаю, мы в целом говорили минут пять. Я посещала клуб примерно год, и за все время Лесли пришла в восторг от книги всего один раз — когда мы читали «Жена путешественника во времени». Она всегда была падкая на любовные романы.

Пройдя в гостиную с полным бокалом вина, я села на диван и взяла пульт. Закинув ноги на кофейный столик, листала каналы. В память о Лесли я нашла канал «Холлмарк». Идет какая-то мелодрама, уже полфильма прошло, но довольно скоро я улавливаю суть. Девушка из мегаполиса работает в крупной корпорации, и вот она влюбляется в простого деревенского парня, который работает на своей ферме. Усевшись поудобнее на диване и подложив под спину подушки, попиваю вино. Периодически вспоминаю, что сегодня произошло, но фильм все равно помогает немного отвлечься.

Фильм уже заканчивался, парень с девушкой вот-вот должны поцеловаться — но в эту секунду снаружи раздается шуршание; я сильно перепугалась. Убрав ноги со стола, сажусь ровно. На втором этаже слышатся шаги. Чуть раньше Хадсон вышел из душа; теперь он ходит по комнате

— слышен скрип половиц. Мне показалось, что шумят на улице, но, видимо, это сын наверху.

Откидываюсь назад и устраиваюсь на подушках поудобнее, вдруг снова слышу этот звук.

Нет, это точно не Хадсон.

Ставлю бокал на кофейный столик. Пошли титры. Тяжело вздыхаю. Я пропустила хеппи-энд. Встаю, заранее чувствуя себя глупо. Что я там найду? Ну, белку в кустах. Или птицу на дереве. Или соседа Билла, выкидывающего мусор.

Подхожу к окну и прижимаюсь к стеклу как можно ближе — чувствую холод, проникающий в щели, и влажность воздуха. Снаружи темно, ничего не видно. На улице никогда не было хорошего освещения, а фонари у моего дома не особо яркие. Отмечаю, что надо поговорить с Хадсоном: пусть их заменит. Вспоминаю, что забыла дать ему список дел, когда он только приехал.

Прижавшись носом к стеклу, вглядываюсь в темноту.

Снова этот звук.

Что-то светится, будто мерцание.

Но это не свет. Похоже на отражение.

Очки?

Пытаюсь разглядеть.

Да, очки на переносице мужчины.

И этот мужчина крадется перед моим домом.

Глава 19

Прячусь под окном, надеюсь, меня не заметили. Незнакомец одет во все черное, кажется, будто в ночном небе одна голова болтается. Если бы не очки, то я бы его не заметила. Непонятно, что он тут делает, но стоит у калитки.

Прижимаю руку к груди: сердце бешено стучит о ребра.

Вспоминаю желтую полицейскую ленту вокруг дома Молли; носилки, на них накрытый простыней труп Лесли. За одну неделю два загадочных убийства в моем районе, и этот мужчина у меня во дворе. Возможно, это тот, кого подозревала Лесли.

— Хадсон! — прохрипела я, но вышло так тихо, что он вряд ли услышал.

Щелкаю пальцами — может, Боуи подойдет. Стала замечать, в последнее время он спит на кровати в моей спальне.

На секунду задумываюсь, а звали ли Лесли и Молли на помощь, и если да, то кого. С ними никто не жил. Значит, никто бы их не услышал.

Несколько недель назад я тоже жила одна.

Сердце бьется сильнее, зову еще раз:

— Хадсон!

На этот раз, приоткрыв дверь комнаты, он выглядывает, волосы еще не высохли; при виде него сердце перестает биться так часто.

— Да? — Он удивленно на меня смотрит. Скрючившись под окном, со стороны выгляжу забавно. — Что такое? — Так Даррен говорил с детьми, когда они ныли десятый раз за день.

— Там кто-то ходит, — уверенно произношу я, тыча пальцем в окно, — во дворе.

Минуту он на меня смотрит, потом снова удаляется в комнату и появляется с деревянной бейсбольной битой. Идет по лестнице через ступеньку вниз, в руке раскачивается бита.

— Стой тут. Я разберусь.

Он вылетает на улицу с такой скоростью, что я даже не успела его остановить. Странно, что позволила ему ввязаться. Я же мать. Не я ли должна его защищать? Но тут же понимаю, что эти мысли ни к чему не приведут. Хадсон моложе. Сильнее. В два раза выше меня.

Решившись краем глаза посмотреть на улицу, немного поднимаю голову. Хадсон вышагивает по лужайке, в руке — бита. Незнакомца в черном больше не видно. Но Хадсон двигается туда, куда

крался и он. Следя за сыном, чуть шею себе не свернула. Он зашел за угол.

Прижавшись к стеклу, чувствую, как покраснело лицо. По «Холлмарк» началась очередная мелодрама. Слащавый разговор и веселая музыка никак не сочетаются со всей ситуацией: с темнотой на улице, с незнакомцем у меня во дворе и с тем, что мой сын пошел туда с бейсбольной битой в руках.

Боже мой, нельзя было его отпускать!

Распрямляю спину и на трясущихся ногах спешу к выходу, где валяются шлепки. Надеваю их и выхожу на улицу. В лицо ударяет холодный воздух. Для такой погоды не совсем подходяще одета: лосины и тонкая футболка. Дрожа от холода, слетаю по ступенькам вниз.

— Хадсон! — кричу я.

Тишина.

Стою во дворе.

— Хадсон! — ору я на этот раз громче.

— Я здесь.

Услышав его голос, я жутко перепугалась, он оказался ближе, чем я думала; какой-то он слишком спокойный для человека, который оказался в опасности. Вижу его, завернув за угол.

— Хвала небесам. Вы так долго говорили, что я

решила, что с тобой что-то случилось. — Касаюсь его руки и вижу напротив мужчину. Невольно отшатнулась.

— Мама, это Джон. Он живет в двадцать первом доме, прямо за углом.

Понимаю, он пытается меня успокоить, но ничего не выходит. Молли, скорее всего, убил кто-то из нашего района. Почему этим кто-то не может оказаться Джон? Глаза со временем привыкают к темноте, и я лучше его вижу. Он явно чуть младше меня, темные волосы, заурядная внешность, по комплекции как Хадсон. В общем-то ничего такого. Где-нибудь я его уже видела, но внимания не обратила.

— Здравствуйте, Джон, — говорю я настороженно, но вежливо.

— Извините, что напугал вас. Просто осматриваю район. Мне что-то померещилось во дворе ваших соседей, вот и решил подойти ближе. Только и всего, — ответил Джон.

— Он помогает полиции следить за районом, — объяснил мне Хадсон.

— Помогаете полиции? — отпускаю руку Хадсона. — Я даже о таком не знала.

— Ну… мы только начали сотрудничать, — объясняет Джон, его слова меня ранят: никто мне об

этом не рассказал. — Понимаете, то, что произошло на неделе… Завтра вечером у нас собрание, придут все, кто помогает полиции, если хотите, присоединяйтесь.

— Где оно пройдет? — спрашиваю я.

— У дома О'Лиров.

— О'Лиров? Ясно.

Это дом Бет, почему-то я совсем не удивлена.

— Приходите, — продолжает он. — Завтра в семь вечера.

— Хорошо, спасибо за приглашение.

Я продрогла до костей, руки покрылись гусиной кожей, течет из носа. Шмыгая, переступаю с ноги на ногу, чтобы согреться. Хорошо, что тапки надела, а то не продержалась бы долго.

— Мы пойдем, — Хадсон меня приобнял.

— Еще раз извините, что напугал вас, — сказал Джон, пока Хадсон уводил меня в дом.

Когда оказываемся внутри, у меня зуб на зуб не попадает. Разбуженный, по-видимому, волнением в доме, с лестницы навстречу мне спускается Боуи. Усевшись на диван, заворачиваюсь в плед. У ног свернулся пес. Хадсон оставляет биту у стены рядом с входной дверью.

— Где ты ее взял? — Была уверена, что весь его спортивный инвентарь давным-давно отдала на

благотворительность. Может, когда уезжал из дома, с собой забрал.

— Это моя. — Он повернул биту так, что стал виден логотип спортивного клуба. Его любимая, еще с детства. Бывало они с Дарреном частенько сидели на диване в одинаковых футболках с логотипом клуба и смотрели игру. — Наталия подарила на день рождения. — Он проходит в гостиную и садится напротив меня в кресло. — Уходя от нее, я взял с собой немногое.

Я, наконец-то, немного успокоилась, и сердце теперь стучит не так бешено. Его слова мне показались странными: действительно, когда он ко мне вернулся, был почти без вещей.

— А почему не все?

— Я взял столько, сколько она мне позволила.

Он попытался сказать это безразлично, но я знаю, что он врет. Я видела Наталию. Она крошечная. Если бы Хадсон решил вынести коробку, то она никак бы его не остановила. Да разве по силам ей без вещей выставить его за дверь?

— И что же она сделала? Приставила к виску пистолет? — пошутила я.

— Почти, — ответил он, нервно покачивая правой ногой. — Эта баба чокнутая. — От слов, что сказал сын, у меня во рту пересохло. — Я не

шучу. Когда она выходила из себя, то крышу у нее знатно рвало. В ту ночь, когда меня выгнала, она орала и швырялась вещами. Она кричала так громко, что к нам пришел сосед. Наталия тут же изобразила из себя жертву, и, конечно, сосед клюнул на это, так что мне пришлось уносить ноги. Взял с собой всего лишь спортивную сумку и гитару. За неделю до этого я играл с друзьями в бейсбол — к счастью, бита оказалась в сумке. — Хадсон провел по бороде рукой. Постоянно так делает. Вряд ли осознанно. — Потом я пытался вернуться в квартиру, но она не пускала. У нас изнутри была цепочка, так вот Наталия стала закрываться на нее. Наверняка можно было выломать дверь, но я не собирался этого делать. Думал, она успокоится. Но нет, не успокоилась. Дошло до того, что она сменила эти чертовы замки и мне пару раз пришлось наведаться к ней в магазин. Понимаешь, я всего лишь хотел забрать свои вещи. Но знаешь, что она сделала?

Я знала, но сделала вид, что нет — покачала головой.

— Она пошла в суд, и на меня наложили этот треклятый запретительный приказ! Можешь в это поверить? А я всего лишь хотел забрать вещи. Я ж говорю — чокнутая. — Он откинулся

на спину кресла.

Многое в его рассказе вызывает у меня сомнения. Когда я возмущалась, Даррен тоже называл меня чокнутой. Хотя сам он чуть что выходил из себя. Дескать, имеет право на эмоции по любому поводу, а я злюсь непонятно почему, истерю на пустом месте.

Но я понимаю, почему это так злит Хадсона. Будь я на его месте, я бы так же злилась.

И я рада, что он наконец-то рассказал о запретительном приказе. Может, он это от меня и не скрывал. Может, ждал подходящего момента. В последнее время он начал выходить из своей скорлупы, стал более разговорчивым.

— С чего ты решил, что она ходила в суд? Звучит странно, особенно если учесть, что из вас двоих агрессивно себя вела она.

— В этом она вся. Любит разыгрывать драмы. Строить из себя жертву. Когда мы только познакомились, она рассказывала, что бывший ей изменял. — Он покачал головой, презрительно скривил рот. — Но это была неправда. Он не изменял ей.

— Что? — Про измену она говорила и мне. Так это была неправда?

И если солгала об этом, про что солгала еще?

— Ну да, — он пожал плечами и одновременно поднял брови. — Думаю, ей просто внимания не хватает. Конечно, тогда мне было ее жаль, хотелось как-то защитить. Ты же знаешь, какие жуткие встречаются парни. И вот она снова оказалась бедной несчастной девочкой. Почему-то, когда она выгнала меня из дома, этот сосед стал все время околачиваться рядом. Уверен, она впилась в него когтями так же, как в свое время в меня. Он наверняка и сейчас охраняет ее, строит из себя верного сторожевого пса.

Повисла тишина. Хочется сказать что-нибудь ободряющее, но что — понятия не имею. Тогда я решаю сказать:

— Мне так жаль.

В ответ он лишь вскинул плечами.

Я совсем не знаю Наталию. Во время нашей единственной встречи она мне не понравилась. Но слова Хадсона о том, что она пошла в суд за запретительным приказом ради внимания других парней, звучат неубедительно. И вообще, я заметила: когда дети были маленькие, они говорили совершенно противоположные вещи. Правда была где-то посередине.

В ногах потянулся Боуи. Все так же сжимаю край пледа.

— Ты и вправду пойдешь на это собрание? — нарушив молчание, спросил Хадсон.

— Не знаю, — нахмурившись, ответила я, — мне кажется, стоит. У меня же есть полное право знать, что творится в нашем районе.

— Все-таки странно, почему они тебя не пригласили, — после небольшой паузы сказал Хадсон. Повернувшись, он уставился в окно, насупился. — Когда я вышел на улицу, Джон совсем не удивился. Его даже не напугала моя бита. Будто ждал меня.

— Думаю, он понимал: если бы мы застукали его за слежкой, то он не отделался бы так легко.

— Конечно, — ответил Хадсон. — Но почему именно наш двор? Если он увидел что-то у Биллов, то зачем пришел к нам?

Волосы у меня на затылке стали дыбом.

— Хороший вопрос. Может, с нашего двора лучше видно?

— Или, может, это полиция дала указ следить за нами.

Теперь я знаю, как ответить на вопрос, который мне минуту назад задал Хадсон.

— Завтра вечером все узнаю.

— Так что, ты пойдешь?

— Да. Вряд ли у меня есть выбор.

— Мне пойти с тобой?

Немного подумав, качаю головой. Уверена, Лесли наговорила про меня всякое. Но эти сплетни не сравнятся с тем, что она насочиняла про Хадсона.

— Нет, лучше я одна.

Какое-то время Хадсон внимательно на меня смотрит и медленно, неохотно кивает.

— Будь осторожна.

— Хорошо, — пообещала я ему.

* * *

Стучу в дверь О'Лиров — в голове крутятся слова Хадсона.

Будь осторожна.

Дверь открывается. Напротив меня Бет, одета в джинсы и фланелевую рубашку, на ногах теплые носки. На голове растрепанный хвостик. На ее фоне выгляжу слишком нарядной: облегающие джинсы, серый свитер и белые кожаные полусапожки, из украшений — длинные крупные сережки и толстые браслеты. Впрочем, на такие мероприятия я не умею одеваться просто. Дома я не вылезаю из спортивных штанов, но когда куда-то иду, хочется выглядеть хорошо.

«И ты пойдешь в этом?» — спрашивал Даррен,

когда я спускалась со второго этажа, чтобы поехать по делам, например, в магазин. А на мне был шелковый топ, сапоги или босоножки на высоком каблуке; в недоумении себя осматривала: «А что такого?»

«Ничего, выглядишь прекрасно, но посмотри, во что я одет», — он показывал на себя: спортивные шорты, футболка и кроссовки.

«Мне переодеться?» — спрашивала я, всей душой желая услышать «нет». Другие женщины напяливают на себя треники и футболки, и кому-то в них даже удается выглядеть привлекательно. Но не мне. Чувствую себя спокойнее, когда одеваюсь нарядно.

Чувствовать себя спокойнее я должна и сегодня.

При виде меня улыбка с лица Бет исчезла, из нее только вырвалось.

— Ты?

Она всегда одевалась без особого вкуса. Ее волосы невзрачного коричневого цвета вечно в хвостике. Придя в себя, она убрала за ухо выбившуюся прядь.

— Привет, Валери. — Она все так же стоит в дверях и смотрит на меня непонимающим взглядом. — Тебе что-то нужно?

— Джон рассказал мне о собрании. Оно же сегодня, верно? — Выглядываю ей за плечо, слышно, как в комнате разговаривают. Я специально немного опоздала, не хотела приходить первой.

— Рассказал о собрании? Неужели! — по голосу понимаю, что она не очень мне рада.

— Да, он тогда шпионил у меня во дворе. Мы очень испугались. Он помогает полиции, и это прекрасно. Но нас никто не предупредил.

Ее бросило в краску, почти незаметно: на бледной коже выступили светло-розовые пятна.

— Джон погорячился. — Это не извинение. И также не прояснение всей ситуации. — Помогать полиции еще никто не начал. Я все еще записываю добровольцев и жду указаний.

— Но сегодня ты проводишь собрание, ничего не путаю? — Еще раз выглядываю в узкий коридор, который ведет в гостиную. Могу сказать, что дом О'Лиров мало чем отличается от дома Лесли: из прихожей идешь в гостиную, кухня — сразу направо. Но обставлено все иначе. Похоже, Бет вообразила себе, что живет в домике фермера. Все стены увешаны деревянными табличками, выкрашенными белой краской, а на них написано что-то вроде: «Семья», «Дом, милый дом», «Цените друг друга».

В гостиной собралась небольшая компания. Всех не видно, но думаю, там десять-пятнадцать человек. Многих видела на утренних прогулках и на крыльце у Лесли, когда они болтали.

— Ну… да. Это так, первое собрание, обсудим цели, планы. — Она скрестила на груди руки, не сделав и шагу с прохода.

Начинаю выходить из себя. Сама не рада тут находиться. Повернулась бы и побежала домой. Захлопнула бы за собой дверь. И завернулась в плед. Но мне нужны ответы, и я намерена их получить. Это единственная возможность выяснить, кто убил Молли и Лесли.

— Так мне тоже интересно, — ломаю себе руки. Поджав губы, смотрю на нахмурившуюся Бет: — Пропустишь?

— Извини, конечно, но я тебя не ждала, — говорит она как будто бы с сожалением, нервно поглядывая через плечо.

Замечаю, что несколько гостей смотрят на нас, среди них Шелли. С кресла встает ее муж Алекс, пытается понять: вмешиваться или нет.

— Но ведь собрание предназначено для всех жителей района.

Она кивает:

— Но учитывая твою ситуацию с Лесли… ну, ты

понимаешь…

— Нет, не понимаю, — говорю я, нельзя ей позволить отмазаться таким заявлением. Пусть уж пояснит, что недосказала.

— Ладно, я не это хотела сказать. — Она уставилась на свои руки, но на губах играет едва заметная улыбка — видимо, разговор ее забавляет, хотя и не признает этого. — Но я подумала, вдруг тебе у нас станет неприятно.

— О чем ты? — Сжала руки в кулак, ногти впились в кожу ладоней.

— Ну… я… — Она подняла указательный палец, как делают учителя на беседе с непослушными детьми. — Так, одну минуту.

Заглянув в коридор, она прокричала:

— Сейчас начнем. А пока угощайтесь. — Поймав на себе взгляд супруга, она кивнула. — Алекс, не поможешь?

Он кивает, подозрительно на меня глядя.

Тяжело сглатываю.

Повернувшись ко мне, она глубоко вздыхает.

— Извини, но тебе и вправду лучше не приходить. Джон не должен был тебя приглашать.

— Он так же не должен был шпионить у меня во дворе, — огрызаюсь я, отказ сильно меня задел.

— Да, не должен был.

— Так почему он шпионил? — положа руку на бедро, я наклонила голову.

Она покачала головой.

— Как я уже сказала, он погорячился. Или просто неправильно понял. Я не знаю.

— И все же я тут живу, и у меня есть полное право быть на собрании, — не отступала я от своего.

Бет поджала губы, видно, что противоречия разрывают ее изнутри. Прошли несколько мучительных секунд, прежде чем она сказала.

— Сегодня я кое-что еще узнала о смерти Лесли.

У меня перехватило дыхание, боюсь, она скажет, что той ночью нас с Хадсоном видели во дворе Лесли. Стоило немало усилий, чтобы не развернуться и не убежать. Но я понимаю: сделай это, буду выглядеть виноватой. К тому же вдруг она хитрит. Может, ей вообще ничего не известно. Так что сохраняю спокойствие и жду, пока она продолжит.

— Как и Молли, ее задушили, — говорит она.

Тяжело сохранять непроницаемое лицо, но по тому, как смотрит на меня Бет, ясно, что она ожидает какой-то реакции. Но она ее не получит.

— Какой ужас! — всего-то и говорю я. — Не понимаю, какое это имеет ко мне отношение.

Бет принимает серьезный вид.

— Лесли задушили. После того, как обвинила твоего сына в убийстве Молли, — злобно ответила она.

В горле почувствовала вкус желчи. *Хадсона все-таки подозревают!* Прокашливаюсь и выдыхаю через нос.

— Нет, у тебя какие-то неверные сведения. Я слышала, что Лесли изменила мнение, начала подозревать кого-то другого.

Она посмотрела на меня взглядом, я бы сказала, жалостливым, будто не верит мне, будто из нас двоих неверные сведения у меня.

Она прочистила горло.

— Валери, мы все переживаем, — честно сказала она. — Убийца гуляет на свободе. Но не стоит поднимать на уши весь район, чтобы за ним следить. Не представляю, как ты спишь по ночам. Зная, что он с тобой под одной крышей.

Она захлопнула дверь. Я чуть не подпрыгнула. Моргаю. Глубоко вдыхаю, дрожа всем телом. С меня хватит. Несусь по улице, невиновность Хадсона нужно доказать любым способом. Когда захожу в дом, меня переполняют адреналин и гнев.

— Ого, как рано. Собрание так быстро закончи-

лось? — Хадсон напугал меня.

Я чуть не подпрыгнула, вся напряглась.

Закинув ноги на кофейный столик, он сидит на диване и смотрит сериал «Офис». У меня не хватает смелости признаться, что на собрание меня не пустили.

Вместо этого говорю:

— Не ожидала, что будешь дома. Думала, пойдешь с друзьями гулять.

— Неа, завтра рано вставать.

— Работа у тебя все-таки на износ.

— Думаешь? — В руке у него пачка чипсов, он засовывает туда руку, шуршит.

— А ты точно правильно расслышал, что Лесли перестала подозревать тебя и нашла кого-то еще?

Он кидает пачку на край стола, хрустит чипсами. Потом садится ровно, спустив ноги со столика.

— Да, а что такое?

— Помнишь, с кем она тогда говорила?

— С Бет и другой дамочкой, они постоянно вместе, у нее еще прическа короткая.

— Шелли?

— Да, вроде она.

Если бы Лесли говорила с Бет, та вряд ли бы так

вот сразу поменяла мнение.

Поведя плечами, вздыхаю. Хочется спать.

— Где Боуи?

— Наверху, наверно. — Он нахмурился. — Все в порядке?

— Просто устала.

Боуи свернулся калачиком на кровати. Устроившись рядом, положила руку ему на спину, подо мной проминается матрас. Смех из телевизора, взлетев по лестнице, скользнул под дверь и разошелся по спальне. Слышно, как открылась жестяная банка. Хадсон пьет пиво или газировку. Раньше в моем доме этих напитков не было. Теперь открыть холодильник и увидеть на полке две блестящие банки — обычное дело.

С того момента, как он приехал, многое изменилось.

Поднимаюсь с постели и иду к комоду за пижамой. Прохожу мимо окна — внутри меня все обрывается. Прижимая руку к холодному влажному стеклу, подхожу ближе. На крыльцо к Бет поднимается мужчина, стучит в дверь. Она, широко улыбаясь, почти тут же открыла и впустила его внутрь.

Хоть лица мне и не видно, я знаю, кто это. Мне знакома его походка. Его рост. Форма головы.

Знаю потому, что видела неделю назад у дома Лесли.

Это Джеймс.

Глава 20

На следующее утро, выйдя на прогулку, я размышляла. Что же это получается? Джеймса — а ведь он больше не живет в этом районе — на собрание пригласили, а меня нет. Настолько все плохо?

Погруженная в свои мысли, встретила детектива Дэниелса.

Вдалеке он разговаривает с парочкой — их не знаю. Бросаю взгляд на дом, напротив которого собрались. Возможно, они в нем живут. Это не моя улица. Часто тут гуляю, но мало с кем знакома.

Напрягаюсь, общаться с детективом Дэниелсом, честно говоря, совсем не хочется. Натянув поводок, Боуи в блаженном неведении бежит вперед.

Лесли задушили. После того, как она обвинила твоего сына в убийстве Молли.

Делаю пару шагов назад и дергаю Боуи за поводок, идем в обратную сторону. Детектив не должен меня увидеть. Смотря под ноги, быстро иду к дому. Конечно же, он знает, где я живу. Но там я держу себя в руках. А здесь, у всех на виду, нервы могут не выдержать. Спасибо, но вчераш-

него мне хватило.

Только завернув за дом, уже на другой улице, скрытая от чужих глаз деревьями и кустарниками, позволяю себе выдохнуть.

— Валери!

Вдох, на полпути к легким, застывает. Мурашки по спине.

— Валери.

Женский голос, не мужской, смутно знакомый.

Медленно оборачиваюсь.

— Привет, — ко мне подбегает Тесса.

— Привет? — прозвучало у меня как вопрос. Так и оставила.

Не понимая, почему мы остановились, Боуи рьяно тянет вперед. Честно говоря, я тоже не понимаю. Мы с Тессой соседствуем давно, но она редко со мной разговаривает, а без повода — уж и подавно. Тесса поселилась на нашей улице, и они с Лесли сразу подружились. Лесли, очевидно, настроила ее против меня с самого начала.

— Хотела сказать: мне жаль, что так вышло с Бет, — у нее добрый взгляд, я смягчилась, но лишь чуть-чуть. Меня достаточно предавали, теперь я не такая доверчивая. И Тесса еще ничем не заслужила мое доверие. — Вчера вечером я была на собрании и невольно услышала ваш разговор.

Оглядываюсь и смотрю на угол дома, который только что обогнула, вдруг там появится детектив Дэниелс.

— И я… я хотела сказать, что ты права.

Резко перевожу взгляд на Тессу.

— Насчет чего?

— Полиция еще кое-кого подозревает, не твоего сына.

— Правда?

Она моргает.

— Ну, если точнее, подозревает *помимо* твоего сына.

— Что?

— В смысле… ну, не знаю, как и сказать… — закусив нижнюю губу, она оглядывается по сторонам, — Не стоило мне об этом говорить.

Перестаю дышать: боюсь, что она замолчит. Боюсь, что мое разочарование спугнет ее.

Она наклоняется ко мне:

— Лесли все обсуждала с Джеймсом. Она связалась с ним после смерти Молли, потому что боялась…

Хадсона. Она не закончила предложение. И так понятно.

— Ей не следовало говорить нам то, что рассказал ей Джеймс. Но ты же знаешь Лесли… — Она

снова нервно огляделась по сторонам. — Он сказал ей поумерить пыл. Полиция обнаружила в доме Молли отпечатки, но таких в базе данных нет. — На этих словах я вздохнула с облегчением. Тогда это вряд ли отпечатки Хадсона. Их в базу наверняка внесли, со всеми его драками и запретительным приказом. — И еще. Молли с кем-то встречалась.

— Знаешь с кем?

Она покачала головой.

— Лесли не смогла нам сказать. Говорит, Джеймс ее убьет. — Поняв, что выразилась неудачно, она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами: — Ты понимаешь, о чем я.

Конечно, эту деталь Лесли утаила.

— Думаешь, она знала, кто это был?

Тесса пожала плечами.

— Мне показалось, что да… Не знаю, что еще ей было известно. Не знаю, поменяла ли она свое мнение… — О моем сыне, имела она в виду.

По крайней мере теперь-то я знала, при чем здесь Джеймс. Ясно же: Лесли связалась с бывшим мужем, потому что ненавидит Хадсона. Всех причин, из-за которых расстались Лесли и Джеймс, я не знаю. Но одна мне известна: Джеймс, в отличие от нее, Хадсона не подозревал, и Лесли

из-за этого сильно злилась. За день до отъезда Джеймс зашел к нам извиниться за то, как Лесли обошлась с нашей семьей.

«Это неправильно», — сказал он, в голосе обида. Я поняла, что Лесли обошлась плохо не только с нами. Именно он ей сообщил, что все найденные улики указывают на несчастный случай. Хезер умерла по неосторожности. За это Лесли возненавидела его, ведь он «закрыл глаза на убийство дочери».

Не будь на то веских причин, Лесли не стала бы искать помощи у Джеймса. Вряд ли он еще работает в отделе Сакраменто, но уверена: связи остались.

— Поэтому он был на собрании? — спросила я.

— Бет попросила. Он помог нам составить план действий.

Сдавило в груди: интересно, входит ли в план слежка за мной и Хадсоном?

— Окей. Что ж, Тесса, спасибо, — ответив, я повернулась.

Боуи понял, что мы продолжаем прогулку: ринулся вперед. Чуть руку мне не оторвал.

— Валери, будь осторожна, — прокричала она мне вслед.

Нужно узнать, кто был ее парнем. Ясно, весь

район думает, что убийца — Хадсон — достаточно вспомнить физиономию Бет. Да и во двор к нам полезли не просто так. Пока не поздно, надо доказать невиновность Хадсона. Может, узнав имя парня Молли, я помогу полиции. Найду на него компромат. Хоть что-нибудь, что наконец-то отведет от Хадсона всеобщее внимание.

Когда мы с Лесли были подругами, при мне она постоянно делала какие-то записи. Я шутила, что когда-то в ней умер журналист. Могла бы вести светскую хронику. Она смеялась и говорила, что была редактором школьной газеты и что в колледже училась на журналистку, но потом бросила. По всему дому у нее лежали блокноты, висели списки дел, напоминалки, она часто рассказывала мне о личном дневнике. Говорила, что на каждый учебный год заводила новый. Так привыкла, что даже теперь, когда выросла, без дневника не обойтись. Было время — Лесли рассказывала мне это со смехом, — когда вела подробный отчет, что сегодня съела на завтрак — скука смертная. Но потом повздорила с Филлипом и Дайеной, семейной парочкой, когда-то жившей по соседству. Их пес постоянно грыз у Лесли цветы, перекапывал двор и гадил на лужайку. Каждый раз, когда она пыталась с ними

поговорить, они злились и начинали на нее кричать. Тогда она начала отмечать дни и время, когда пес появлялся у нее во дворе — чтобы подать в суд.

Тогда-то она и стала записывать все подряд. Все, что происходит у нас в районе. Семейка вместе с жутким псом уехала, но Лесли все равно продолжила вести дневники: что делают дети и муж, что обсуждали в родительском комитете, о спорах на школьных собраниях, о проходящих по улице людях, о новых соседях — все это она записывала в дневник.

Готова поспорить: где-то лежит блокнот, куда она записала имя подозреваемого. Окажись я внутри, могла бы его найти. Полиция дом, конечно, обыскала, но на блокнот они внимания могли и не обратить — почти все девочки ведут дневники, но среди взрослых женщин такое редко встретишь. Возможно, о ее пристрастии знаю только я.

А может, и нет. Может, об этом знал и убийца. Может, он уже нашел ее дневники. Или, может, только собирается искать.

При этой мысли у меня во рту пересохло.

Нельзя терять ни минуты. Даже если позвоню в полицию и дам наводку, вовремя они могут не

успеть. Если дневники сейчас в доме, медлить нельзя.

Вернувшись домой, я сразу же пошла на кухню к выдвижному ящику. Не собираюсь в нем рыться. Вытаскиваю его и все содержимое вытряхиваю на кухонный стол. Где-то должен быть ключ от дома Лесли. Когда они уезжали в отпуск, мы приглядывали за ним, поливали цветы.

Перебрала кучу скрепок, чеков, старых банковских выписок, швейных сантиметров, сотню ручек (многие без колпачков), упаковку розовых свечей на торт, рулон марок… И вуаля! Нашла. Целая охапка ключей, двенадцать штук. Понятия не имею, от чего они, но один точно от дома Лесли.

Два ключа не подходят по размеру. Слишком маленькие. Наверняка от школьных шкафчиков или какого-то почтового ящика. Может, один из них Даррен брал с собой на работу.

Остается десять.

Выбираю тот, на котором наклеен американский флаг, и тут же вспоминаю, что это запасной от моего дома. Откладываю его в сторону к маленьким.

Девять.

Следующим беру длинный ключ, на нем логотип «Хонды».

Восемь.

Оставшиеся для меня загадка. Любой из них может быть ключом от дома Лесли. Нужно всего лишь попробовать ими открыть.

Взяв в руку все восемь ключей, иду к окну. Не терпится перебежать через дорогу и попасть внутрь. Но на улице я вижу Алекса. Похоже, он крепит что-то к своей входной двери.

Но что именно?

Пытаясь разглядеть, подхожу к окну ближе.

Он делает шаг назад и внимательно осматривает свою работу, тут до меня доходит. Это домофон с камерой.

Сжимаю в руке ключи. Каждый в районе на чеку. Выйти на улицу и попасть в дом Лесли не получится — сразу заметят. В подтверждение моим мыслям в окне появилась Бет. Выглядывает, как когда-то делала Лесли. У меня по спине бегут мурашки, прячусь за стену.

Возможно, идти к Лесли сейчас не самая лучшая мысль. Средь бела дня, когда по району рыщет детектив Дэниелс. Выжду до вечера. Надеюсь, Лесли не меняла замок и что камера Алекса не увидит меня в темноте.

Глава 21

«В третий раз повезет», — думаю я, когда третий ключ до конца вошел в замок. И слава богу. Не хотелось бы стоять на крыльце Лесли дольше. Когда вокруг все ставят камеры и кодовые замки. Лесли была из их числа, тоже бы что-нибудь такое поставила. Та Лесли, которую я знала после смерти Хезер, во всем начала видеть опасность. Как по мне, это странно: за десять лет она при всей своей подозрительности так и не поменяла замки. Хотя знала, что у меня остались ее ключи. Хотя чего удивляюсь? Уверена на все сто: у нее тоже был ключ от моего дома. Раньше я об этом как-то не думала. Может, и ей подобные мысли не приходили в голову.

Тревожно оглядываюсь: вдруг кто меня заметил, хотя одета я во все черное, и капюшон куртки натянула на голову — попыталась замаскироваться на фоне темного ночного неба. Да и сейчас два час ночи. Кому не спится в такое время?

Мне пришлось поставить будильник, чтобы уж точно не проспать.

Перед тем как прилечь, я зашла в Интернет

и почитала про диапазон камер на домофоне. Потом, взяв бинокль, который я нашла в коробке со старыми вещами Хадсона, я встала у окна и начала изучать расположение Бет. Пока из наших соседей камеры никто не установил, так что мне надо подумать, как быть с ее домом. Уверена, установку они обсудили на собрании. Вскоре камеры будут у всех.

С того места, где ее установил Алекс, камера снимает все, что происходит напротив, включая всю лужайку перед домом. Поэтому, чтобы меня не засекли, я кралась к дому Лесли слева. Подошла с левой стороны от крыльца и перелезла через деревянные перила. Я уже не такая проворная, как раньше, далось мне это нелегко. Пару раз чуть не упала, но все-таки залезла.

Ключ номер три не подвел. Ручка легко повернулась, и, толкнув дверь, я нырнула в темноту. Все, я внутри. Вздохнула с облегчением. Иду вдоль стены на ощупь.

Глаза немного привыкли, но все равно почти ничего не вижу. Мне нужен фонарик — достаю из кармана телефон, но включать его не спешу. Надо отойти от окон, чтобы никто из соседей меня не засек.

Ведя пальцами по стене, двигаюсь дальше.

Оказавшись в гостиной, подальше от прихожей, достаю телефон и включаю фонарик. По ковру разлился свет, теперь вижу, куда иду.

Поворачиваю в коридор, свет прыгает по стене. Справа спальня, где когда-то жила Хезер. Похоже, из нее сделали гостевую; на месте двуспальной кровати с балдахином, которую Хезер терпеть не могла, стоит другая, тоже для двоих, но с изящным плетеным изголовьем. Ее несбывшаяся мечта.

Следующая комната всегда служила кабинетом, и я рада, что особо ничего не изменилось. Держа перед собой телефон, быстро иду к жалюзи и, потянув за шнур, закрываю их. Потом направляюсь к рабочему столу. Ну конечно, верхний ящик забит блокнотами, все страницы исписаны почерком Лесли.

Первый, что пролистала, был посвящен советам по размножению растений, как получить отросток потоса, бла-бла-бла. Отбрасываю в сторону. Следующий заполнен списками дел.

Я ищу другие. Те, в которых она писала о соседях, они скорее похожи на личный дневник. Книги в кожаных переплетах, бумага красивая, словно почтовая. Не совсем обычные блокноты.

Выйдя из кабинета, направляюсь в спальню Лесли. Покрывало светло-бежевого цвета, все в

розах. Над комодом висит зеркало, оттуда на меня глядит отражение. Дверь в гардеробную открыта. Туда можно войти, места много. Бывало, она шутила, что в доме это лучшая из комнат. Захожу внутрь, меня охватывает знакомый запах Лесли. На протяжении многих лет она пользовалась одним и тем же цветочным ароматом. Тяжело сглотнув, рассматриваю одежду, аккуратно висящую на вешалках. Внизу стоят туфли. Выхожу из гардеробной.

В углу стоит небольшой книжный шкаф. Две верхние полки заполнены романами и несколькими книгами по уходу за цветами. Опустив взгляд, вижу то, что искала. Книги в кожаном переплете, на корешке наклеены бумажки, на них маркером написаны даты.

Опускаюсь на колени и провожу пальцем по корешкам.

Пройдясь по датам, нашла дневник, написанный в год, когда умерла Хезер. Хоть это и не то, что мне надо, невольно открываю его.

Лесли начала писать его за неделю до смерти Хезер. При виде первой строчки на странице у меня вспотели ладони.

Лесли написала: «От Хадсона вернулась в слезах. Сказала, больше туда ни ногой. Спросила

почему, она ответила — боится».

Я уставилась на строчки. Такого не может быть. Об этом даже я не знала. Точнее, я помню, как Лесли однажды проорала мне в лицо, что Хезер боится Хадсона и на то немало причин. По ее мнению, смерть Хезер не была случайностью. Но тогда она много чего наговорила. Озлобленная, ослепленная жаждой мести. И почти все, что наговорила, было далеко от истины.

По крайней мере я так считала.

Слышу щелчок. По спине бегут мурашки. Стою как вкопанная. Это включился обогреватель — чувствую себя глупо. Странно, что его никто не выключил, хотя особо-то и некому. Могла разве что Бэт. Из родственников у Лесли никого не осталось.

И все же я теряю время. Нужно продолжать поиски. Собираюсь поставить блокнот на место, но, передумав, сую за пазуху. Хочется узнать, что еще там есть про Хадсона и Хезер; сейчас некогда.

На полке остались блокноты, выделенные под каждый год. В конце, между стенкой шкафа и последним в ряду блокнотом, осталось место. И этот последний стоит под наклоном. Словно рядом был еще один, но его там нет.

Может, недостающий блокнот забрала поли-

ция? Ну, или дневник. Весомая улика.

Или, может, я ошибаюсь? Нет его и не было. Все-таки на дворе двадцать первый век. Лесли наверняка завела себе электронный дневник. Встав на ноги, быстро выхожу из спальни, возвращаюсь в кабинет и бросаюсь к письменному столу. Правой рукой берусь за компьютерную мышь и вожу ею по коврику, на котором фотография цветка — ну еще бы! Даже в кабинете с потолка свисает пара горшков. Странно, что компьютер до сих пор здесь. И он включен. Значит, полиция в нем ничего не нашла — собираюсь выйти из кабинета. Но вдруг найду то, что полиция упустила. Наполнив комнату голубым светом, включился экран. На нем высветилось поле для ввода пароля; бубня себе под нос, ввожу самый очевидный: имя Хезер и дату ее рождения, которую я никогда не забуду, потому что вслед за ней через два дня родился Хадсон — мы с Лесли частенько дивились этому совпадению. Однажды мы даже решили отметить дни рождения вместе. Выбрали день и повели детей в парк аттракционов. Пароль не подошел, тогда я ввела дату дня рождения Лесли, которую я тоже не забуду — следующий день после Рождества. Она постоянно жаловалась, мол, ее день рождения теряется в праздничном

хаосе. Когда мы дружили, я ей сочувствовала. Но потом поняла, насколько по-детски смотрелись со стороны ее капризы.

Дня рождения Джеймса не помню, но я бы очень удивилась, если для пароля она выбрала его. Потом попробовала дату смерти Хезер. Это ненормально, я знаю, но такое возможно. Этот день не выходил у нее из головы.

Но и он не подошел.

Больше вариантов у меня нет. Меньше всего хочется, чтобы компьютер заблокировался. Следующий, кто подойдет к нему, узнает, что в доме кто-то был. Скорее всего, это будет полиция, и если они начнут собирать отпечатки…

О боже! С ужасом смотрю на свои руки. Перчатки. Вот что я забыла. На прикроватной тумбочке осталась пара черных кожаных перчаток. Вечером я их достала, но взять с собой забыла. Такую же ошибку я совершила и в доме Молли.

По спине пробежал холодок.

На месте преступления нельзя оставлять отпечатки.

В ужасе несусь в ванную и хватаю с полки полотенце для рук. Вернувшись в кабинет, вытираю все, к чему прикасалась. Понятия не имею, поможет ли это, но попытаться стоит. Засунув

полотенце за пазуху, где уже лежит блокнот, выхожу в гостиную.

Какая же идиотка!

Я все обыскала, но так ничего и не нашла.

На секунду остановилась, сделала глубокий вдох. Где бы еще посмотреть? И тут я вспомнила, куда стоит заглянуть. Направила телефон на ковер и, ориентируясь на свет фонарика, пошла на кухню. На стене висит календарь, под ним на столешнице блокнот. Хватаю его и читаю первую страницу.

«Библиотечные книги сдать до 10.03».

Смотрю на дату. Октябрь. Месяц, когда умерла Хезер. Только сейчас я осознала, как близко даты смерти Лесли и ее дочки.

Одно и то же время года. Их разделяет меньше месяца.

Меня пробирает дрожь.

Блокнот пустой. Тяжело вздыхаю. Я так ничего и не нашла. На стене тикают часы. Пора отсюда выбираться.

Положив блокнот на то же место, откуда взяла его, выхожу с кухни, свет направляю точно в ноги. Окно кухни выходит на дорогу, не хочу, чтобы меня кто-нибудь увидел. И хоть в гостиной чувствую себя спокойнее, тут все-таки опаснее:

основное окно выходит на двор Бет.

Подходя к коридору, хотела выключить фонарик, но на ковре вдруг увидела светлое пятнышко. Может, это гранула перлита или маленькая ракушка? На идеально чистом ковре Лесли им не место.

Наклоняюсь, чтобы рассмотреть, и в эту секунду замечаю еще что-то. Что-то совсем знакомое, лежит под настенной вешалкой в морском стиле. Это…

Из-под свитера прямо мне в подбородок вываливается блокнот. Полотенце тоже вот-вот выпадет. Запихиваю их обратно. Поднимаю блестящую штучку и подношу ее на свет фонарика — у меня дыхание остановилось!

Это моя сережка. Она из набора, что много лет назад мне подарил Даррен.

Эти сережки совсем не вписывались в мой стиль, но пока Даррен был жив, я заставляла себя иногда их надевать. Но теперь я их не ношу. Даррена больше нет.

Конечно же, сережка не пролежала у нее на ковре все эти годы. Этого быть не может.

Но как она попала сюда?

Шаркающий звук. Возможно, это ветер или какой-то зверек, но я все равно встаю, засунув

сережку в карман. Итак задержалась тут дольше, чем следовало.

Выключив фонарик, я погрузилась в темноту дома. Стою вдалеке от окна, на ребра давит блокнот, в кармане лежит сережка, а где-то глубоко в мозгу все крутятся и крутятся мысли: я что-то забыла, что-то очень важное.

Так накрутила себя, что вернувшись домой, не смогла уснуть. Словно пришла с концерта: по венам хлещет адреналин, в голове проносятся самые жуткие моменты ночной вылазки. Как хорошо, что Хадсон спит. Проходя быстрым шагом мимо его комнаты, слышу, как он глубоко дышит. В спальне сняла с себя черный костюм и переоделась в мягкую пижаму.

Забравшись под одеяло, открыла блокнот Лесли и принялась с жадностью его читать. Многое мне уже было известно: начало учебного года в сентябре, волнение, связанное с готовкой печенья для осенней ярмарки. Удачно съязвила о женщине из книжного клуба — я рассмеялась: за то короткое время, что пробыла в клубе, я познакомилась с Энн Уинстон. Помню, что высказывать свое мнение она всегда начинала со слов: «А вот когда я училась в Стэнфордском университете…» или «А вот мой преподаватель по

философии говорил…» Лесли записала несколько наших разговоров, и от того, насколько точно она их передала, мне стало жутко. Она написала о моей стрижке — тогда я в первый и последний раз отрезала челку. Пытаясь казаться милой, она мне не сказала, что думает на самом деле. Также она упоминала и Хадсона: в основном, заходил ли он к ним и подвозил ли куда-нибудь Хезер.

Почерк у Лесли был своеобразный: странное сочетание письменных и печатных букв, сама его разрабатывала. Не видела его уже давно, пришлось сидеть по несколько минут над каждой страницей и тщательно все разбирать. От напряжения поплыло перед глазами.

За пару недель до смерти Хезер она написала:

«Не могу уснуть. Встала в 4 утра выпить стакан воды. На кухне посмотрела в окно, во дворе Валери зажегся свет».

Вспомнив, как Даррен установил на гараже лампочку с сенсорным датчиком, я села в кровати.

«Открылась дверь, в дом Валери кто-то вошел и закрыл за собой дверь. Кто это был — не поняла. Распереживалась. Думала, не разбудить ли Валери, предупредить о незваном госте? Срочно

вызвать полицию? Побежать к ним в дом? Но тут увидела, что в комнате Хадсона включился и тут же погас свет. Значит, это не грабитель. Уже было собралась вернуться в спальню и напоследок глянула в окно. Заметила, что на лобовом стекле машины Хезер что-то написано, вышла посмотреть что именно.

Пеной для бритья написали «ШЛЮХА».

Никогда я не была так зла.

Полная ярости, разбудила Джеймса. Надпись мы смыли, пока ее не увидела Хезер. Сказала Джеймсу, что это явно дело рук Хадсона. Ответил, что Хадсон — славный парень и на такое не пошел бы. Хезер мы ничего не рассказали, мы даже не осмелились бы! Это был бы для нее конец света! Мы спросили, как дела в школе. Что с друзьями? С Хадсоном? Она ответила, что все хорошо. Но я знаю, это не так. Буду начеку».

Почему Лесли мне об этом не рассказала?

Любопытство меня распирало, я встала с кровати и вышла из комнаты. После смерти Даррена я редко бывала в его кабинете. Зашла туда, меня окутал затхлый застоявшийся запах. Щелкнула выключателем, комната наполнилась тусклым светом. В кабинете пусто, в углу стоит письменный стол, а на нем — стационарный компьютер.

Он старый, никогда им не пользовалась. Там же в углу стоит картотечный шкаф. Нижний ящик заполнен налоговыми документами, свидетельствами о рождении и детскими сертификатами о прививках, которые начали вести с самого их рождения. В верхнем хранится все, что связано со школой: дневники, фотографии и документы, которые я не стала выкидывать. В глубину этого ящика я спрятала свои старые ежедневники и расписания на день.

Моя мама такие вещи никогда не выбрасывала, говорила, что однажды ей захочется заглянуть в прошлое и вспомнить, что было. Не одна она так делала. Я тоже все хранила. Когда мамина память начала ухудшаться, я перебрала все ее старые вещи, прочитала, чем мы занимались вместе: про повседневные хлопоты и разные важные события. Так я не дала воспоминаниям угаснуть. Хоть большую часть жизни я пыталась не быть похожей на мать, здесь я последовала ее примеру — и была этому рада.

Я открыла верхний ящик, просмотрела ежедневники и нашла тот, который вела в год смерти Хезер. На цыпочках вернулась на второй этаж, забравшись в кровать, пролистала ежедневник и нашла нужный день. В тот вечер у Хадсона был

матч и на ночь он остался у Джареда. Так что надпись на машине Хезер оставил не он. Так ведь?

Хотя… Джаред жил за углом. Так что Хадсон мог прийти сюда пешком, расписать машину и рано утром вернуться в дом. Конечно же, я не записала, во сколько он вернулся. Но зачем бы он так обошелся с Хезер?

Читаю дальше.

После случая с машиной, Лесли с маниакальным упорством записывала все про отношения Хадсона и Хезер: отмечала каждый раз, когда они ходили гулять и какое после этого у Хезер было настроение. Описала, как несколько раз возвращалась домой с покрасневшими глазами и размазанной тушью, словно плакала.

За полторы недели до смерти Хезер Лесли написала:

«На руке синяк. Спросила ее. Говорит, на физ-ре ей дали мячом. Но больше похоже, что ее крепко сжимали. Синяк узкий и растянувшийся, будто следы пальцев, от мяча обычно остаются круглые пятна».

Прочти я это тогда, посмеялась бы. С каких это пор Лесли стала экспертом по синякам? Но сейчас думаю о Наталии. О фотографии, где у нее под глазом синяк.

Дрожа всем телом, переворачиваю страницу и натыкаюсь на ту, что начала в доме Лесли.

Перечитала первое предложение, что Хезер стала бояться. Оказывается, все зашло так далеко, что она решила порвать с Хадсоном.

А потом, за день до вечеринки в честь приближающегося Хэллоуина Лесли записала своим дурацким почерком:

«Всю неделю Хезер говорила, что не собирается идти на вечеринку. Сегодня за ужином зашел разговор о вылазке к соседям за сладостями. Я поделилась мыслями о семейных костюмах. Она вдруг сказала, что передумала, Хадсон ее уговорил. Не похоже, что ей так хочется идти на вечеринку. Не хочу, чтобы она туда шла. Но Джеймс настаивает, что каждый Хэллоуин она проводила с Хадсоном. Не пойдет в этот раз — будет потом жалеть. Как же мне хотелось, чтобы он хоть раз меня поддержал. Уверена на все сто: Хадсон для него — идеал. Сын, которого никогда не было. Ну почему он идет мне наперекор?»

Тяжело сглатываю. Я и представить себе не могла, что Лесли относилась так к Хадсону еще до смерти Хезер. Хотя я понимаю, почему она со мной об этом не говорила. Говорить матери

плохое о ее ребенке, обвинять его в жестокости — так и дружбу погубить можно.

Кажется, она не раз обсуждала это с Джеймсом. Дочитывая дневник, я стала замечать, как рушится их брак. Как он пренебрегал ее чувствами: то предлагал разобрать вещи в комнате Хезер, хотя Лесли не была еще к этому готова, то говорил ей бросить свои домыслы начет Хадсона.

Пока я размышляла над тем, что прочла, слово «ШЛЮХА» не выходило у меня из головы. Впервые это слово зазвучало в мой адрес после смерти Мака: так за спиной меня называли те, кого я считала своими друзьями. Этим же словом в меня бросались в Интернете рассерженные фанаты.

Вроде той анонимной дряни, что оставила комментарий под записью о смерти Молли.

Я потянулась к тумбочке и достала золотые часы. Водя кончиками пальцев по гравировке, все думаю и думаю, что в них-то и кроется разгадка. Понять бы какая…

Палки и камни могут сломать мне кости,

Но слова никогда не причинят мне вреда…

Со свистом над ухом пронесся порыв ветра. За

спиной раздался грохот, будто кто-то из ружья выстрелил. Закрыв уши руками и крепко зажмурившись, я пригнулся. Услышав смех сестры, разлепил веки. Она стояла рядом и хихикала.

Меня колотило, я посмотрел через плечо.

У меня сердце в пятки ушло, будто на американских горках прокатился. У стены по всему полу валялись осколки маминой любимой вазы.

Господи, она что, целилась мне в голову?

— Что происходит? — смотря на нас широко раскрытыми глазами, в комнату влетела мама.

Увидев разбитую вазу, мама зажала рот руками. Я заметил, как участилось ее дыхание. Я попятился, чтобы она не могла до меня дотянуться.

— Живо в комнату! Поговорим позже. Сейчас я слишком зла.

Я посмотрел на то место, где стояла сестра, но там уже никого не было.

— Но мама, я не…

— Живо!

Она подошла, глядя на меня сурово. Сорвавшись с места, я выскочил в коридор и побежал по лестнице. Пробегая мимо комнаты сестры, я заметил, что она лежит на кровати и читает книгу. Разозлившись, я остановился. Оглянулся: мамы не видно. Слышно, как внизу она собирает

осколки вазы.

Время пришло.

Я зашел к сестре в комнату.

— Энди. — Она открыла рот, чтобы меня поправить, но я опередил ее: — Кендра.

Непросто было переучиться. Как только я заговорил, сразу стал называть ее Энди — не выговаривал буквы «к» и «р» — и Кендра сначала стала Эндха, а потом превратилась в Энди, и никто меня не смог переубедить. Мама и папа не поддержали меня, они продолжали звать ее Кендра, но меня это устраивало. Мне нравилось, что в наших отношениях с сестрой есть что-то особое. На самом деле только это и было. Она позволила называть ее иначе, и это было единственное, что давало мне понять: помимо ненависти у нее ко мне есть еще какие-то чувства.

Но недавно Кендра лишила меня этого, настояв на том, чтобы я звал ее настоящим именем.

«Мы уже не маленькие, — тогда сказала она. — Теперь ты выговариваешь все буквы. Так что произноси мое имя правильно».

— Ты чуть не убила меня, — теперь сказал я.

Оторвав взгляд от книги, она закатила глаза.

— Только не начинай.

— Мама думает, что это моих рук дело.

— И почему меня это должно волновать?

Я сделал шаг вперед.

— Я скажу, что это сделала ты.

Покачав головой, она рассмеялась:

— Она ни за что тебе не поверит. Я читала в своей комнате. А ты был рядом с вазой.

Меня захлестывал гнев, горячий и обжигающий, как тот кипяток, что она вылила мне на руку. Мне уже тошно от ее выходок. Надоело ей подчиняться.

— Я тебя ненавижу! — проорал я, на нее кинувшись.

Отбросив в сторону книгу, она вскочила на ноги, приготовилась бежать. Но было уже поздно. Я оказался быстрее.

Я толкнул Кендру на кровать, прижав коленями ее бедра. Она вскрикнула от боли, и от триумфа я ощутил приятное покалывание.

— Полудурок, слезь с меня! — дергалась она подо мной.

Вытянувшись вперед, я сжал пальцами ее шею.

— Мама! — закричала она.

Я стал давить что было силы. Ее глаза вылезли из орбит, но так она хотя бы заткнулась. Она вскинула руки, ногти впились мне в плечи. Но я

все сжимал шею. Так сильно, что под пальцами почувствовал пульс.

На этот раз я главный.

Я тигр.

Я хищник.

Власть у меня.

Не у нее.

— О господи! Хватит! Слезь с нее! — в комнату влетела мама. Она запрыгнула на кровать и отлепила мои руки от шеи сестры.

Кендра села, хватая ртом воздух. Ощупала шею, будто проверяла, не отодрал ли я кожу.

Наблюдая, как на бледной коже появляются красные пятна, я не спеша расплылся в улыбке.

Глава 22

Лежа в кровати, я перевернулась на спину и с подозрением уставилась на звонящий телефон. Это доктор Штайнер.

Восемь часов утра, я почти не спала и сейчас должна была бы клевать носом. Но, увидев номер доктора, тут же вскочила. Неужели результаты анализов уже готовы — видимо, все совсем плохо.

Но я ошиблась.

— Анализы не выявили у вас ни ранней стадии болезни Альцгеймера, ни деменции, — произнес доктор Штайнер с такой беззаботностью, что я аж потеряла дар речи. — Валери?

Я только моргаю. У ног тяжело дышит Боуи.

— Эээ… да. Я тут. Я… я не понимаю. Видимо, это какая-то ошибка.

— Результаты сейчас отправлю вам на электронную почту. Хорошенько с ними ознакомьтесь и, если останутся какие-то вопросы, перезвоните. Если хотите записаться на прием, я соединю вас с регистратурой или сразу с неврологом — продолжите обследование.

Голова идет кругом. Это уже слишком. Не знаю, что ответить. Путаются мысли.

— Ладно… Хорошо… С результатами ознакомлюсь и перезвоню. — Словно в тумане, вешаю трубку, через силу встаю с кровати и иду к ноутбуку.

Вот они: результаты анализов, тестов на когнитивные способности, МРТ. Все в норме.

Ничего не понимаю, и все же…

Хочу разобраться: вспотевшими руками беру телефон и набираю Кендру. Дочка ходит на курсы медсестер, так, может, она мне все разъяснит. И я пойму, как такое возможно. Не могла же я все это время изображать из себя тупоголовую склерозницу.

— Привет, мам, — голос у нее уставший.

— Все хорошо? — поинтересовалась я.

— Ночью так себе спала.

— Точно, — вспомнила я. — Тео рассказывал, что Мейсон по ночам не спит.

— Когда он тебе такое сказал? — вдруг спросила она.

— На днях, когда привозил Мейсона, — ответила я. — Он рассказал, что Мейсон все не мог уснуть. И тебе пришлось катать его ночью в машине. Я тоже с тобой ездила.

— Правда? Со мной?

— Ага. Тебе нравились шум и движение.

— И меня катала ты? Или все-таки отец?

Ненавижу, когда она так делает. Все время подчеркивает, что отец проводил с ней больше времени. Интересно, долго ли она еще будет припоминать мне ошибки давнего прошлого.

— Мы оба, — в итоге отвечаю я.

— Ну, хорошо, а с Мейсоном только я катаюсь, — по голосу понятно, что для нее это сущая пытка.

— Тео сказал, что в машине он засыпает только с тобой. Когда наступает его очередь, то ничего не выходит.

— Его очередь, — Кендра усмехнулась.

— У вас с ним все в порядке?

— Да. А что?

— Ну, просто кажется… — я пыталась подобрать слова. — Когда вы вдвоем, то какие-то напряженные.

— Думаю, мы оба устали, — ушла она от ответа. — Так, хватит об этом. Ты вряд ли звонишь мне, чтобы обсудить мои отношения с мужем или проблемы со сном. Что-то произошло?

— На самом деле да. Поэтому и позвонила тебе.

— Неужели? — теперь она слушает меня более внимательно. По голосу понятно. Думает, буду

жаловаться на брата, хотя раньше я так никогда не делала. Надеется на это. Я точно знаю.

— Да. Я… я… в начале этой недели я была на приеме у доктора Штайнера, сдала анализы.

— Была на приеме? И мне ничего не сказала?

— Говорю сейчас.

— Я не об этом. Ты не сказала до приема. Я бы с тобой пошла.

На ее глупое предложение я никак не отреагировала. Я уже взрослая девочка. К доктору могу и сама сходить.

— Все прошло хорошо. И этим утром я получила результаты, все анализы в норме.

Молчание.

Жду. Немного кашляю. Стучу ногтями по столу. Один ноготь сломан. Думаю, что надо бы записаться на маникюр.

Она сбросила?

— Кендра?

— Да. Я тут. Эм… А какие анализы ты сдавала?

— Анализ крови, тесты на когнитивные способности и была на МРТ. Я пришлю тебе по почте.

— И ты говоришь, что все результаты в норме?

— Это удивительно, да? — Ответив Кендре, почувствовала себя более уверенной, ощутила радость.

Даже и не верится!

— Да, удивительно, — слышу, что моего энтузиазма она не разделяет.

— Не похоже, что ты рада.

— Еще как рада, мам. Чудесная новость. Совсем не ожидала. Просто…

— Что?

— Почему у тебя тогда проблемы с памятью?

— Хороший вопрос.

— Но ты все равно пришли мне анализы, — попросила Кендра. — Я посмотрю, и, может, сходим к доктору Штайнеру вместе, у него узнаем.

— А вдруг результаты анализов неверные?

— Вряд ли, уверена, здесь нет никакой ошибки. Проблемы с памятью могут быть вызваны чем-то другим. Надо всего лишь понять чем.

Положив трубку, я ощутила невероятное чувство радости. Раннюю стадию Альцгеймера не обнаружили. Меня не ожидает то, что было с моей матерью. Лучше новость этим утром и придумать нельзя было. Я так счастлива, что меня не расстроила даже странная реакция Кендры. Хотя другого ожидать и не следовало.

Она всегда такая сдержанная. Такая разумная. И порой настроена скептически. Хадсон долго звал ее Дебби Даунер, в честь героини из передачи

«Субботним вечером в прямом эфире», которую исполняла Рейчел Дрэтч.

Но Кендра сама сказала, что результаты анализов правильные. И мои проблемы со здоровьем никак с ними не связаны.

Потом я позвонила Хадсону, уж он-то точно обрадуется. Именно Хадсон хотел, чтобы я сходила на прием к доктору Штайнеру. Не отвечает, оно и понятно — на работе. Я написала СМС:

«Привет. Хотела поделиться чудесной новостью. Звонил доктор Штайнер, похоже, Альцгеймером я не больна. Позвони, как освободишься. Твоя сестра не особо этому рада. Ищу вот, с кем бы разделить радость».

Положив телефон, встаю из-за кухонного стола и иду к холодильнику за водой. Обращаю внимание на записки, что висят на холодильнике и на календаре снизу — когда проходишь мимо, раскачиваются из стороны в сторону. Насчет одного Кендра точно права. Проблемы с памятью вызваны чем-то другим. И если деменции у меня нет, то почему я тогда все забываю?

Подойдя к календарю, читаю записки. На последних написано: МРТ, доктор Штайнер, студия искусств, Хадсон на работе, на ужин придет Кендра. Перелистываю календарь на предыдущий

месяц, внимательно изучаю дни, вдруг что-то забыла. Палец замирает на дне, о котором я так много думаю, — сердце перестало биться.

«Мейсон, 17:30».

Почерк.

Он отличается от почерка на последних записях. «МРТ, доктор Штайнер». Разница почти незаметна. Едва различимая: буквы не такие круглые. Видно старание, будто кто-то пытался подделать мой почерк, но вышло не особо правдоподобно.

Трясущимися руками сорвала календарь и начала рассматривать почерк, бумага между пальцами мнется.

Да, точно. Про Мейсона не я писала. Еще заметила запись про дневной прием к стоматологу. Помню, к стоматологу пришла, но оказалось, что прием только через неделю. Тогда я подумала, что ошиблась, но теперь вижу: почерк тоже слегка отличается.

Если не я писала, то кто?

Со мной живет Хадсон, с календарем он мог сделать все что угодно. Но записи сделаны до его приезда.

На кухню прибегает Боуи и пулей летит мимо меня на улицу. В голове крутятся пугающие

мысли, начинает трясти. Но мои догадки смехотворные, так ведь? Кому понадобилось делать записи в календаре, прятать ключи и перекладывать вещи с места на место? Бред полный. Быть такого не может. Мы же не в каком-нибудь фильме. Чтобы успокоиться, наполняю чайник и ставлю на плиту.

Перед концертами я всегда пила чай. Все думали, это чтобы разогреть голосовые связки. Только Мак знал правду: чай помогал мне унять тревожность. Ромашка меня успокаивает.

Пока чай заваривается, выхожу на задний двор и с улыбкой смотрю на бегающего Боуи. Какой же шалун: гавкает и прыгает за птицами. Поливаю цветы, что стоят на крыльце. Какие-то чуть завяли. Боуи и суккуленты. Только это и успокаивает меня. Придает уверенности.

Вернувшись на кухню, выбрасываю чайный пакетик в мусорное ведро. Беру кружку в руку, и тут замечаю шум на втором этаже: будто кто-то двигает мебель, ножки царапают деревянный пол. «Привет, Грейс», — сразу подумала я, а потом, вспомнив, что у меня в районе убили двух женщин, замерла и продолжила слушать. Раздался скрип половиц, словно кто-то осторожно крадется. И этот кто-то не хочет, чтобы его услышали.

У меня волосы встали дыбом. Не спеша иду к лестнице.

Стало тихо.

На улице проехала машина. Подул ветерок, и в окно прилетели листья, стукнули о стекло резко, но мягко, будто котенок постучал лапками.

Я вздохнула.

Нервы натянуты. Выпью немного чая и приму горячий душ, ненужные мысли уйдут, будет легче понять, что происходит. Лучше всего мне думается в душе. Так всегда было. Когда песня придумывалась с трудом, я шла в ванную. Под горячими потоками воды нужные слова как-то сами находятся, даже когда нет вдохновения. Вот и сейчас надо выкинуть из головы все ненужные мысли.

Сижу у себя спальне, пью чай и жду, когда нагреется вода: в таких старых домах на это уходит много времени. Заметив в ванной клубы пара, оставляю на комоде кружку и залезаю в душ. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох; струи теплой воды под напором стучат по напряженным мышцам. Дрожу, из тела вышел холод, его место заняло тепло.

Так долго стою в душе, что кожа на пальцах сморщилась, я стала вся красная.

Выхожу и заворачиваюсь в теплое полотенце.

Допиваю остатки чая и начинаю одеваться. Выбираю свои любимые спортивные штаны и пушистый свитер. Просовываю ногу в штанину, у меня вдруг начинает кружиться голова — чтобы не упасть, хватаюсь за край комода. Делаю глубокий вдох и выдох. Моргаю. Когда становится лучше, делаю еще одну попытку, на этот раз штаны надеть удалось. Тяну руку за свитером, и тут у меня перед глазами поплыла спальня. Снова хватаюсь за комод. Зажмурившись, жадно хватаю ртом воздух.

С трудом натягиваю свитер через голову, засовываю руки в рукава, голова вот-вот закружится еще сильнее. Стены, словно воздушный змей на ветру, дрожат, раскачиваются. Над комодом висит зеркало, в нем вижу свое отражение: бледное размытое пятно. Так сильно вцепилась в комод, что аж костяшки побелели.

Да что же такое?!

Перед душем я чувствовала себя нормально. Правой рукой задеваю кружку. *Чай*. Я вгляделась на дно кружки.

Снова подняв взгляд к зеркалу, вижу, что у меня за спиной кто-то стоит.

Поворачиваюсь и гляжу в глаза, такие же зна-

комые, будто мои собственные.

— Это все ты, — прошептав, я рухнула; тьма приняла меня в свои крепкие объятия.

Глава 23

Не могу пошевелиться.

Не могу вдохнуть.

Руки лежат вдоль тела, будто привязанные; не могу открыть глаза — веки словно свинцом налиты. Пытаюсь дышать, но с каждым слабым вдохом меня охватывает ужас. Дергаясь, как крыса в мышеловке, приложив все возможные усилия, открываю глаза. Комната размыта, я будто надела неправильные линзы. Моргаю и пытаюсь сесть. Не выходит. Руки и ноги лежат мертвым грузом.

Надо мной повисает тень. Отчаянно дергаюсь.

Здесь кто-то есть.

— Мам, все хорошо. — Мне на плечо опускается тяжелая рука.

Широко открываю глаза, стараясь разглядеть, кто это.

Надо мной стоит Хадсон, своей огромной ладонью он укладывает меня обратно в постель.

— Успокойся. Все будет хорошо.

Хочу покачать головой, но она не двигается.

«Нет, все нехорошо. Дай встану». Открываю

рот, пытаюсь произнести слова, но ничего не выходит. С губами что-то не то: покалывают, будто опухли, похожее было, когда пробовала их увеличить, но на этот раз ощущение гораздо отвратнее. К тому же дерет горло.

— Доверься мне, все наладится. — Убрав руку с плеча, он отходит от кровати.

Хочу схватить его и силком вернуть на место, но конечности меня не слушаются. Ничего не поделать — я стала заложницей своего тела.

Своего дома.

«На помощь!» — кричу я у себя в голове, а Хадсон в это время подошел к двери из спальни.

На миг он замирает, рука повисла на ручке.

С надеждой жду. «Да, да, вернись. Не оставляй меня». Его надо предупредить. В голове кричит голос, полный ужаса, слова стукаются друг о друга, будто барабанные тарелки. Дзынь. Дзынь. Дзынь.

Он уставился на меня, во взгляде тяжелые мысли. Рот плотно сжат, морщится. Ничего не сказав, поворачивает ручку двери.

Открывает и выходит в коридор. Дверь за собой закрывает. Звук шагов удаляется.

Таращусь в потолок, вот бы подвигаться пару минут. Вдруг скрипят половицы и раздается еле слышный, легкий скрежет, от которого меня

передергивает. Тут же понимаю, что это, хотя проваливаюсь в сон.

Металл зацепился за металл.

Крючок и петля, какие раньше висели на двери в комнату Грейс.

Только теперь они висят на двери ко мне в спальню.

Глава 24

Пианино издавало высокие звонкие ноты, мелодия мне знакома, но где ее слышала — не помню. Музыка, окутывая меня, звучит все громче, точно помню ее, в итоге узнаю. «Все, чего я прошу» из «Призрака оперы», песня, которую я исполняла в день нашего знакомства с Дарреном. Чувствую под пальцами гладкие клавиши из слоновой кости, нажимаю их — струны фортепиано слегка жужжат.

Туман вокруг рассеялся, вижу комнату намного четче. Шторы открыты, светло, воздух свежий. Я сижу перед большим окном за пианино. Наш с Дарреном первый дом: дуплекс, который сняли в пригороде Кармайкл. Пианино он урвал на распродаже имущества. Оно расстроенное, на мастера денег у нас тогда не было. Но я все равно играла и пела, не обращая внимания на фальшивые ноты.

Рядом сидел Даррен, скамья вот-вот развалится. Под нашим весом она прогибалась и время от времени шаталась, приходилось привставать. Мои пальцы прыгали по клавишам, чувствовала

музыку каждой клеткой. До клавиатуры доставал выпирающий живот, словно в такт, внутри двигался Хадсон.

В комнату засеменила Кендра; на голове два хвостика. Одета в тельняшку и красный комбинезончик. Ножки босые, спотыкаясь, идет к нам; на ковре поджимает пальчики ног.

«Мама, лучки», — сказала она, вытянув вверх руки, и зашевелила в воздухе маленькими пальчиками.

Засмеявшись, я убрала пальцы с клавиш, чуть отодвинулась, чтобы было куда ее посадить, и взяла ее, тяжелую, на руки. Усадив на колени, я пела, а она мурлыкала вместе со мной. Под ребрами я чувствовала, как пинается Хадсон. Даррен наклонился и поцеловал меня в щеку.

Довольная, я улыбнулась.

«Нет, подожди. А если попробовать так?» — раздался мужской голос. Этот человек совсем не к месту. Его не должно быть с нами в комнате. Заиграла другая песня, послышались другие ноты, хотя клавиши я не трогала.

Испугавшись, повернула голову направо. На месте Даррена сидит Мак. В одной руке держит карандаш, другая — на клавишах. Он сыграл несколько нот и начал писать в нотной тетради,

стоящей на пюпитре. Теперь мы не в старом дуплексе. Мы у Мака. В углу комнаты горит светильник.

Он так погружен в свои мысли, что, похоже, меня не замечает. Мне он такой нравится. Сосредоточенный. Целеустремленный. Я такая же. Даррен эти черты во мне не любит. А Мак от них без ума. Мы с ним одинаковые.

Слушаю ноты, которые он наиграл, и добавляю несколько от себя. Он повернул голову, будто заметил меня только сейчас.

Кивает. «Мне нравится». С уверенностью записывает ноты.

Мы сыграли наши партии, и я дописала строчку песни:

«Спрятаны в тени, окутанные тьмой, никто нас не найдет».

Чувствую, как, смотря мне в лицо, Мак пожирает меня взглядом, но я не могу пошевелиться. Его рука опустилась на бедро, с моих губ сорвалось его имя — я повернулась. Спустя секунду сижу у него на коленях, наши губы сплелись.

Всегда, когда подобное происходило, я говорила себе: это в последний раз.

Но остановиться было невозможно.

Лай. *Боуи?* Малыш, где ты?!

Через силу возвращаюсь из переплетений воспоминаний к реальности. Веки открываются и закрываются, пальцы вцепились в одеяло. Вдалеке я снова слышу лай. Должно быть, Боуи на заднем дворе. Пытаюсь позвать его, но безрезультатно. К лаю добавляется смех, приятный, беспечный. Грейс кидает Боуи мячик? В глазах все плывет, комната будто раскачивается, сотрясаемая волнами океана. Мое тело горячее, мышцы расслаблены, как после пары бокалов.

Меня накрывают волны: закрываю глаза, спальня исчезает.

Вокруг свистят и хлопают. В глаза светят прожекторы. Опускаю взгляд на руку с микрофоном. Из-за света щурусь. Зрители. Много зрителей, хлопают и кричат. Краем глаза вижу: ребята собирают инструменты, уходят со сцены. Вставляю микрофон в стойку, хотя делать этого не хочется. Окончание концерта для меня — и радость, и печаль. Как же не хочется уходить, готова петь ночами напролет, но в то же время мне приятно слышать, как аплодисментами, свистом и криками вызывают на бис. И так здорово после собираться, отметить и, в конце концов, улечься спать.

Но сегодня мы отыграли последний концерт

тура. Уйти со сцены совсем невмоготу.

Завтра поедем домой. Вернемся к реальности. К семье.

Выпив пару бокалов, села в микроавтобус. Здесь меня ждал Мак. Только я зашла, как его руки оказались на моем лице, теле, в волосах. Прижав к стене, он страстно меня целует. Губы опустились к шее, руки с лица переместились на грудь, я вырвалась из объятий.

— Как же ребята? — хватая ртом воздух, спросила я.

— На свидании с какими-то девчонками. Ночью нас никто не побеспокоит. — Взяв на руки, он отнес меня к кровати, что находится в конце автобуса, и на нее бросил.

— Не верю, что это последний концерт, — уткнувшись ему в шею, сказала я.

— Но не наша последняя ночь, — многозначительно посмотрев на меня, он опустился ниже.

Он это уже говорил, и я тоже мечтала, чтобы ничего не заканчивалось. Но это была мечта, только и всего. Мак меня не понимал. У него не было семьи. Он видел меня только счастливой. Той, что отправилась в тур. Той, что не обременяют обязательства.

А что нас ожидает, когда мы вернемся из тура?

Когда я приду к нему с вещами и двумя детьми?

Как мы переживем трудности? А еще хуже: скуку?

«Мам», — в воспоминания ворвался голос Кендры, автобус, а вместе с ним и Мак рассеялись.

Подожди. Хочу удержать его. *Вернись!*

Чувствую, как мне на лоб опустилась холодная ладонь. Я вся горю. Жар. Будто огонь окутал. От прохлады должно полегчать.

Но нет.

Помню тот ступор, когда увидела ее в зеркале у себя за спиной. Наши взгляды пересеклись. Она посмотрела на меня, потом на кружку. *Что она со мной сделала*?

Не могу пошевелиться. Едва дышу.

Ладно, что бы она там ни сотворила… Но зачем?

Этот вопрос и мучает, и пугает.

Кажется, что она где-то далеко. В комнате темно, хмуро и тепло. Не могу ни рот открыть, ни пошевелиться. Темнота снова вернулась. Она пришла ко мне. Иду ей навстречу.

— Ты уже поговорила с Дарреном? — Тыльной стороной ладони Мак провел по моей щеке.

Отрываю голову от его плеча и смотрю Маку в

глаза, пальцами вожу по его голой груди.

— Извини, Мак, но я не могу. Не сейчас.

Его рука замерла. Он сел, я неожиданно свалилась на подушку.

— А когда?

Облизнув губы, я оттолкнулась от постели и тоже села. В комнате пахло потом и сексом. Так пахнет от Мака.

— Не знаю. Это непросто.

— Хрень какая-то, — он вскочил и провел по своим волосам рукой.

— Что? — Я натянула свитер.

Передо мной стоял Мак, голый, его не волновало, что жалюзи на окне не до конца закрыты.

Сидя на постели, я подтянула ноги и обхватила себя руками.

— Пару недель назад ты обещала, что поговоришь с ним.

— Я собираюсь, — ответив, я вспомнила, как однажды вернулась ночью домой: Даррен отрубился в ванной, а дети спали у себя в комнатах; на плите меня ждали остатки холодного сгоревшего омлета. Хадсон, должно быть, приготовил. В свои четырнадцать лет он готовил так себе, посуду мыл еще хуже. — Время сейчас не самое подходящее.

— Нет, это какая-то хрень.

От этих слов я аж отшатнулась, какой же он бесчувственный.

— Да как ты смеешь так говорить? Ты же знаешь, что не все гладко. Он слишком много пьет. Совсем расшатал себе здоровье.

— Но это к нам не имеет никакого отношения.

— Имеет, и еще какое, — возразила я. — Я нужна семье.

— А как же я?

— Что ты?

— Ты нужна мне.

— Я с тобой, — улыбнулась я.

— Нет, ты не со мной. Я хочу, чтобы ты была только моя, чтобы была со мной все время. Я люблю тебя. И ты меня любишь. И не надо оправдываться. Будь ты им взаправду нужна, не пришла бы ко мне.

В его словах столько горечи — потеряла весь запал. Понимаю, что веду себя эгоистично: бегаю на эти свидания, нахожу время на то, что нравится мне. На того, кто сводит меня с ума. Мало думаю о других. На Хадсона вот в школе стали жаловаться. Хезер как будто не желает к нам приходить, Хадсон начал бывать у нее. Еще и Кендра, какая бы организованная она ни была,

стала хуже учиться.

Мак прав. От правды не скрыться.

Жаль только, что не такой правды он ожидал.

Резко открываю глаза, из груди вырывается вздох ужаса. Я не в спальне Мака. Снова у себя. Ищу взглядом Кендру или Хадсона, но никого. Слышала голос Кендры. Точно же слышала? Дверь в мою спальню закрыта. Прислушиваюсь, но никаких звуков. Они что, ушли?

В голове стреляет, вот рту пересохло.

Надеюсь, что Хадсон поможет мне.

Уставившись в потолок и моля о помощи, вспомнила обрывки снов. Даррен. Дети. Мак.

Если б я только была смелее…

Мак был бы тут.

И месяца не прошло, как мы с Маком в последний раз расставили все точки над «и», он позвонил и спросил, не находила ли я блокнот. Куда мы записывали наши песни. Я ответила «нет». А позже вечером нашла.

На следующее утро я позвонила, но он не ответил. Поехала к его дому, собираясь оставить блокнот на крыльце. Был самый обычный день. Небо голубое. Светит солнце.

По пути заехала в «Старбакс». Отхлебнув мокко, вышла из машины. К обеду точно потеплеет, но

утро пока холодное. Запахнула пиджак и, прижав к груди блокнот, поспешила к дому Мака. На мне были джинсы, сапоги на высоком каблуке и футболка с глубоким вырезом, на груди любимый кулон. Хоть мое сердце все еще разбито, пусть он заметит меня в окне, пусть поговорит со мной. Своим внешнем видом я собиралась показать ему, что у меня все хорошо и что о своем выборе не жалею.

Пока оставляла блокнот на крыльце, в голове пронеслись воспоминания о нас, все знакомые чувства снова на меня нахлынули. Ужасно, что все так закончилось. Когда разрывала с ним отношения, я понимала, что все делаю правильно. Но я как-то не подумала, от чего отказываюсь. От музыкальной группы.

Мак тогда сказал, что выступать и ездить в туры будет совсем непросто. Остальные ребята на мой звонок даже не ответили. Ищут новую солистку — слышала краем уха Сюзанна. Как же они быстро от меня избавились, я в ужасе была.

Вообще-то мы решили, что я выступлю на последнем концерте и о моем уходе мы расскажем вместе. Но посреди репетиции, когда мы разбирали нашу с ним песню о любви, Мак выбежал из зала.

— В чем дело? — Я вышла и нашла его на стоянке, он закуривал.

— Не могу. — Он ткнул сигарету в рот, затянулся.

Выпустил облако дыма, я сказала.

— Понимаю, мне тоже тяжело.

— Тебе тяжело? — рявкнул он, стряхивая пепел. Резко ко мне повернулся: — Посмотри на себя. Посмотри, во что ты одета.

Я посмотрела на себя: обтягивающие джинсы, леопардовая майка с глубоким вырезом, сапоги на высоком каблуке.

— Ну и что? Я всегда так одеваюсь. — Мне нравилось репетировать в том, что, скорее всего, надену на выступление, особенно любила каблуки. В них чувствую себя более раскрепощенно, легче двигаться по сцене.

— Вот именно. Ты ведешь себя так, будто ничего не произошло.

Закусив губу, я замерла.

— Мак, я не понимаю, что ты от меня хочешь.

— Конечно, ты никогда не понимала, — ответил он. Бросил со всей злости на землю окурок и растоптал его. — Сию же секунду уходи.

Я дернулась, будто пощечину дали.

— Что?

— Я отменяю концерт. Скажи ребятам. Ни о чем не беспокойся.

— Но мы же договорились, — запротестовала я.

— Валери, твою мать, я не могу стоять с тобой на одной сцене и петь песни, ты это понимаешь? Видимо, нет. — Он провел по волосам рукой. — Ты решила играть в дочки-матери со своей милой семьей, так иди. Играй!

— Мак, ну пожалуйста, — начала умолять я. — Всего один концерт.

Он уверенно покачал головой — меня словно под дых ударили.

— Свой выбор ты сделала. С меня довольно.

Понятия не имею, что он наговорил ребятам про меня. Про нас.

Вернувшись за своими вещами, мне хотелось опередить его, что-нибудь им сказать. Но я была слишком опустошена. Я промямлила что-то про плохое самочувствие и вышла, пока они не увидели моих слез.

Жаль, что тогда проявила слабость.

Нечестно. Ведь только я все потеряла. Он мог бы меня хотя бы выслушать, узнать, а что чувствую я. Не из-за меня одной все рухнуло. Он тоже был виноват. И если я смогла пережить наш разрыв, продолжила петь в группе и даже представляла,

как в будущем мы выступаем вместе, то и он мог бы найти в себе силы и со всем справиться.

Чем больше об этом думала, тем больше злилась.

Схватив блокнот, я встала перед дверью и пару раз постучала. Опустила руку. Осмотрелась. Прислушалась, что Мак делает внутри. Может, услышу звуки его шагов, пение или игру на гитаре. Дом у него небольшой. Нет и ста квадратных метров. Обычно какие-то окна он оставлял открытыми. Минуту я слушала тишину, постучала еще раз.

Перед домом стояла машина, так что он точно дома.

— Мак! — крикнула я. — Это я. Принесла блокнот.

И снова тишина.

— Мак, ну ты чего. — На окне рядом с дверью шторы все еще закрыты. Раздраженно обошла дом и встала у другого окна. — Давай поговорим.

С каждой секундой мне становилось все тоскливее.

Но было тихо. Никто мне не открыл, никто не ответил. Я заглянула в окно: оно приоткрыто, шторы не задернуты. Одеяло в ногах кровати, простынь смята. На спинке стула висит одежда.

Может, в душ пошел. Прислушалась, не журчит ли вода, но ничего не услышала.

— Мак! — крикнула я еще раз. — Заканчивай, я знаю, что ты тут.

Никакого ответа.

Я вернулась к двери и снова забарабанила. В тот миг я была вне себя от ярости: хотелось разорвать блокнот и сгоряча уйти. Но тогда я бы упустила возможность вернуться в группу.

С самого ее основания Мак считался главным. Не потому что мы его выбрали и не потому что из нас он был самым талантливым. А потому что основать группу — это его идея. Он собрал нас. Ребята даже и не подумали бы вернуть меня, не дай Мак на то согласие.

Я надеялась, что смогу его уговорить. Без «Полета сердец» Мак не представлял своей жизни, вместе мы неплохо пели. Мы же через столько прошли! Он не мог вот так взять и все разрушить.

Постучала в дверь еще пару раз. Слишком сильно — я была жутко зла. Понимала, что он специально не открывает, понимала почему. Это было смешно.

— Значит так! — Опустив руку, кричу через дверь. — Хочешь проучить меня; наверно, я этого

заслуживаю. Но не ребята. Не группа.

Тяжело вздохнув, я наклонилась, решила все-таки оставить блокнот. Может, поэтому он не отвечает. Он просил блокнот. А не разговора со мной.

Мне следовало привезти блокнот и не трогать Мака. Но я не могла это просто так оставить. Мне надо было поговорить с ним, вразумить его.

— Прошу, всего пару минут.

Проходит время, но никто не отвечает, раздраженно вздыхаю и отхожу назад. Может, он вообще не дома. Может, он уехал на чужой машине. Вместе с ребятами. Или… девушкой?

При этой мысли мне стало нехорошо, хотя понимаю: теперь мы с Маком друг для друга чужие люди. Заставляя себя думать о чем-то другом, хожу по крыльцу туда-сюда и вдруг замечаю, что шторы на большом окне в гостиную закрыты не до конца. Прикрыв глаза от яркого света, заглядываю в окно.

Внутри был бардак. Я не то чтобы удивилась. Любые эмоции захлестывали Мака с головой, поэтому на такие занятия, как уборка, его не хватало; не раз наблюдала, как — еще до наших отношений — он переживал расставания, знала, что в минуты печали он пускает все на самотек.

На журнальном столике стояли банки из-под пива и открытая коробка пиццы. На краю стояла пустая тарелка, на белой керамике виднелись пятна, похоже, кетчуп.

Опустила взгляд под стол и заметила. Пальцы ног Мака. Из-за стола только пальцы и видно, во мне засело странное чувство. Что-то тут не так.

Я знала, что со стороны заднего дворика боковая дверь не закрывается. Как-то зашла, когда мы встречались; Мак тогда вернулся, а я стою в душе голая, все в пару. Оставив блокнот, побежала за дом. Оказавшись внутри, бросилась в гостиную. Если Мак напился и ничего с ним не случилось, то, увидев меня, будет в ярости. Но для меня это возможность, нельзя ее упускать. Честно говоря, всей душой надеялась.

— Мак! — задыхаясь, я упала на колени.

Он лежал на спине и смотрел в потолок широко раскрытыми глазами. Слишком уж раскрытыми. И не мигал. Не смогла в них заглянуть. Правый локоть был странно выгнут. У руки лежали упаковка таблеток и бутылка водки. Около виска натекла лужа крови. Кровь была и на углу журнального столика, похоже, упал и ударился.

Трясущимися руками взяла кисть и безрезультатно попыталась нащупать пульс. Кожа

ледяная.

Не сразу нашла в себе силы позвонить в полицию. Мак умер. И никто его не вернет. Это мои последние с ним минуты. Хоть он меня и не слышал, я сказала все то, что должна была сказать во время нашего последнего разговора. Я сказала, что он любовь всей моей жизни. Я рыдала. Я держала его за руку. Я просила у него прощения.

И только после этого набрала 911.

Глава 25

На первом этаже Даррен выкрикнул мое имя, его громкий голос эхом отозвался от сводчатых потолков. Во мне нарастало раздражение. Я так устала: мы с Маком весь день договаривались о концертах в городе. Где-то нам говорили «да», но чаще — «нет». К вечеру вымоталась. Сижу теперь на кровати, массирую уставшие ступни. На полу в ногах валяются туфли на высоченных шпильках. В следующий раз надену обувь без каблука. Хотя в глубине души понимаю: нет, каблуки все равно надену.

«На таких каблуках твои ноги выглядят еще сексуальнее», — шагая у меня за спиной в очередной клуб, сказал Мак.

Вспомнив, я улыбнулась и проорала Даррену:

— Что?!

— Спускайся.

Я простонала. Он что, не видит, в каком я состоянии? Все, чего я хочу, это сходить в душ и спокойно посидеть в тишине, а не бежать по приказу вниз непонятно зачем.

— Минуту, — крикнула я в ответ.

Размяв шею, тяжело вздохнула. Через силу встала и пошла к двери, волоча босые, ноющие ноги. Жутко хотелось переодеть юбку, но, похоже, это придется отложить.

Спустившись по лестнице, услышала, как тихонько играет легкий джаз. Завернув за угол, увидела в столовой всю семью. На столе стоят четыре тарелки, в центре зажженные свечи и упаковки с едой из моего любимого тайского ресторана. Почуяла нотки карри и кокоса.

Даррен улыбнулся:

— Понимаем, у тебя выдался непростой день, поэтому… — он указал на стол.

Друг напротив друга стояли дети, улыбались во все зубы.

Мне тут же стало стыдно за то, что на него разозлилась. Пошла к Даррену в объятия.

— Спасибо, — прошептала я, уткнувшись в плечо.

— На самом деле, это Хадсон предложил, — сказал он.

А как же иначе. Мой славный мальчик.

Повернулась к сыну. Присела и обхватила его руками. Он прильнул ко мне, почувствовала на шее потные ладошки.

Выпрямилась и на всех посмотрела:

— Мальчики, это так мило!

— Вообще-то я тоже помогала! — вклинилась Кендра.

Уверена, делала она это без особого желания. Превращаясь в подростка, она становилось угрюмой и закрытой.

— Спасибо, дочка, — не понимая, какое проявление любви она от меня ждет, я похлопала ее по плечу. Она не любила нежностей, особенно в последние месяцы.

Даррен отодвинул стул и усадил меня за стол — я расплылась в улыбке. Но в глубине души мне было стыдно из-за романа с Маком: я не только изменяла мужу, но и тратила то время, что могла бы проводить с семьей. Наложив себе еду, я осмотрела стол и дала себе слово, что отношениям с Маком положу конец. Что обязанности матери и жены буду исполнять лучше.

— Что происходит?

Услышав вдалеке за дверью голос, полный настороженности, я проснулась. Мне приснились дети, когда они еще были маленькими, и живой Даррен.

Своего слова я так тогда и не сдержала.

Попыталась сесть, но тело не слушается. Голова словно свинцом налита, веки безумно тяжелые,

прикладываю немало усилий, чтобы держать их открытыми. Комната размыта, будто смотрю на нее через стакан с водой.

— Маме нехорошо, — послышался ответ. — Но все под контролем. Не волнуйся.

Хоть говорят и далеко, я все равно узнала.

Кендра.

Хадсон.

— Что это значит? И почему она заперта?

— Это для ее же блага. Такое уже случалось. Не переживай сильно.

— А я переживаю! Кендра, она странно себя ведет, — сказал Хадсон. — Что ты сделала?

Внимательно слушаю, как же хорошо, что Хадсон это просто так не оставляет. Он узнает правду и точно вытащит меня отсюда.

Вспоминаю, какое в отражении у Кендры было странное выражение лица. Пытаясь тогда подняться, я вцепилась в край комода. Вначале я обрадовалась, думала, она поможет мне, но через секунду эта радость прошла. Она уставилась на меня с такой ненавистью, которую никогда не видела. Конечно же, она злилась на меня и не раз, но то было другое. Мои страдания, похоже, доставляли ей удовольствие. Казалось, она хочет насладиться моими судорогами.

В тот миг мне стало жутко.

Представить не могу, на что она еще способна.

— Хадсон, ты ничего не понимаешь, — ответила Кендра как всегда своим снисходительным тоном. — Понимаю, маме сейчас нехорошо, но она ведь болеет.

Нет, она лжет.

— Пока я был в доме, никаких приступов не замечал, — к моей радости уверенно заявил Хадсон.

— За последний месяц, может, и да. Но это тянется давно. Ты не знаешь, потому что тебя тут не было. Ты не видел, как развивается болезнь. Иногда кажется, что она здорова, мыслит здраво. Так продолжается несколько дней, недель, а потом случается приступ, как сегодня. Вот почему я уговаривала ее жить со мной, — чуть спокойнее говорит Кендра. — Ты волнуешься, я понимаю, с таким ты раньше не сталкивался, но не переживай. Я знаю, как за ней ухаживать. Тебе разве не надо на работу? Я с ней посижу. Иди. С мамой разберусь.

При мысли о том, как она со мной разберется, меня начинает бить дрожь.

— Я маму не брошу.

— Впервые в жизни, — съязвила Кендра.

— И сколько еще ты собираешься упрекать меня прошлым? — спросил Хадсон — вопрос справедливый. Думая о наших отношениях с Кендрой, я многие годы задавала себе такой же я вопрос. — Я же приехал.

— Я не о прошлом. Хоть ты и приехал, но постоянно где-то пропадаешь. Мама говорит, что ты почти каждый вечер уходишь.

В глубине души мне стыдно. Не стоило ей этого говорить. Упомянула о гулянках Хадсона мимоходом, когда Кендра в последний раз забирала Мейсона. Она спросила, каково это иметь такого помощника, как он, и в ее словах было столько желчи, будто Хадсон только и говорит о том, что обо мне заботится, а сам ничего не делает.

«Он не только мне помогает, — ответила я тогда, думая, что защищаю его. — Он еще ходит на работу и гуляет с друзьями».

Откуда мне было знать, что этим она будет его упрекать.

— Искренне удивлена, что ты тут, — продолжала Кендра. — Была уверена, что сегодня ты не дома.

— На это ты и рассчитывала, когда накачивала ее? — спросила Хадсон.

— О господи. Не драматизируй. Не то чтобы я

накачала ее.

— Видно же, что она под чем-то.

— Хадсон, она была не в себе. Я нашла ее в душе: сидела обхватив колени, вся мокрая, несла какую-то чушь, мне через силу удалось уложить ее в постель. Поэтому да, чтобы успокоить, я дала ей пару таблеток. Но это для ее же блага.

Мне хочется кричать. Там какое-то движение, похоже, кто-то шаркает. Снова раздается голос Кендры:

— Слушай, Хадсон, я понимаю, что все это непросто. Но доверься мне. Я медсестра. Знаю, что делаю. Будет лучше, если всем займусь я.

На несколько секунд наступает молчание. Потом на лестнице слышу звук шагов, идут двое.

Нет, прошу, не уходи.

Звук шагов становится все тише и тише, пока совсем не исчезает.

Не знаю, почему она съела бабочку,

Но думаю, она умрет…

Хезер меня боялась.

По крайней мере, в последнее время точно. Всю неделю она меня избегала. Я с тревогой думал, может, это и не страх вовсе. Может, она узнала, что я изменил ей. Но откуда? В конце концов я

заставил Хезер все объяснить. Она призналась, что боится не меня, а Кендру.

Хорошо, что про измену она не знает. Да, был на стороне один поцелуй. Признаю, совершил ошибку.

Сестру я на дух не переносил. Она постоянно меня подставляла.

Многие думали, что из нас двоих Кендра ответственнее. Умнее. Лучше. В школе она вела себя хорошо, была тише воды, ниже травы. По дому делала больше, чем надо, постоянно стыдила меня перед родителями. Словно напоминала им, кто тут лучший ребенок.

Но я-то знал, кто она на самом деле.

Знал о ней всю правду, видел ее темную сторону.

Но теперь не я один.

Когда Хезер зашла к нам в последний раз, мы с ней сели перекусить на кухне. Обсуждали наши планы, как вдруг, коварно улыбаясь, заявилась сестра. Я сразу понял, она что-то задумала. Не просто так пришла на кухню попить воды. В ее взгляде была та самая дьявольская искра. Так же она смотрела на меня, когда выливала мне на руки кипяток и кидала в голову вазу.

И вот Кендра на кухне, мы сидим на высоких

стульях, она стоит рядом с нами у столешницы. Бежать поздно. Дожевывая начос, я решил не обращать на нее внимания.

— Ребята, а что вы тут делаете? — ее голос был подозрительно приветливым.

— Едим чипсы, — ответила Хезер и пододвинула упаковку в сторону сестры. — Хочешь?

Знаю, рядом с Кендрой ей неприятно. Из года в год она твердит, что моя сестра ее недолюбливает. Но она все равно пытается произвести на нее впечатление. Хезер из тех, кто хочет нравиться всем.

Даже в ущерб себе.

Сморщившись, Кендра покачала головой, словно Хезер предложила ей упаковку коровьих лепешек. Меня это разозлило, надо было уходить с кухни. Мама ругается, когда мы сидим у меня в комнате, но сейчас она не дома.

— Нет, спасибо. Слежу за фигурой, — проведя по талии руками, ответила сестра писклявым голосом.

Стало не по себе.

Что она, черт возьми, задумала?

Рядом с нами на столе стояла стеклянная миска, Кендра взяла из нее яблоко. Она подбросила его вверх. Из подставки вытащила нож.

— Показать фокус? — спросила она, положив на стол яблоко.

— Конечно! — ответила Хезер.

В эту самую секунду я сказал:

— Не стоит.

Мои слова Кендра пропустила мимо ушей.

— Раздвинь пальцы, — сказала сестра, прижимая ладонь Хезер к столешнице и раздвигая ее пальцы.

Меня бросило в ужас — знаю, что сейчас будет.

— Не нужен ей твой фокус, — запротестовал я, когда было уже поздно.

Растопырив пальцы, Хезер сказала:

— Все нормально.

Но я знал, что нет.

Сестра воткнула нож между указательным и средним пальцем моей девушки. Потом между безымянным и мизинцем. Она ускорялась, втыкала нож все быстрее и быстрее — я затаил дыхание.

— Ай! — вдруг вскрикнула Хезер; сестра подняла нож.

Из большого пальца потекла кровь.

— Какого! — выпалил я, бросившись за тряпкой.

Глаза Хезер округлились, она прижала к себе

руку. Порезанный палец я замотал тряпкой. Сестра смотрела на нас завороженно.

— Ты чокнутая! — сказал я сестре.

— Нет! — она надула нижнюю губу как капризный ребенок.

— А что ты тогда творишь? — спросил я.

Порез, благо, не был глубоким. Я налепил лейкопластырь, будто ничего и не произошло. Откуда мне было знать, что через неделю судьба сыграет с Хезер злую шутку, и что на этот раз ей никто не поможет?

Глава 26

Меня разбудил легкий скрежет металла.

Сердце бешено заколотилось. *Из петли вытащили крючок.*

Через секунду распахнулась дверь, в комнату влетел Хадсон. У него бешеный взгляд; бежит к кровати, постоянно оглядываясь. Ледяными пальцами хватает мою руку.

— Мама, — трясет меня.

Видимо, лежу тут уже не первый час, и впервые за все время могу приподнять руку. Сжимаю его кисть — тело теперь меня слушается. Челюсть двигается, губами шевелить могу. Они покалывают, как рука, которую отлежал.

— Хадсон, — наконец-то произношу я, тихо и хрипло, но зато меня слышно. — Не верь Кендре. У меня… меня… нет Альцгеймера.

— Знаю. — Продолжая держать меня за руку, он медленно опускается у кровати на колени. Сидя совсем рядом, он на секунду посмотрел на дверь и прошептал: — Думаю, она отравила тебя. Полицию я вызвал. Едут. Нужно немного подождать.

— Что тут происходит? — в спальню ворвалась

Кендра и тут же впилась взглядом в Хадсона.

— Мама не больна. — Хадсон выпустил мою руку и встал между мной и Кендрой. Мой защитник!

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — ответила она.

— Имею. Я видел результаты анализов у мамы в ноуте.

— Хадсон, да ты читаешь-то по слогам, — язвительно сказала Кендра, — какие там анализы. Иди-ка ты погуляй.

Улыбнувшись, она пошла к другой стороне кровати. Я вжалась в подушки ближе к сыну.

— Кендра, это все неправда, — С трудом сглотнула: горло пересохло и болело. — И ты обо всем знаешь. Я говорила тебе.

Голос мой набирал силу, а вот в теле все еще чувствовалась жуткая слабость. Сейчас я точно никуда не пойду. Боже, да я даже из кровати не выберусь.

— Да, говорила, — мило она ответила, натянув снисходительную улыбку. — Я видела твои анализы. Ты их мне отправляла, помнишь? — Мало, что помню, но хочется верить: с моей памятью все в порядке, а вот она-то пытается нас надурить. — Ты сдавала какие-то странные анализы.

Деменция выявляется совсем иначе.

Раньше я бы поверила ей.

До того, как она решила меня отравить.

— Мам, только взгляни на себя. Видно же, что ты не здорова, — продолжала говорить Кендра, накрыв мои руки своими. Холодными и потными.

— Это все ты подстроила, — сказала я, пытаясь убрать руки.

Но она не шелохнулась, до боли крепко меня сжимала; подозрительно на меня взглянула:

— Да я спасла тебя! Скажи спасибо, что я вовремя пришла. Ты несла бред, едва на ногах стояла. Я уложила тебя в кровать.

— Но… чай. — Через боль повернулась к комоду, на котором оставила кружку, но ее там не было.

Кендра следит за моим взглядом:

— Какой такой чай?

— Чай, что я пила. — Начало стрелять между глазами, мысли поплыли.

— Никакой кружки не было, мам, — уверяла меня Кендра.

— Но, я точно… — моргаю. — Точнее, мне кажется… — А пила ли я чай? Меня накрывает волна паники, на секунду сомневаюсь, а вдруг Кендра права; но потом вспоминаю в зеркале лицо, кото-

рое я увидела, прежде чем упасть в обморок.

— Кендра, заканчивай этот цирк, — вмешался Хадсон. — Все уже всё поняли.

— Ты ничего не понимаешь, — в ее лице появилась жесткость. — Мам, он пытается тебя настроить против меня.

— Кендра, взгляни на нее, — Хадсон со злостью ткнул в мою сторону, — с ней такого никогда не было.

— Я просто дала ей успокоительное, — с раздражением выпалила она.

Трясущейся рукой трогаю свои волосы. Сзади они мокрые. Душ. Да, я была в душе. Точно помню, что перед душем пила чай.

Посмотрела в угол на сдувшийся мячик. Кендра знает о моих видениях. Знает о Грейс. Я все-таки рассказала ей, что уже многие годы слышу, как кто-то стучит, и что мне кажется, это Грейс играет в мячик. Вдруг это она мне внушила?

Тео говорил, что по ночам Мейсон не спит. Он рассказывал, как Кендра катает его на машине прямо посреди ночи. Им до меня ехать минут десять. Пока на заднем сиденье дремлет малыш Мейсон, она запросто могла оставить машину у дома. Но точно ли она это делала?

И если да, то зачем?

Странное совпадение: она накачала меня именно в тот день, когда я рассказала ей о результатах анализов. Зачем убеждать меня в том, что болею Альцгеймером? В этом нет никакого смысла. Она пыталась мне помогать, уговаривала сходить к доктору, приносила витамины и пробиотики.

О боже. Витамины.

— Все это время ты пичкала меня таблетками, — громко сказала я.

Глаза Кендры полезли на лоб, она резко повернулась к Хадсону.

— Видишь, я же говорила. Бред несет.

Но это не бред. Она прошла курсы правильного питания и с тех пор почти как год приносит мне витамины. Порой она меняла марки. «На этой неделе они были со скидкой». А месяц-два назад пришла с новыми: «Врачи говорят, что эти лучше. Помощнее». Через пару дней я как раз подумала: вовремя мне она их принесла, а то память все хуже и хуже.

Потом, помню, приехал Хадсон и на несколько дней о витаминах я забыла. И в эти дни у меня была светлая голова, чувствовала себя лучше. Вечер в «Таверне», когда я переборщила с сангрией, не в счет.

— Это ты, ты! — прохрипела я.

Кендра взглянула на меня, снисходительно улыбаясь, и погладила по макушке, словно пятилетнего ребенка:

— Да, мам, все это время о тебе заботилась я, — выкрутилась она.

Только я хотела ответить, как глаза ее округлились. Она потянулась к золотым часам, что лежали на прикроватной тумбочке.

— Что тут делают часы Тео?

Глава 27

— Тео? — спросила я. — Ты уверена?

Кендра их перевернула.

— Да. Вот гравировка. Я купила их на нашу первую годовщину.

— Что значит эта гравировка? — Мне нужен был ответ.

— Когда мы познакомились, Тео сказал, что, встретив меня, он выиграл джекпот. Он упомянул об этом в свадебной клятве, но ты, наверное, уже не помнишь.

Джекпот. Никаких тебе ангелов, никакой нумерологии.

Удача. Цифра семь приносит удачу.

Она швырнула их обратно; стукнувшись о тумбочку, часы чуть за нее не завалились.

— Ты не ответила. Что они тут делают?

— Я нашла их у Молли, — сказала я.

Кендра побледнела, брови Хадсона подскочили.

— Какого черта ты там делала? — поинтересовалась Кендра.

— Думаю, сейчас важнее обсудить, почему часы

Тео оказались у Молли? — спросила я.

В лице ее появилась жесткость; поджав губы, посмотрела на меня пронизывающим взглядом. Такое же выражение лица у нее было, когда у дома Тео представил нам Молли.

— Наверно, потому что он с ней трахался? — огрызнулась она.

Тео.

И Молли.

Я должна была догадаться; ну конечно, одна измена приводит к другой. Но я и представить себе этого не могла. Решила, что Кендра просто-напросто ревнует. В последнее время она совсем перестала в себя верить. После рождения ребенка она стала особенно волнительной, думала, в этом все дело. Никогда бы не поверила, что Тео дал ей повод для ревности.

— О боже. Я понял, — Хадсон покачал головой. — Тео. Ей нравился он. Должно быть, поэтому она отшила меня.

— Отшила? Когда? — спросила я.

— В тот вечер, в «Мидтауне» я пригласил ее на свидание. Она сказала, что у нее другие планы. Теперь я понял, что это за планы. — Он посмотрел на Кендру. — Она была в отношениях. С твоим мужем, — не скрывая удовольствие, он заиграл

бровями.

— Иди ты в жопу, — буркнула Кендра.

— Я говорил, у Тео слабые руки, вряд ли он задушит человека — может, я ошибался? Может, это он убил Молли, — не останавливался Хадсон.

Бог ты мой, неужели это правда? Медленно поворачиваю голову к Кендре. Тело все так же — слушается меня с трудом.

Она впилась в него взглядом.

— Нет, — сказала как отрезала. — Тео никогда бы ее не тронул. Из-за этой шлюхи он нас с Мейсоном хотел бросить, — в ее голосе слышатся нотки отвращения. — Чем жить со мной, ему лучше быть со свиньей, которая непонятно как питается, пьет не просыхая, носит дешманское белье и трахается с женатыми мужиками. Представляете? — Она посмотрела на меня. — Но тебе-то это знакомо.

Она поняла. Ей все известно.

Я всегда боялась, что она догадается. Что они оба узнают о романе. Слухи тогда разносились со скоростью света. Фанаты пытались найти связь между распадом группы и смертью Мака: почему так вышло; и могу предположить, что Кендра и Хадсон узнали обо всем в Интернете, а может, даже и в школе от какого-нибудь хулигана. Но

ни один об этом не сказал, и я успокаивала себя мыслью, что они ни о чем не догадываются.

— Понимаешь ли, я как-то вас застукала, — уставилась на меня Кендра. — Нас тогда на концерт привел папа.

Провела языком по засохшим губам, как бы мне хотелось спрятаться под одеялом.

— Мне хотелось увидеться с тобой до концерта, пожелать удачи. Обычно папа меня не пускал, но на этот раз разрешил. Думаю, потому что стояли мы у сцены. Не надо было далеко идти. — Она замолчала; похоже, даже Хадсону было не по себе: поджал губы, часто моргал. — Мне было тринадцать, помню, какой взрослой я себя чувствовала, когда шла одна мимо бара в гримерку. Остановилась у двери с твоим именем — гордость меня переполняла: моя мама — рок-звезда.

О нет.

— Я не хотела тебя тревожить, — продолжала она. — Приоткрыла дверь, собиралась заглянуть и сказать «привет». Не хотела к тебе врываться. Но дверь со скрипом открылась… и я увидела вас с Маком.

Лицо у меня вспыхнуло. Хадсон нахмурился.

— Кендра, мне так жаль, — я не придумала, что еще сказать.

— Тебе и вправду жаль, мам? — Она начала ходить по комнате: когда нервничает, всегда так делает.

Хадсон внимательно за ней следит, будто что-то задумывает. Поймав его взгляд, я качаю головой. Кендра мучается, и это видно. Единственный способ помочь — ее успокоить.

— Да, — честно отвечаю я.

— Врешь, — она горько смеется. — Тебе всегда было плевать на отца.

— Это не так, — сказала я.

— Да, плевать, — ее было не переубедить.

— Кендра, прекрати, — начал было Хадсон, но она перебила его.

— Да он же боготворил ее, но мать на него и не смотрела. Обращалась с ним, как с собакой, — она была безумно зла, почти кричала. — Ему было одиноко и плохо, вот и напивался до чертиков.

Она была не права, я знаю. Даррен начал пить не потому, что я изменяла с Маком. Пока Мак был жив, он ничего не знал. Он и раньше подозревал, но я все отрицала. После смерти я была в такой печали, что Даррен все понял. Ребята из группы стали меня избегать, для них наш роман не был секретом, тогда-то его подозрения и подтвердились.

Но пить он начал задолго до этого.

По щеке у Кендры потекла слеза, она со злостью смахнула ее.

— Я пыталась быть с ним рядом. Но ему нужна была ты. — «Ты» прозвучало как какое-то ругательство.

Перед глазами появилось воспоминание: Кендра еще ребенок, постоянно ходит за отцом следом.

«Моя маленькая тень», — напевая себе под нос, шутил он и щипал ее за кончик носа. Хихикая, она потирала нос и сворачивалась калачиком у него на руках.

Чуть постарше свои проблемы она обсуждала с отцом. Именно ему она звонила, когда что-то случалось. Может, поэтому для меня так важно, что Хадсон доверял мне? Я нужна хотя бы одному ребенку, а значит, не все потеряно.

— Терпеть не могла, как ты с ним обращалась, — тихо произнесла она; плечи опустились, будто сняла с них весь груз ненависти.

— И поэтому ты решила отомстить мне? Только из-за отца?

Накачивать таблетками, ставить под сомнение мое здравомыслие — хорошо продуманный план, но ведь после смерти Даррена прошло столько

лет!

— Ты так и не поняла. Да и не поймешь, — усмехнулась она.

— Я пытаюсь, — обреченно ответила я.

Ее улыбка перешла в какую-то гримасу:

— Ты никогда не пыталась понять меня. В нашей семье тебя волновал только Хадсон. Когда память стала подводить, ты обратилась именно к нему. Не ко мне, хотя я медсестра и с таким сталкивалась. Я ответственнее. Я знаю, как помочь. Нет, ты позвонила ему.

И поэтому она так поступила? Хотела, чтобы из двух детей я выбрала ее. Чтобы я в ней нуждалась. Добивалась ли она только этого или чего-то еще?

Громко втянув воздух, она закачала головой:

— Господи, да тебе плевать на его выходки. Даже когда умерла Хезер, ты встала на его сторону. Продолжаешь его защищать и по сей день.

— Все, не могу это слушать, с меня хватит, — простонал Хадсон. — Я всю жизнь покрывал тебя, но с меня довольно. В полиции там что, уснули, что ли? — Он схватил меня за плечо. Бросает злобные взгляды на сестру.

Кендра нахмурилась:

— Полиция? Но я же ничего не сделала.

— Считай меня ненормальным, но, как по мне,

после убийства двух женщин и отравления собственной матери нельзя сказать, что ты ничего не сделала.

По ее лицу что-то пробежало, думаю, страх.

— Но я никого не убивала.

— Кендра, мы не настолько тупые, заканчивай свое представление, — сказал Хадсон.

Она подняла голову и трясущимися губами произнесла:

— Повод убивать Лесли был у тебя, не меня.

Вспоминаю слова Тессы. О том, что полиция выяснила, что Молли с кем-то встречалась. Знали ли в полиции о Тео? Подозревали ли Кендру? А Лесли?

Знала ли Лесли?

Сережка. Та, что нашла на ковре у Лесли.

На Рождество Даррен подарил нам с Кендрой одинаковые сережки. Под мой стиль они не подходили, а вот для Кендры — очень даже. К тому же, это был подарок отца, она носила их не снимая. Постоянно в них была, но потом родился Мейсон, и, чтобы не порвать уши, сережки она сняла — маленькие ручки постоянно тянулись и их хватали. Но на ужине, когда Хадсон только приехал, она была в них.

Значит, у Лесли я нашла не свою сережку.

А Кендры.

На протяжении нескольких месяцев Кендра тайно проникала в мой дом. Она с легкостью могла взять ключ от дома Лесли у меня в выдвижном ящике.

Вдруг, оказавшись внутри, она так же, как и мне, что-то подсыпала Лесли в чай?

— Лесли знала об изменах Тео, — прохрипела я.

Вот какое имя не хотели называть Тесса и Бет.

— Эта тетка фиксировала каждый шаг на своей чертовой улице, — сказала она. — Она была такой мерзкой.

— И полиция тоже знала. Они нашли отпечатки. Их Тео оставил? Или ты? — медленно произнесла я, собирая все факты воедино.

— Господи боже, мама, заткнись! — закрыв лицо руками, закричала Кендра. — Думаешь, такая умная, да? Ничего мне не сказав, взяла и позвонила доктору Штайнеру. Узнала о романе Тео. Но ты не все знаешь, поняла? Так что замолчи.

— Так вот почему ты это сделала, — вмешался Хадсон. — Мама получила результаты анализов, и вскоре она бы поняла, что ты пичкала ее таблетками — это был лишь вопрос времени. Ты попыталась заткнуть ей рот, как заткнула

рот Лесли.

— Да я и не думала, — рявкнула она. — Это все ты! Ты заявился сюда и все взбаламутил. У меня все было под контролем. Это твоих рук дело!

Она бросилась к двери, Хадсон за ней, пытаясь остановить. Они рухнули в коридоре на пол, на секунду она оказалась сверху, вцепилась пальцами ему в горло — как много лет назад, только теперь он жертва. Он сбросил ее, схватил за руку и, борясь, перевернул; сначала она смеялась, но потом смех сменился всхлипами. Поймала себя на том, что тоже плачу.

Послышался вой сирен, он становился все громче и громче.

Глава 28

В ту ночь, когда умерла Хезер, меня допросила полиция.

Я сделала все, как и пообещала сыну. Чуть отъехав, ждала, когда приедет полиция и Хадсон позвонит мне. Я снова приехала и увидела, что Хадсон говорит с полицейским. Было холодно. Темно. Он стучал зубами, лицо бледное.

В ужасе забыла, что и Кендра тут. Я подошла к Хадсону и предложила побыть с ним. Тогда-то и заметила, как на другом конце поля она разговаривает с другим полицейским. Наши взгляды пересеклись, Кендра удивленно подняла бровь. Вспоминая все это, думаю: может, ей нужна была помощь? Тогда я этого не поняла. Кендра умеет держать себя в руках. Во мне она никогда особо не нуждалась. Так почему вдруг должно было иначе?

Если кто во мне и нуждался, так это Хадсон. Умерла его девушка. Я приехала и сразу поняла, что полиция его подозревает. Выглядел он напуганным и уставшим, словно ощутил всю тяжесть мира.

Я переживала, что в этой ситуации виноватым сделают Хадсона. Уж я-то знаю, как это бывает.

Не прошло и восемь месяцев, как умер Мак. Хадсону нужно было найти тело Хезер с кем-то. Я обнаружила Мака одна, и это был конец всему.

Новость о нашем романе тут же разлетелась, уверена, проговорились ребята из группы. Все упрекали меня в том, что Мак пошел на самоубийство: как фанаты «Полета сердец», так и друзья Мака и семья. Я обманула и разбила ему сердце. И что я забыла у него в доме, одетая в майку с глубоким вырезом? Пришла выбить себе место в группе, пока он, умерев во имя любви, лежал мертвый по другую сторону двери?

Поэтому выступать я перестала. Никто не хотел слушать мое пение, никто не хотел слышать мою версию событий. На мне уже поставили клеймо.

Ирония в том, что расставаясь с Маком, я надеялась восстановить брак, а в итоге его разрушила. Конечно же, мы с Дарреном не развелись, но любовь умерла навсегда. Да, мы остались вместе. Но только ради детей. И еще Даррен был болен. В наших отношениях все поменялось. Мы так и не оправились от ужаса, которому я виной.

Вот почему в ту ночь, когда умерла Хезер, я не рассказала правды. Не хотела, чтобы он проходил

через все то, с чем столкнулась я спустя несколько месяцев после смерти Мака. Страх, что все тебя считают виновным. Бесконечные допросы. Перешептывание за спиной и косые взгляды.

Полиции я рассказала все то, что мы заранее придумали. Мол, Хадсон спросил у подруги Хезер, где его девушка, но та ответила, что больше часа ее никто не встречал и что в последний раз ее видели у обрыва; тогда он позвонил мне. Рассказал, что был с друзьями и вдруг услышал крик: это одна из девчонок взяла фонарик и посмотрела с обрыва вниз. Увидела там труп Хезер. А сам он Хезер не видел уже несколько часов и не знал, из-за чего кричат. Пока ребята ему не рассказали о трагедии.

Насколько мне известно, у Хадсона и Хезер в отношениях все было хорошо. Никаких проблем. Они были без ума друг от друга.

Полиция нам поверила. Я решила, что мы легко отделались.

Кто бы подумал, что Хадсона все-таки будут судить, как судили меня. Только меня — по закону, а его — общественным мнением. Обвинителем оказалась моя лучшая подруга Лесли. Она же вынесла вердикт. Не знаю, откуда она взяла, что во всем виноват Хадсон. С чего она вообще решила

его подозревать? Но Хезер была единственным ребенком Лесли. Их брак с Джеймсом не назовешь счастливым. Для нее Хезер — весь смысл жизни. Понимаю, Лесли было плохо. Кто бы подумал, что она обвинит Хадсона.

Кто бы подумал, что она возненавидит нашу семью.

Вот о чем я думаю, сидя на краю кушетки и отвечая на долетающие до меня вопросы, которые задавал усатый и пузатый полицейский Анжело.

Мне промыли желудок. Сейчас чувствую себя получше.

— Миссис? — позвал он меня.

Я моргаю. Как долго молчу?

— Да?

— Вы сказали, что сделали себе чай и вышли во двор. Думаете, вам тогда подсыпали снотворное?

Я с легкостью могу оправдать Кендру. Разъяснить все, что произошло. Нужно всего лишь чуточку соврать.

«Вообще-то, я не могла уснуть, поэтому выпила снотворное. Чуть раньше тоже его принимала, только вот забыла. В последнее время я такая забывчивая!»

В моих силах спасти Кендру так же, как когда-то спасла Хадсона.

Ты всегда выбирала его.

Вдруг она права? Вдруг из них двоих предпочтение я отдавала Хадсону? Но я даже никогда об этом не думала. Они такие разные. Кендра организованная. Ответственная. Во всяком случае она сделала так, что я сама в это поверила.

А ведь это возможность доказать, как сильно она во мне ошибалась. Стать той матерью, о которой она мечтала? Вспоминаю выражение ее лица, ту ненависть, с которой она говорила о боли, что я причинила Даррену. Но ее можно понять. Я причинила боль ее отцу. И за это я понесла наказание.

Вдруг это мой шанс искупить все грехи?

— Мам? — Подошел Хадсон и положил мне на плечо руку — тут же вернулась к реальности. — Она чуть не убила тебя. Ты должна все рассказать.

Вспомнив, как не могла говорить и еле двигалась, я кивнула. При мысли о том, что крючок и петлю снова повесили на дверь, у меня потянуло в животе.

Дочь, конечно, видела меня не с лучшей стороны. Много лет она бросала в мой адрес упреки, что не занималась их воспитанием, что на первое место ставила карьеру. Всегда оправдываясь, я

больше думала о том, как бы сохранить лицо, чем понести ответственность. Пришло время думать не только о себе, но и о Кендре. Сделать правильный выбор. Протянуть руку помощи, в которой она нуждается. И отправить туда, где она больше никому не навредит.

То, что пережил Хадсон, и в сравнение не идет. Дать показания — не значит из двух детей выбирать кого-то одного. Это значит выбирать между правдой и ложью. Случайностью и намеренностью.

Кивнув Хадсону, я повернулась к полицейскому и рассказала ему все как было.

Глава 29

Мы вернулись домой за полночь, если быть точнее, то ранним утром. Не знаю, уставала ли я так когда-нибудь. Хотя дело не в том, что не спала сутки. Я вымоталась внутренне. Выгорела эмоционально.

— До сих пор не могу поверить, что Кендра на такое способна. Совсем на нее не похоже. Неужели все это время я не знала ее? — спросила я, пока Хадсон укладывал меня в кровать: он, как я когда-то его в детстве, накрыл меня одеялом. Пора признать, что мы поменялись местами.

Хадсон поджал губы и сморщил лицо: с жалостью на меня смотрит.

— Боже, — застонала я, — и тебе досталось.

— Да, я знал, что вытворить она может что угодно, — с грустью сказал он. В его взгляде не только грусть. Может, страх? На меня он уже так смотрел. Вот только когда?

Сердце забилось сильнее.

Вспомнила вечер, когда мы отмечали наш первый альбом.

Мы что, остаемся с Кендрой вдвоем?

Меня бросило в дрожь. Страшно подумать, что он ответит, но спросить надо.

— В тот вечер, когда отмечали выход первого альбома, в дом вломились грабители. Расскажи, что произошло?

Он изменился в лице, глаза потухли, как костер под проливным дождем.

— Мне кажется, взлома и не было.

У меня по спине прошелся ужас:

— Господи…

— Ну, могу и ошибаться. Ко мне в комнату влетела Кендра, сказала, что в доме кто-то есть. Мы закрыли дверь и спрятались в комнате. Мне казалось, что слышу звуки: скрип половиц, перешептывание… Может, только казалось. Сердце стучало как сумасшедшее. Кендра взяла биту и сказала, что пойдет на разведку, позвонит в полицию. Я умолял ее не выходить, не оставлять меня одного. Она закрыла меня в гардеробной, — его передернуло, — сказала, что там меня никто не достанет. Потом, помню, я услышал резкий удар. Мужские голоса, приглушенные. Кендра кричала, и это было ужасно, но последовавшая затем тишина была еще невыносимее. Рядом с гардеробом раздались громкие, тяжелые шаги. Думал, меня нашли, — Хадсон тяжело сглотнул. — Она

выпустила меня незадолго до приезда полиции, сказала, что пряталась в подвале. Но потом у нее в комнате я увидел папины ботинки, похоже, это она топала. Спустя годы мы с Браунингом смотрели фильм про ограбление, и готов поклясться, такой же диалог доносился с первого этажа. Я вспомнил тот вечер, меня чуть паническая атака не накрыла. Когда я об этом думаю… Наверное, из всего услышанного, настоящим был только звук ее шагов. Подобное всегда происходило, когда мы оставались одни.

Я склонила голову от недоумения, растерянности. Да, в тот вечер я единственный раз поняла, что происходит что-то неладное.

— Подожди, как это всегда?

— Она всегда что-то вытворяла. Прятала мои вещи, тетрадки с домашней работой, воровала карманные деньги, которые ты давала на еду. Вырывала страницы из моих библиотечных книг. Она всегда это делала тайком, но пару раз я видел, как она плюет мне в стакан. Поэтому я сам вызывался накрывать на стол. Как-то вечером нам пришлось готовить ужин… — он взглянул на меня, понимаю, отец был пьян, а меня не было дома, он злился на нас. Ощущая страх, я кивнула. Пусть продолжает. — Как она и сказала, я поста-

вил дуршлаг в раковину, и она вылила кипяток прямо мне на руку.

Помню тот ожог, как от боли он стонал во сне. Даррен сказал, что это была чистая случайность и оставил все как есть. Но он же ничего не знал.

— И головы у кукол отрезала она. Но обвинила меня, ты так разозлилась… Зная, как ты на меня сердишься, я не мог спать. Вот почему я приклеивал головы обратно. — Рассматривая линии на ладонях, Хадсон какое-то время молчал. — Она запирала меня в гардеробе и раньше, просто так. Ее оставляли посидеть со мной, ну, когда был совсем маленький. И она закрывала меня не на час и не на два. Я кричал, скребся, но ничего не помогало. Она оставляла меня там на весь вечер, пока вас с папой не было.

При мысли о следах в гардеробной я вздрогнула. Это Хадсон сделал? Мне нехорошо. Приподнявшись, глажу его по руке. Будь я чаще дома и общайся с детьми, знала бы, поняла, обратила внимание. Конечно же, его руки были разбиты, в крови. Постоянно такие были. У мальчишек ведь так, лазают где-то. Руки его я видела, но решила, наверное, что он просто хулиганистый ребенок. Я бы ни за что не догадалась, что происходит на самом деле. Так ведь?

— Жаль, что ты не сказал мне раньше.

— Я не мог, — он затряс головой. — Когда она запирала меня, я грозился все тебе рассказать. Но она пригрозила: «Ни слова маме». А то будет еще хуже. — Наши взгляды пересеклись. — Я испугался и поверил ей.

Я не виню его. Выглядываю из комнаты и вижу в дверном проеме отблеск металла: крючок и петлю.

— Однажды я рассказал папе. Не все, лишь то, что Кендра надо мной издевается. Но он не воспринял это всерьез. Сказал, что иногда старшие братья и сестры ведут себя так. Что мне надо наладить с сестрой отношения. И, похоже, он с ней поговорил. А через неделю умер Чомперс.

Боже мой!

Чомперс.

И об этом разговоре я ничего не знала. Воспоминания отбросили меня в прошлое. Хомяк. Куклы без головы. После всего того, что мне рассказал Хадсон, теперь понятно, почему он душил Кендру. Если бы надо мной из года в год издевались, я бы тоже захотела ее придушить.

Вспоминаю, как недавно нашла его ночью свернувшимся на диване. Ему не хотелось оставаться у себя в комнате? Может, его мучили воспоми-

нания?

— Отец не воспринял это всерьез, какой ужас! — ответила я, неожиданно разозлившись на Даррена, хотя меня тоже много в чем можно упрекнуть. Ведь я, пожалуй, бы отреагировала так же. Все знают, что Даррен был намного заботливее меня.

Он молча кивает.

— Он хотел как лучше, я знаю. Просто не понимал, как все далеко зашло, — начала я оправдывать мужа.

— Никто не понимал, — ответил Хадсон. — Порой и я думал о ней лучше, чем она есть. — Тяжело сглотнув, он опустил глаза в пол. Взгляд его грустный. — Будь я внимательнее, Хезер не умерла бы.

— Что? — Я села ровно, в груди екнуло.

Ковыряя дырку в джинсах, он вздохнул:

— Как-то днем к нам зашла Хезер. Мы сделали домашку. Когда она ушла, я нашел на постели аккуратно сложенную записку, на том месте как раз лежал ее рюкзак. Мне стало безумно любопытно, и я прочел ее. Это была переписка между Хезер и каким-то парнем, состояла из одних непристойностей. Даже со мной она не позволяла себе такого. Меня это так взбесило.

Смотря на свои руки, он сделал глубокий вдох.

— Надо было поговорить с ней, но нет, я решил отомстить. Та телка из школы, Бри, она сохла по мне, и я изменил Хезер. — На секунду он замолк. — Но где-то за неделю до тусовки я зашел в комнату к Кендре, искал свою любимую кепку. Видимо, чтобы побесить меня, она постоянно ее прятала. В общем, в тот день кепку я не нашел. Но я нашел записку, похожую забыла у меня Хезер. — Он прищурился. — Но это была другая записка. Чуть отличалась. Будто кто-то пытался подделать почерк Хезер. И почерк парня. Тогда-то я и понял, что Кендра все подстроила.

Вспоминаю запись из дневника Лесли: как рано утром она увидела, как на машине Хезер пеной для бритья кто-то написал «ШЛЮХА». Если той ночью Хадсон был у Джареда, значит, взять пену для бритья у брата и расписать машину могла Кендра. Она пыталась разрушить отношения Хадсона и Хезер.

— Ты с ней разобрался?

— Ага. Даже взял в качестве доказательства записку, но вышло все как всегда. Ее взбесило, что я без спроса вошел к ней в комнату. И она пообещала отомстить.

Шалтай-Болтай сидел на стене,

Шалтай-Болтай свалился во сне…

В ту ночь, когда умерла Хезер, я совершил так много ошибок!

Для начала я не сказал ей, что на тусовке будет и моя сестра.

Хотя, по правде сказать, узнал я за пару часов до выхода. Но рассказать Хезер я не решился. Мне и так с трудом удалось уговорить ее пойти. Она была какая-то странная. Сторонилась меня. Я понимал: дело не только в страхе перед Кендрой.

Мне начало казаться, что про поцелуй с Бри ей все известно. И я переживал, что мы расстанемся.

Я влюблен с Хезер с десяти лет. Тогда я был для нее лучшим другом. Соседский мальчишка, с которым можно полазать по деревьям и покататься на велосипедах. Решился на этот шаг я только в старшей школе.

— Ты нравишься мне, — робко признался я однажды вечером. Мы тогда сидели рядом, смотрели телевизор. Свет был выключен. Только поэтому я и набрался смелости. В темноте не увижу, как она сморщится.

— Ну наконец-то! — только и сказала она.

— Что? — я повернулся к ней: от экрана телевизора на лицо ей падал голубоватый свет.

Казалось, будто оно покрыто коркой льда.

Она хихикнула и мне подмигнула. На душе стало весело. Нервное веселье, истерическое. Но все равно приятное.

— Я уже догадалась.

У меня на щеках выступил румянец, во рту пересохло.

— Так ты знаешь?

Кивнув, она придвинулась ко мне ближе и накрыла мою руку своей нежной ладонью.

— Не волнуйся. Ты тоже мне нравишься.

С той самой секунды мы не расставались.

Везде и всегда были вместе. Два сапога пара.

Так про нас говорили родители.

Тусовка проходила в поле за городом. Большое открытое пространство. Собраться своей группой, спрятаться от неприятных тебе типов можно только за деревьями и кустами. Я заехал на холм и припарковался. Дул сильный ветер. Под ногами кое-где чавкала грязь.

Наделся, что с Кендрой мы не пересечемся. У сестры своя компашка, да и в общем она меня недолюбливала. Но только мы пришли, Кендра вдруг улыбнулась, помахала рукой и позвала нас по имени, будто мы друзья не разлей вода.

— Твоя сестра тут? — Хезер прижалась ко мне,

ее рука слегка задела мою.

Я понял: деваться некуда.

— Не знал, что она тут будет, — соврал я. Приглядевшись, я улыбнулся. — Но она тут со своими друзьями. Так что просто не обращай внимания.

С банкой пива в руках Кендра сидела в кругу друзей. Так странно, я даже и не знал, что сестра пьет. Она сидела с каким-то парнем — никогда его не видел — может, пыталась на него произвести впечатление.

Махнул Кендре и быстрым шагом пошел в другую сторону. Но прежде заметил ее злобный взгляд.

Мы с Хезер пошли искать друзей. Нашли их у костра; в воздухе застыл дым, летали кусочки пепла. Браунинг заржал и подскочил ко мне, ткнул по-братски в плечо. Следующие несколько часов пиво лилось рекой, мы с Хезер целовались, и я веселился с ребятами. В какой-то момент Хезер ушла с подружками. Я ее не видел, да меня это и не волновало.

Выпив несколько банок пива, я пригрелся у костра: ноги стали ватными, голова шла кругом, вены пульсировали. К тому же мы были на тусовке с друзьями. Что такого могло случиться?

Глава 30

— Потом я понял, что давно не видел Хезер, и пошел искать ее, — он нахмурился. — И нашел, где — ты знаешь.

Я сжала его руку. Боже, неужели Кендра виновата и в смерти Хезер?

— Она была уже мертва?

Хадсон снова опустил взгляд на руки. На коленях сплетает и расплетает пальцы.

— Нет, еще была жива. Стояла у дерева рядом с обрывом, плакала. Я спросил, в чем дело, она ответила, что искала, где пописать, но ее нашла Кендра и спросила, почему она не со мной. Хезер сказала, что я остался с друзьями, и, видимо, Кендра сказала что-то в духе: «Ой, а я подумала, он снова целуется с Бри». — Он сжал руки в кулаки, на лице заиграли скулы. — Кендра всю эту кашу заварила и потом решила настроить против меня Хезер. Я был так зол, что на какое-то время вышел из себя.

Моя грудь вздымалась, с волнением ждала объяснения — что значит «вышел из себя»? Кончиками пальцев провела по шее, задела ворот

кофты.

Он тяжело сглотнул и наконец-то продолжил:

— Я начал поносить Кендру, но Хезер меня заткнула. Сказала, что я не имею никакого права злиться на сестру. Представляешь? Почему это я не имею никакого права? — Краснота выступила у него на щеках, потом на шее. — Сказала, что у Кендры хотя бы хватило достоинства сообщить мне правду. Я ответил, что Кендра только и добивается нашей ссоры. А потом она сказала что-то типа: «Так что, это неправда?» Врать мне совсем не хотелось, но надо было это сделать. Понимаешь, Хезер слишком хорошо меня знала. Я кивнул. Рассказал ей о записке, что подделала Кендра, но она такая: «Почему ты не поговорил со мной?» Что ответить, я не знал. Она была в ярости, пыталась уйти, но я схватил ее за руку. Умолял продолжить разговор. Но… — он закусил губу, глаза заслезились. — Она вырвала руку и сделала шаг назад. А потом она… она потеряла равновесие. Стояла прямо у обрыва, начала падать. Я пытался поймать ее, но все так быстро произошло.

Его голос трясся, глаза наполнились слезами. Слушаю его в полном ужасе, как и в ту самую ночь. Как жутко и трагически оборвалась жизнь

этой милой девочки, хотя все у нее было впереди. Уже не первый год мое сердце разрывается на части. Из-за Хезер. Из-за Хадсона. Из-за того, как глупо все произошло.

— Мам, я хотел все исправить. Не я ее толкнул. Ты же знаешь, как я любил ее. Если бы она не разозлилась. Если бы успокоилась и слушала меня, то была бы сейчас жива.

— Знаю. — Глажу его по спине.

Всхлипывает, дает волю слезам. Сижу рядом, плачу вместе с ним, плачу за него.

— Мне так жаль, — вдруг произнес он, словно стыдясь своих чувств. Шмыгнув носом, вытер лицо рукой. Покрасневшая кожа влажная, взгляд, полный слез, печален.

— Мне тоже жаль. Жаль, что тебе пришлось через все это пройти, — сказала я. — Жаль, что так и не защитила тебя от Кендры.

— Но ты ведь ничего не знала.

— Любая другая мать давно бы все поняла, — ответила я. — Заметила бы. Но на ваши ссоры я не обратила внимания. — Я всегда думала, что Кендра — разумная девочка. Какой ужас. И Даррен тоже так думал.

— Нет, — Хадсон отрицательно покачал головой. — Она прекрасно умеет манипулировать.

Посмотри, что она с тобой сделала. И с Молли, и с Лесли. — Он встал, тяжело вздохнув. — Если бы не она, Хезер была бы жива. Если бы только она держала свой рот на замке.

Я опешила, на секунду растерялась. Винить Кендру в смерти Хезер — это слишком. Да, рассказала все она. Но целоваться с другой девушкой — это было его решение. Хотя у нее был умысел, она вмешалась в отношения брата с целью внести разлад. Похоже, большую часть своей жизни Кендра сеяла хаос и сама же этим наслаждалась.

И как я могла быть слепа?

Хадсон прав. Прекрасно манипулируя, она обвела всех нас вокруг пальца.

И все-таки насчет одного Кендра не ошиблась: меня не было с ними рядом. Винить себя за то, что следовала своей мечте, никогда не буду. Мне это было необходимо как воздух. Другое дело — Мак. Как бы сильно его ни любила, из-за нашего романа пострадали дети. Здесь я ошиблась, и теперь сожалею. На первое место надо было поставить семью. Тогда бы я заметила, что творится дома.

Думая о всем ужасе, что ему пришлось пережить, смотрю на сына.

— Я никудышная мать, — признаюсь ему. В горле ком.

Похожее я говорила в больнице, держа за руку умирающего Даррена. Повсюду торчали трубки, приборы гудели и пищали. Он лежал в коме, вряд ли меня слышал. Но я все-таки сказала.

«Я была никудышной женой. Извини, что не ценила тебя. Извини, что совсем не думала о тебе».

Думала, что тогда искупила все свои грехи. Нет, остались еще.

Хадсон вернулся к постели и взял меня за руку.

— Мам, из всех женщин только ты была ко мне бесконечно добра. Только ты не причинила мне боли.

Услышать такое от сына — приятно, благодарна ему за эти добрые слова. Будто проявил ко мне милосердие, которое я не заслужила.

— Тебе нужно поспать, — он поцеловал меня в лоб. — Еще завтра поговорим.

Выходит, закрывает дверь, и я вздрагиваю: на секунду охватывает паника. На лестнице слышу шаги. Никакого крючка. Никакого замка. Даже не знаю, с чего мне это пришло в голову. Конечно же, он не собирается меня запирать. Усну, наверно, не сразу: надо переварить все, что произошло сегодня.

Хадсон спустился на первый этаж, и тут я поняла, что так и не попросила его пустить ко мне

Боуи. Когда мы вернулись, Боуи спал в своей лежанке в углу гостиной — не стала его будить. Представляю, как встаю с кровати, выглядываю в коридор и зову Боуи. Но я слишком устала. Вместо этого улеглась на подушках и натянула на себя одеяло.

Повернулась на бок: до мельчайших подробностей вспомнились все события дня.

Но я же ничего не сделала.

С тревогой думаю, где она сейчас. Через что ей пришлось пройти. Может, она и натворила бед, но моей дочерью быть не перестанет. Не хочу, чтобы она страдала. И что будет с Мейсоном? Паника вцепилась мне в глотку. *Мейсон, малыш мой.*

В какой-то момент мне кажется, что совершила ошибку. «Мальчику нужна мать, а я об этом даже не подумала», — проносится в голове, чувствую укол вины. Но потом думаю о всей той боли, что причинила Кендра, о страхе, в который она тайно меня погрузила. Та Кендра, которую я знаю, — ответственная мать. Но кто знает, что стало бы с Мейсоном, если ее не остановить? Нет, я сделала все правильно: и для Кендры, и для Мейсона.

Жалюзи на окне открыты; зная, что оно выходит на дом Лесли, смотрю на рассветное небо.

Выходя из ее дома после нашего последнего разговора, я чувствовала: ничего не вышло, мне не удалось доказать ей невиновность Хадсона. А теперь, оглядываясь назад, понимаю: она не хотела признать, что оклеветала Хадсона.

Спустя два дня я увидела, как ее тело закатывают в машину скорой помощи. Если бы я подобрала другие слова… Что-то более весомое. Точно не знаю что. Такие слова, которые бы сблизили нас.

Теперь, когда она умерла, я все время сожалею. О дружбе, что сошла на нет. О тех годах, что мы ненавидели друг друга.

Все это время я была права. Хадсон не убивал Хезер. Это был несчастный случай — что я и твердила. Теперь я это точно знаю. Не стоило мне бояться правды. Но все-таки я понимаю, почему Лесли так важно было отомстить за смерть дочери. Добиться своего. Знаю это, как знаю и то, что безумно люблю Кендру. Несмотря на все то, что она натворила. Те чувства, что мы испытываем к нашим детям, не поддаются логике. Они часть нас самих. Похоже, обвиняя Хадсона, Лесли не давала умереть Хезер.

И как я всего этого не замечала?

Чтобы осмыслить все, произошедшее сегодня, мне потребуется время. Придется научиться

думать по-другому, забыть историю, в которую верила годами. В моих воспоминаниях виноват всегда был Хадсон, но на деле оказалось, что Кендра.

Оторванные головы кукол, хомяк, воры, даже смерть Хезер.

Все эти годы я думала, что по дому блуждает призрак Грейс, а оказалось, блуждала Кендра.

Слышу, как на первом этаже ходит Боуи, сажусь в постели. Знаю: хоть и устала, без Боуи не усну. Его спокойствие мне нужно как никогда. Выбравшись из-под одеяла, на холодный пол спускаю ноги. Пробую подвигаться: сгибаю пальцы ног, отталкиваюсь от кровати. Через силу встаю.

Осторожно иду, не поднимая ног, толкаю дверь и выхожу в коридор. Отсюда мне все видно, но Боуи и Хадсона нет. По звукам мне казалось, что они в гостиной. Звать пса у меня нет сил, но если подойду к лестнице, то точно его увижу.

Проходя мимо открытой двери в комнату Хадсона, чувствую, что в ногу впилось что-то маленькое и острое. Наклонившись, замечаю на полу комочек засохшей глины. След ведет в комнату сына. Грязи совсем немного, почти не видно.

У меня сжалось сердце.

Вот что не давало мне покоя. Подсознательно мучившая меня мысль. Я видела это в доме и у Молли, и у Лесли. Комочки глины, застрявшие в ворсе ковра. Я им даже не придала значения. Может, потому что была под таблетками, под коктейлем из успокоительных и снотворных препаратов от Кендры?

Но глина, она была в спальне Молли и в коридоре у Лесли. Наклоняясь за сережкой, я подумала, что это гранула перлита.

Смотрю, куда ведет этот след из глины. Сидя на корточках, я хорошо вижу беспорядок под кроватью Хадсона, втягиваю тяжелый воздух. Крадусь на четвереньках — начинает болеть спина. На ящике со сложенными свитерами лежит книга в кожаном переплете. В темноте пытаюсь рассмотреть на корешке дату. Написано маркером.

Недостающий дневник Лесли.

За этот год.

Но оказывается, есть вещи похуже измены.

Хадсон до ужаса ревнив.

В голове всплывает разговор с Наталией. Я взглянула на ее лицо под другим углом, с каким же испугом она говорила о Хадсоне: уголки рта опущены, в глазах — ужас. Так не притворяются. Как бы мне не хотелось этого признавать, но ее

эмоции были настоящими.

«Если бы не она, то Хезер была бы жива, — сказал сегодня Хадсон. — Если бы только она держала свой рот на замке».

Он обвинял Кендру в своей ссоре с Хезер, что во всем виновата она. Он и его поступки якобы тут ни при чем. Вспомнились записи Лесли, из ее дневников. Почему она считала, что Хезер боится Хадсона, а не Кендру? Да, Хадсон пытался это замять. Но разве Хезер не рассказала бы своей матери, что она боится не его, а Кендру?

Я помнила Хадсона и Хезер счастливыми. Но так было не всегда, правда? До меня долетали их ссоры. Крики. И не раз в год. Бывало, они не разговаривали неделями. Какое-то время Хезер у нас вообще не появлялась. А вдруг я позволяю себе помнить только хорошее?

Думаю о Кендре, о том, как отчаянно она доказывала свою невиновность, когда полиция ее увозила.

А что если она не врала?

Бро, перестань мне написывать, иначе я тебя заблокирую.

Может… может, Блонди — это Кендра? Как раз при ней Тео и пообещал познакомить Хадсона с Молли. Видимо, сообразил, что если откажет ему

в этой любезности, то Кендра уверится в его изменах. Она ведь уже догадывалась. Скорее всего, это он дал ее номер Хадсону.

Хадсон виделся с Молли в тот вечер, незадолго до ее смерти. Он сам признался: она ему отказала. Если Наталия не врала, то Хадсон не любит, когда ему отказывают, особенно женщины. Но не убивать же из-за этого!

Только ты не причинила мне боли.

Внизу включается телевизор — от неожиданности пугаюсь. Дергаюсь, подавив в себе крик. Жадно смотрю на дневник: вот бы тайком взять, забрать к себе в спальню. И там прочитать. Но понимаю: делать этого не стоит. Хадсон узнает. Чтобы сфотографировать, у меня с собой даже нет телефона. Не помню, чтобы видела его у себя в комнате.

Должно же быть какое-то объяснение! Разумное объяснение.

Должно же оно быть.

Бесшумно возвращаюсь в спальню; с ужасом смотрю на крючок и петлю, висящие снаружи на дверном косяке — как же хочется, чтобы они были со стороны спальни. Тихо захожу в комнату и плотно закрываю за собой дверь.

Прах, прах.

Всем нам увы и ах!

Кендра наконец-то получила по заслугам. С этой мыслью закидываю ноги на журнальный столик.

К тому же мышь сама виновата — нечего было туда лезть. О той мыши, угодившей за стенку, она говорила слишком высокомерно. Теперь сама оказалась на ее месте.

На этот раз она зашла слишком далеко, и за это придется платить.

Она меня недооценила.

Сидя на диване, я откинулся на подушки и начал перещелкивать каналы — хотелось что-то посмотреть. Нервы совсем успокоились, удивительно. Никогда еще не было в этом доме так тихо и хорошо.

Мама думает, что я ушел из дома и долго не приезжал из-за нее, но это не так. Я не хотел пересекаться с Кендрой. Не хотел страдать от ее издевок. Вот к чему это все: и выключенный телефон, и постоянные переезды с койки на койку и с места на место. Найти меня было непросто. Я был вне поля зрения Кендры. И мне это нравилось.

Если бы не мама, я бы не вернулся. Она всегда была уверенной в себе, целеустремленной, ни от кого не зависящей. По голосу в трубке я понимал,

как она напугана и что ей нужна помощь, — на душе стало неспокойно. Решил убедиться лично, все ли с ней в порядке.

Когда я приехал, она вела себя как обычно. Конечно, я заметил: мама больше времени проводит дома, но в остальном — все как обычно. Не часто, но что-то забывала — такое с каждым случается. Думал, может, она надумывает. Болезнь бабушки все-таки сильно на нее повлияла.

Кендре, очевидно, претила мысль находиться со мной в одном доме. И эта одна из причин, почему решил остаться. Мне нравится видеть ее недовольное лицо. Теперь я не маленький и повлиять на меня непросто. Когда мы собирались в пятницу на ужин — я тогда только приехал — появилось странное ощущение, будто что-то она замышляет. Вот почему я предложил Тео сходить в бар. Знал: сестра будет в ярости. К тому же я не прочь был разузнать о той блондиночке, с которой он работал.

После Наталии мне не хотелось ничего серьезного. Так, что-нибудь незатейливое. Веселое. Простенькую интрижку.

Молли, казалось, только такого и надо. Когда Тео нас знакомил, я понял это по ее кокетливой улыбке. По соблазнительному прищуру глаз и

по тому, как продуманно она облизнула губы и убрала с лица прядь волос.

Наталия была фригидной сучкой, которая последние месяцы наших отношений превратила мою любовь во что-то гадкое и мерзкое. Но я не был монстром. Я должен был отыскать ту, которая бы это поняла. Пусть даже и ненадолго.

Когда мы встретились вечером с мужем сестры, место я предложил выбрать ему.

— Бар «Мидтаун»? — удивленно спросил я, когда он припарковал свою «Хонду-Пилот».

— Ты против?

— Совсем нет. Просто считал: тебе подавай только дорогущие рестораны.

Тео повернул ко мне голову.

— Так и есть. Но я думал, ты хочешь увидеть Молли.

— Она тут? — с улыбкой спросил я.

Тео пожал плечами.

— Может быть. Она часто тут бывает.

К моему разочарованию, Тео ошибся. Молли нигде не было.

— Значит, повезет в следующий раз, — ответил Тео, но по его голосу я бы не сказал, что он сильно расстроился.

Мы сели за барную стойку, я заказал пиво, а Тео

какое-то изысканное виски — я вспомнил отца. Тоже всегда пил виски. На секунду задумался, может, это одна из причин, почему Тео приглянулся Кендре.

Но потом Тео сказал:

— Не говори сестре, что я пил. А то убьет меня.

— Ладно. Что, религия запрещает?

Он рассмеялся:

— Нет, Кендра.

— Как у вас с ней дела? — поинтересовался я, в это время бармен поставил передо мной стакан пива. — Прошлым вечером она была стервозной.

Тео взял в руку свой утонченный коктейль, большой кубик льда бился о стенку бокала.

— Ну да, Кендра всегда чуть на взводе. — Он замолчал, сделал долгий глоток. Не знаю, расскажет ли что-то еще. Называя его жену стервозной, я понимал, на какой разговор толкаю его. Не сводя взгляда с бокала, Тео поставил его на край стола. — Какое-то время она принимала таблетки. Успокоительное и снотворное. Они помогали. Кендра была достаточно спокойной.

— Кендра? Спокойной?!

— Удивлен, да? — Тео рассмеялся. — Но, забеременев, она перестала их пить. Потом сказала, что после родов снова начала принимать таблетки.

Вот почему она не кормила Мейсона грудью. Пару раз я брал для нее рецепты и даже видел в мусорке пустые упаковки. — Он сделал еще глоток. — Но я знаю, их она не пьет.

— Уверен?

Тео кивнул с серьезным видом.

— Я знаю, какая она на таблетках, а какая без них, и поверь мне: сейчас она их не принимает.

Я хотел было спросить, что, по его мнению, Кендра делает с лекарствами, но к нам уверенной походной шла Молли. На ней майка с глубоким вырезом, обтягивающие джинсы и туфли на высоком каблуке с завязками.

Бог ты мой, она еще выше, чем казалась в прошлый раз.

У меня вспотели ладони.

— Тео?

— Молли, привет! — Я заметил, как у мужа сестры покраснели щеки. Решил, что от алкоголя. — Помнишь брата моей жены, Хадсона?

— Конечно, — она улыбнулась. — Приятно снова встретиться.

— И мне. — Я постучал по пустому стулу слева — Тео сидел от меня справа. — Присоединяйся.

Она взглянула на Тео, будто спрашивая разрешения. Отчасти ее понимаю. Они вместе

работают. Может, боялась, что осужу ее: непрофессионально пить в баре с коллегой. Но Тео слегка кивнул. Она улыбнулась и сказала:

— Хорошо. — И пошла в мою сторону, при каждом шаге буфера ее подпрыгивали.

Мы немного поговорили, и я с восторгом понял: Молли и вправду классная. Но потом появились ее друзья. Пока она не ушла, подскочив, я схватил ее за руку и попросил оставить номерок.

Она засомневалась, и я снова невольно заметил, как она взглянула на Тео. Странно. Может, с новыми парнями она знакомится с настороженностью — хотя бог его знает. Или ей нужно, чтобы за меня кто-то поручился? Что я неплохой парень? Понимаю, тоже обжигался. Я смотрел на Молли с улыбкой, и спустя пару неловких секунд она пожала плечами и оттарабанила номер.

Вбил его в контакты, записав как «Блонди».

На следующее утро я нашел маму на диване без сознания, на столе стояла открытая упаковка витаминов.

Я видел в мусорке пустые упаковки. Но я знаю, их она не пьет.

Я вспомнил все рассказы Кендры о мамином состоянии. За ужином в пятницу она раз десять сказала маме про таблетки.

Витамины я спрятал, и следующие несколько дней, похоже, она чувствовала себя хорошо. Ее ничего не беспокоило.

Несколько раз писал Молли, приглашал на свидания, но она не отвечала. Переживал, что неправильно записал номер, позвонил и оставил голосовое сообщение. В трубке прозвучал ее голос, я улыбнулся. Точно она.

Позже тем же вечером мне пришел ответ: «Парень, прости, но я кое с кем встречаюсь».

По поведению в баре не скажешь, что у нее кто-то есть. Она общалась со мной не как с другом. Она флиртовала.

Сделал еще одну попытку: «Не волнуйся. Я ему не расскажу. Ха-ха!»

Написал об этом Тео, он лишь предложил оставить ее в покое.

Но ведь в баре она со мной флиртовала, не понимаю, что случилось потом.

Я знал, где живет Молли: приезжал пару раз, надеясь на разговор. Но она даже не открыла дверь, сучка. Один раз она точно была дома. В окнах горел свет, но она так и не отозвалась.

Терпеть не могу, когда женщины меня игнорируют и воспринимают как злодея. Надо было со мной хотя бы поговорить, но я, видно, так ей

надоел, что даже разговора у нас не будет.

А потом я подумал о маминых «витаминах», спрятанных в ванной под раковиной. Из любопытства я выпил пару штук. Через час стало понятно, что это никакие не витамины. Меня накрыло не так сильно, как, очевидно, маму. Я пролежал плашмя несколько часов, а потом оклемался. Маме же было плохо весь день. Чем больше я думал об этом, тем лучше все понимал. Ей стало плохо, а за день до того я видел: она выпила больше чем одну таблетку. Подумал, это из-за ее забывчивости. А, может, вечером чуть переборщила с вином (на столе видел пустую бутылку).

Для начала я решил поговорить с мамой насчет Кендры.

Но на следующий день, собираясь на встречу с Браунингом, я решил действовать иначе. Вспомнил, какой раскрепощенной и веселой становилась Наталия, как только выпьет или закинется наркотой. Такой она мне нравилась. Под конец наших с ней отношений получить ее удавалось только так.

А что если возьму у мамы несколько таблеток? Пусть Молли расслабится. Они даже не вредные. Разговорится, признает, что все-таки со мной

флиртовала, и тогда я расскажу ей про таблетки. Коли нет вреда, так оно и не беда.

Встретившись вечером с Браунингом, я разговорился с незнакомой девчонкой и подсунул ей одну штуку, но, похоже, она на нее никак не подействовала. Вернувшись домой, внимательно рассмотрел таблетки. Капсулы прозрачные, внутри порошок. В каких-то его было больше. Если Кендра наполняла их сама, то, может, какие-то действуют сильнее. Надо иметь это в виду.

В субботу вечером от Молли пришли злобные ответы. Не ожидал от нее такого.

«Бро, перестань мне написывать, иначе я тебя заблокирую».

Тогда я понял. Ее флирт — может, он был не для меня. Когда я виделся с Молли дважды, каждый раз со мной был Тео. И она не отрывала от него взгляда, будто ждала от него указаний… а может, и разрешения. К тому же, откуда Тео знать, где Молли любит зависать, если они всего лишь коллеги?

Была ли Молли с Тео?

Может, она относилась к тем девушкам, что готовы разрушить брак, ухлестывая за недосягаемыми идеалами? Жаль, Молли не поняла, что ей лучше быть со мной. Кончится тем, что Тео

причинит ей боль.

Прихватив свое задетое эго и насыпав в карман непонятно каких таблеток от Кендры, в субботу вечером я доехал до бара «Мидтаун» вместе с Браунингом. К моей радости Молли была там.

Она не особо мне обрадовалась. В итоге я ввязался в драку с незнакомым парнем, который просил оставить Молли в покое. Но парнишка опоздал. Я уже подсыпал ей в напиток две капсулы. В прошлый раз я уже прогадал, от одной с той телкой ничего не было — с Молли так рисковать нельзя. На этот раз все должно сработать.

Таблетки подействовали, да еще как. У нее заплетался язык, еле на ногах стояла. Браунинг так напился, что ему пришлось вызывать такси. Когда он уехал, я предложил Молли проводить ее до машины. Вести она была не в состоянии, поэтому я взял ключи, посадил ее на пассажирское сиденье, а сам сел за руль.

Подъехав к дому, я проводил ее внутрь и посадил на кровать. Я хотел объяснить ей, что не стоит меня бояться. Момент для этого не самый подходящий. Что ж, все что я мог — уложить ее в постель.

Я медленно начал ее раздевать, любуясь сиреневым бюстгальтером и трусиками. На свиданьях,

она, может, перегибала с флиртом, но себя явно любила и берегла. Уже, было, накрыл ее одеялом, как вдруг она очнулась.

С ужасом посмотрела на себя голую, одежда валялась на полу.

— Что происходит? — истерично бросила она. — Как ты сюда попал?

Я попытался ее успокоить:

— Все хорошо. Ты пригласила меня.

Она схватилась за голову, начала ей трясти:

— Нет! Нет, я не приглашала. Ах ты, ублюдок, что-то мне подсыпал!

— Нет, я собирался поговорить с тобой, но ты упала в обморок, — не отступал я от своего.

Но она не слушала. Водила по постели руками, искала телефон. Если найдет — пиши пропало. Она вызовет полицию, и я точно знаю, как ситуация будет выглядеть со стороны. Мне с полицией больше нельзя пересекаться.

— Хватит. — Схватив за руки, я прижал ее к кровати. — Я ничего не делал. Ты напилась. Вот и все.

— Нет. Ты врешь, — неразборчиво произнесла она. — Встань с меня!

— Заткнись, — крикнул я; злость лезла из меня наружу.

— Встань! — Она начала извиваться. Пинать меня ногами и дергать из стороны в сторону головой. Ее нужно было остановить.

— Успокойся. — Я вцепился ей в шею. — Просто, мать твою, успокойся.

Я не мог смотреть ей в лицо, поэтому крепко зажмурился. Я должен был понимать, что добром это не кончится. Думал о Наталии и о запретительном приказе; о Кендре, что вылила кипяток мне на руки; о маме, что постоянно оставляла меня на ночь с пьяным, неспособным следить за детьми отцом; снова о сестре, ее угрозах и зловещем шепоте. Наконец, Молли перестала дергаться. Перестала двигаться. Разжав руки, я вздохнул с облегчением. Но потом понял, что она совсем не шевелится.

Твою мать.

Она тупо смотрела на меня.

Черт. Черт. Черт.

Волна паники вот-вот меня накроет, но этого нельзя допустить. Если кто-нибудь узнает, то мне конец. И о маме никто не позаботится, никто не расскажет ей, что творила Кендра. Надо все обдумать.

Во всем виновата эта скотина Тео. Но за ним стоит Кендра, так что на самом деле виновата она.

Эта тварь накачивала нашу маму «витаминами». Это она так довела своего мужа, что он начал изменять ей направо и налево, да еще и к тому же познакомил брата жены со своей любовницей. Разве это нормально?

И в эту секунду я придумал план.

Попробую убить двух зайцев одним выстрелом. Выберусь из этого дерьма и наконец-то отплачу сестре за все те многолетние издевки.

Я стану тигром.

В конце концов, это ее таблетки.

Я положил с телом несколько штук и замел за собой все следы, протер ручки дверей и те места, которые трогал.

Бесшумно зайдя домой поздно ночью, я понял: мама не должна ничего знать про таблетки Кендры, поэтому я снова их спрятал. Но я уговорю ее записаться к врачу, так она узнает правду.

И все бы замечательно, если б эта сучка Лесли не увидела, как рано утром я возвращаюсь домой от Молли. К ней мы приехали на ее машине, мне пришлось идти пешком. Подходя к дому, я заметил у окна Лесли. Постоянно сует свой нос в чужие дела. Следила за мной и день, и ночь, маньячка долбанная. И не то чтобы я нарушал закон, но ей явно что-то было известно. Зачем

еще ей отслеживать каждый мой шаг? Рисковать нельзя. Остается раз и навсегда заткнуть эту старую дрянь… Оказалось, легче легкого. К моему удивлению, ключи от ее дома мама не выкинула. Вишенкой на торте была любимая сережка Кендры. Заполучил ее без труда. Кендра почти подала ее мне на блюдечке. Тем вечером, когда Кендра и Тео пришли к нам на ужин, сережка выпала у нее из уха. Маленькая блестящая висюлька на полу. Засунул ее в комод, собирался вернуть при следующей встрече. Но потом все время забывал и в итоге нашел сережке применение получше.

Все прошло гладко. Полиция стала подозревать Кендру намного позже, чем я ожидал, но сегодня утром Кендра пробила дно — совершенно неожиданно, но как нельзя своевременно — и благодаря этому пазл сложился.

Теперь я щелкаю каналы старого маминого телевизора, останавливаюсь на сериале «Офис». Открываю банку пива и делаю долгий глоток. В углу свернулся Боуи. Со второго этажа доносится скрип половиц. Поворачиваюсь и смотрю наверх, но там никого. Думаю о Грейс Ньютон и о ее печально известном падении. Представляю, как ее маленькое тело катится по ступенькам и замирает внизу. Много лет я задавался вопросом:

была ли это случайность, или ее толкнули? Это же так просто сделать. Мне ли не знать. Один резкий толчок — и Хезер летит с обрыва. Она даже ничего не поняла.

Снова послышался скрип. Должно быть, мама ходит по комнате. Уверен, она уж меня не подведет. Я всегда был ее любимчиком. Она всегда мне верила.

А если что и случится, так в ванной стоит упаковка таблеток — знаю, что делать.

Улыбаюсь. Я вернулся домой, не счастье ли это?

Глава 31

Стоя у окна, выглядываю на тихую спокойную улочку. Из соседских окон, задернутых шторами, льется желтый свет. Все семьи, ни о чем не беспокоясь, сидят по домам, смотрят телевизор или едят мороженое, чавкая, прямо из банки. Когда-то так было и в нашем доме.

Замечаю, как они подходят, — сердце начинает биться о ребра. В темном небе отражаются красные и синие цвета. Гляжу на экран телефона, что лежит на ночной тумбочке, — ненавижу себя за то, что пришлось сделать этот звонок. За то, что сдала сына. Сколько печали может уместиться в одном сердце?

На первом этаже происходит какое-то движение.

Лает Боуи.

Поднимаю к шее дрожащую руку. Вижу в стекле собственное отражение. Испуганный взгляд круглых глаз, на щеках бледная кожа, губы дрожат.

У моего дома полицейские машины. Выскакивают мужчины в синей форме, на поясе кобура с оружием. Отвожу от окна взгляд и делаю глу-

бокий вдох. Глаза наполняются слезами. Щеки горят.

Слышу стук в дверь, в доме раздаются шаги, с первого этажа доносятся мужские голоса.

Сердце начинает бешено биться. Не отрывая взгляда, смотрю на дверь — хоть бы никто не зашел. Я больше не вынесу вопросов. В глубине души хочется прибежать вниз и обнять сына еще раз, но я не решаюсь.

Он узнает, что это я сдала его. Никогда мне этого не простит.

Я совершила так много ошибок. Бедные мои дети. На этот раз мне нужно сделать правильный выбор.

Если бы все эти годы я не покрывала Хадсона, не доказывала его невиновность в смерти Хезер, то всем нам было бы лучше. Может, ему бы оказали необходимую помощь. Может, ее бы оказали всем нам.

Повернувшись снова к окну, я прижала руки к стеклу. На меня таращится дом Лесли, пустой и темный.

Посреди лужайки появляется Лесли, в руках у нее горшок с сиреневым ирисом. Она снова молодая, одета в джинсы и футболку, на руках ярко-зеленые садовые перчатки. Вокруг нее, виз-

жа, бегает Хезер, без капли смущения улыбается во все зубы. Улыбается и Лесли, машет в мою сторону. Машу ей в ответ.

А потом она исчезла.

На улицу вышли и другие соседи. Кто стоит на крыльце, кто выбежал на лужайку — таращатся на наш дом, тычут пальцем, глаз не сводят. Только этого они и ждали. Представляю, как они ликуют, узнав, что были правы. Стою у окна, над ними высоко возвышаясь, свет спиной подчеркивает мой силуэт. Но я не отступлю. Я не спрячусь. Буду стоять до конца.

Теперь мой сын на улице, руки скованы за спиной. Держа под руку, полицейский ведет его к машине. Хадсон поднимает взгляд. Знаю: он меня видит, но отвести взгляд не могу. По щеке катится слеза.

Уже второй раз за день я наблюдаю, как полиция увозит моего ребенка.

Сердце разрывается на части.

Смотрю, как его усаживают. Как увозят. Как машина скрывается вдалеке.

Потом медленно подхожу к двери и открываю ее.

Зову Боуи, он тут же прибегает. От звука его шагов на лестнице мне стало спокойнее. Опускаюсь

на колени и зарываюсь лицом в его шерсть. Я плачу из-за детей. Из-за своих ошибок. Из-за того, через что им пришлось пройти. Из-за того, что они натворили.

Собравшись силами, встаю с пола и иду к кровати, следом бежит Боуи. Залезаю под одеяло, натягиваю его до подбородка и кладу на Боуи руку. Слышу, как тикают часы, как скрипит дом, доносится знакомый стук, который я всегда приписывала Грейс.

Снова я одна — пожилая женщина, живущая в этом доме с псом и призраком — как и было, пока не вернулся он.